

Анна Фогта

Дочь императора

- [Амелия Тоуни](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
-

Амелия Тоуни

Дочь итальянца

Маурицио Скальди стоял с бокалом бренди в руке перед огромным окном своего роскошного кабинета. Перед ним расстилалась панорама Вечного города, но он ее не видел. Сегодня был не лучший вечер в его жизни. Семь лет назад в этот день он развелся с Надин. Маурицио никогда особенно не переживал из-за развода. Он прекрасно понимал неизбежность подобного хода событий.

К красавице жене, шатенке с кошачьими зелеными глазами, он относился скорее с дружеской симпатией, чем с пылкой страстью. Надин всегда была нежной, веселой и беззаботной. Казалось, с ней можно прожить долгую жизнь, беспечную, как у мотылька. Но срок их брака закончился, когда Надин захотела родить ребенка.

Однако на пути такого естественного для любой женщины желания возникли неожиданные проблемы. После многочисленных обследований выяснилось, что у супругов не может быть детей, причем по вине Маурицио.

Надин решила для себя эту проблему довольно легко и в соответствии со своей натурой. Через неделю сбежала вместе с садовником, молодым латиноамериканцем, имени которого покинутый муж так и не смог вспомнить.

Жена Маурицио оказалась по-своему неглупой и расчетливой. Кроме садовника Надин забрала с собой меха и драгоценности, дорогие безделушки и бесчисленные наряды. Словом все, что когда-либо покупал ей муж.

Он нашел ее лишь с помощью частных детективов, но не для того, чтобы уговорить вернуться. Ему нужна была лишь ее подпись на документах, свидетельствующих о том, что после развода Надин не будет претендовать на его имущество.

Когда все бумаги были подписаны, Маурицио постарался забыть эту историю и жить дальше. Но сегодня он был готов признать, что не преуспел в этом.

После ухода Надин Маурицио неожиданно почувствовал себя одиноким. Своим весельем, жаждой жизни и беззаботностью жена дарила ему иллюзию радостной жизни, в которой нет места борьбе за власть и деньги. Теперь же он остался совсем один.

У его ног лежал покоренный финансовый Рим, который он подчинил благодарю своему уму, целеустремленности и напору. Компании восхищались им, конкуренты перед ним трепетали. Маурицио мог бы наслаждаться своим положением. Но эта жизнь — словно в ледяном замке на вершине высокой горы, лишенном человеческого тепла, — угнетала его.

Он повертел в пальцах бокал с так и не выпитым бренди. Его руки, большие и сильные, мало напоминала руки владельца нескольких международных концернов. Да и лицо было им под стать — резкие малоподвижные черты и напряженный, сосредоточенный взгляд. Его мускулистое тело останавливало на себе взгляды женщин, особенно тех, которые жаждали денег и успеха.

Казалось, Маурицио Скальди доступно все. Поэтому немудрено, что после развода его тут же окружил рой красоток. Ему льстило внимание некоторых из них. Он всегда был щедрым, дружелюбным и внимательным. Но ни одна из них не тронула его души, и он без сожаления расставался с очередной подружкой, зная, что ей легко найдется замена.

Но сейчас, среди тишины ночного офиса, Маурицио огорченно думал о том, что не может вспомнить ни одной женщины, которая взволновала бы его сердце.

Лишь однажды, очень давно, он познакомился с девушкой с серыми глазами и светлой улыбкой, которую так и не смог забыть. Она напоминала ему едва распустившийся цветок, трепетный и нежный.

Тогда Маурицио был юношой, Веряющим в сказку о вечном и сильном чувстве. Но от этого заблуждения его безжалостно вылечила реальность. Теперь он жил в мире, освобожденном от иллюзий. И тоска по утраченной любви казалась ему проявлением недопустимой слабости.

Поставив бокал на стол, Маурицио вышел из кабинета и спустился на лифте в подземный гараж, где стояла его «мерседес» последней модели. Он любил водить машину сам. Еще с тех времен, когда ему приходилось ездить на старой развалюхе, купленной на распродаже.

Маурицио плавно вел «мерседес» по полупустынной ночной дороге к своей вилле в предместье Рима. Сегодня этот путь казался ему бесконечным.

Неожиданно для себя он опять вспомнил девушку из далекого прошлого. Ее открытое улыбающееся лицо. Сколько времени они провели у него в гараже, ремонтируя злосчастную колымагу! А девушка подшучивала над пятнами на его рубашке и передавала ему гаечные ключи. Часто она залезала к нему под кузов автомобиля, и они целовались там и смеялись как сумасшедшие.

— Маурицио, послушай меня! Я хочу остаться только твоей. Хочу делить с тобой каждый день и каждую ночь. Мне не нужен никто, кроме тебя! — шептала она, жарко дыша ему в шею.

— Но я же беден. На что мы будем жить? У меня нет денег, к которым ты привыкла, — возражал он, но это не мешало ему снова и снова целовать ее.

Она смеялась в ответ беззаботным смехом, который музыкой отзывался в его душе, и заявляла:

— Мы богаче всех на земле, потому что любим друг друга...

Наверное, подобное безумие возможно только в юности, подумал Маурицио. Вот уже много лет он не испытывал той безграничной радости от встречи с женщиной и не чувствовал, как замирает сердце от звука любимого голоса.

Юношеская любовь осталась где-то далеко позади. Но сейчас ему вдруг померещилось, что девушка сидит рядом. Маурицио отчетливо вспомнил, какой завораживающе нежной, все понимающей и доверчивой она была. Тогда ей едва исполнилось шестнадцать, а ему — двадцать один, и они не сомневались, что счастье будет длиться вечно.

Иногда Маурицио казалось, что все могло бы быть иначе.

Но подобные мысли ранили его. И со временем он запретил себе думать подобным образом, решив, что такова его судьба...

Внезапно машину развернуло, раздался визг колес. Маурицио понял, что проколол покрышку. Он остановился и почувствовал, что дрожит. Немного успокоившись, медленно вышел из машины, взглянул на колесо, затем в обе стороны дороги. Она была совершенно пустой.

Как и моя жизнь, печально усмехнулся Маурицио. Непрерывный путь из темноты в темноту. И так продолжается уже пятнадцать долгих лет.

Лондонский отель «Кuin Элизабет» предназначался исключительно для людей, мнящих себя или действительно являющихся сливками общества. Обслуживание было превосходным, а цены подчеркивали социальный и имущественный статус постояльцев.

Арабелла Стоун работала здесь главным консультантом по связям с общественностью. Владельцы «Кuin Элизабет» считали, что в ее лице нашли золотую жилу, притягивающую клиентов, а значит, и их деньги.

Молодая женщина предпочитала жить в отеле, находя это более выгодным, чем содержать дом и каждый день добираться на машине до места работы. К тому же здесь, в отеле, она бесплатно пользовалась массажным кабинетом, салоном SPA и тренажерным залом. Впрочем, ее и без того стройная, подтянутая фигура демонстрировала отсутствие и грамма лишнего веса. А лицо с россыпью приятных веснушек лучилось здоровьем и жизнерадостью.

Сегодня Арабелла предстояло пойти на званый ужин со своим очередным поклонником, финансистом Роном Уиллоби. Их пригласили на крестьяны дочери младшего брата Рона, Тимоти, который являлся совладельцем «Куин Элизабет». И Арабелла собиралась выглядеть как богиня.

Она удобно устроилась на низком пуфе перед огромным овальным зеркалом в старинной раме и принялась скрупулезно изучать свое лицо, стремясь найти хоть малейшие изъяны. Но благодаря природе, а также своей матери итальянке Арабелла была по-настоящему красива. От матери ей достались густые темные, почти черные, волосы, которые очень необычно сочетались с ее серыми проницательными глазами. Она предпочитала носить узкие платья, которые выгодно подчеркивали ее совершенную фигуру, короткие юбки и блузы с низким вырезом.

Немного подумав, Арабелла надела строгое лиловое платье и серьги с небольшими бриллиантами. Затем покрутилась перед зеркалом и осталась довольна собой.

Пунктуальный Рон постучал в дверь номера ровно в девять.

— Ты выглядишь сногсшибательно, — проворковал он, как обычно, увидев ее. — Все мужчины будут смотреть только на тебя, и я стану терзаться от ревности.

В ответ Арабелла рассмеялась.

Торжество решили провести в одном из банкетных залов отеля. По этому случаю его стены затянули золотистым шелком и всюду расставили цветы. Родители девочки были совсем юными: Тимоти едва исполнилось двадцать четыре, а Сузан — двадцать. Ее отец являлся президентом банка, в совет директоров которого входил Рон.

Новорожденная похожа на котенка, подумала Арабелла. А ее мать наивна и импульсивна во всем, особенно в проявлении своих чувств к окружающим.

— Когда смотрю на счастливые семейные пары, то по-доброму завидую им. Ведь они верят в вечную любовь, а я нет, — прошептала она Рону, когда прием был в разгаре.

— Просто ты еще не испытывала этого чувства. Пока никто не смог разбудить твоё сердце. Но когда-нибудь ты полюбишь и ощутишь, как кровь закипает в жилах, — жарко произнес ее спутник.

— Ты на самом деле считаешь, что я неопытна и наивна?

— Ну что ты, сердце мое! Просто реальность не соответствует нашим представлениям об идеале.

— Это правда, — согласилась молодая женщина.

К ним подлетела счастливая мать очаровательной малышки и порывисто обняла Арабеллу.

— О боже, как же я счастлива! Чувствую себя просто на вершине блаженства!.. А что по поводу вас, нежные голубки? Ведь вы столько времени неразлучны. Может, стоит объявить о вашей помолвке? Прямо сейчас...

— Нет! — воскликнула Арабелла.

Через секунду она сообразила, что произнесла это слишком резко и поспешно, поэтому примирительно добавила:

— Этот очаровательный праздник должен быть только вашим. Если мы с Роном отвлечем внимание гостей, то прослыщем эгоистами. К тому же сегодня нам хочется насладиться твоей радостью в полной мере.

— О, Абби, ты такая чуткая подпруга! Но обещай мне, что в ближайшее время мы услышим о вашей помолвке!

Не дождавшись ответа, сияющая Сузан тут же помчалась к другим гостям. Из груди Арабеллы вырвался вздох облегчения.

— Скажи, а почему она назвала тебя Абби? — недоуменно спросил Рон.

— Это уменьшительное от Арабеллы.

— Знаешь, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь называл тебя так. Мне больше нравится Арабелла. Это имя подходит тебе, изысканной и прекрасной, словно сошедшей с полотен Гейнсборо. Абби — определенно не для тебя. Это совсем другой образ!

— И что же это за образ? Опиши мне эту незнакомку.

— Имя Абби больше подходит девчонке юной, отчаянной и своевольной, как ребенок, который еще ничего не знает об окружающем его мире.

Арабелла едва не уронила бокал с шампанским из внезапно задрожавших рук.

— А что, если я не всегда была утонченной светской леди? — сдержанно осведомилась она.

— Вполне возможно, — ответил Рон. — Но я привык видеть тебя именно такой, и не желаю, чтобы ты менялась.

В этом заключалась горькая правда жизни. Много раз Арабелла думала о предложении Рона выйти за него замуж и все больше склонялась принять его. Но не потому, что любила молодого человека, а чтобы не остаться в одиночестве. Кроме того, Рон мог обеспечить ей определенное положение в обществе...

Арабелла отклонила его предложение закончить вечер в баре отеля, сказав, что совершенно измотана. Рон не стал настаивать и проводил ее до номера. Возле двери он попытался поцеловать молодую женщину. Но она выглядела какой-то отстраненной и покачала головой.

— Рон, я действительно очень устала. Спокойной ночи, мое сердце.

— Хорошо. Ты знаешь, я не люблю перечить. К тому же тебе следует хорошенъко выспаться. Завтра у тебя важный день. Надеюсь, ты помнишь?

— Завтра? А что у нас запланировано на завтра?

— Официальный обед с председателем совета директоров банка. Разве ты забыла, моя дорогая?

— А-а, это. Вот увидишь, я буду неотразима и покорю вашего зануду председателя. Пока.

Оставшись одна, Арабелла погасила все лампы, скинув туфли и устроилась с ногами в кресле возле окна. Ей были видны разноцветные огни ночного Лондона. Они напоминали таинственные письмена, по которым она словно читала свою будущую жизнь. Вереницы светских обедов, посещение модных ресторанов, приемы в роскошном доме, где она жена и хозяйка.

Совсем недавно она мечтала о подобной жизни. Но сегодня вечером вид молодой супружеской пары нарушил ее душевное спокойствие. Тимоти и Сузан были так полны любви и страстной веры в сияющее завтра, что напомнили ей себя в юности.

Та Абби тоже верила в счастливую жизнь, полную любви, но она давно умерла. Ее сердце разорвалось от боли, когда разбились все иллюзии.

И вот сегодня в темном номере фешенебельного отеля ее призрак явился Арабелле. И в абсолютной тишине посмотрел на нее укоризненным взором. Он напомнил молодой женщине, что давным-давно у нее тоже было трепетное пылающее любовью сердце, которое она отдала юноше, любившему ее больше жизни.

«Ребенок, который еще ничего не знает об окружающем его мире» — так сказал о ней Рон. И оказался очень близок к истине. Тогда они и вправду были беспечными детьми — непосредственная, взбалмошная Абби и ее восторженный, отважный избранник. И они верили, что их любовь преодолеет все.

Италия покорила Абби сразу, особенно окрестности Пьомбино, где ее мать Карлотта Брокуэлл унаследовала поместье своего отца.

— Мамочка, это место похоже на рай! — увидев побережье Тирренского моря впервые,

воскликнула Абби. — Я хочу прожить здесь всю жизнь!

Мать, которая всегда и во всем потакала дочери, рассмеялась.

— Хорошо, моя птичка. Как скажешь.

Когда Абби исполнилось двенадцать лет, умер ее отец Джон Брокуэлл. Они с матерью остались вдвоем. Карлотта унаследовала от мужа вполне успешный бизнес в области электроники. И к удивлению окружающих, эта вполне домашняя женщина успешно заменила покойного мужа.

Ее предприятия были размещены по всей Англии, но Карлотта и не думала останавливаться на достигнутом. Она настойчиво развивала бизнес в тех странах, где рабочая сила стоила дешевле. Во время школьных каникул Абби они путешествовали вместе, посещая офисы их небольшой империи, или оставались в Дуллете.

Когда Абби исполнилось шестнадцать, она заявила матери, что учеба ей надоела.

— Можно я немножко поживу в Дуллете, мамочка? — попросила она.

И, как всегда, Карлотта ответила:

— Как скажешь, моя птичка. Я тоже не прочь побывать там с тобой какое-то время.

Она купила дочери скутер. И Абби если не гоняла на нем по водной глади, то дни напролет гуляла среди принадлежащих им виноградников и оливковых рощ.

Девушка обладала явной склонностью к языкам и вскоре уже бегло говорила не только по-итальянски, но и на местном тосканском диалекте. В отличие от Карлотты, которую слуги едва понимали. Поэтому мать решила позволить Абби вести хозяйство в поместье. Она так же планировала привлечь дочь к управлению бизнесом спустя какое-то время.

Абби очень гордилась матерью и мечтала стать во всем похожей на нее. Но однажды Карлотта Брокуэлл предстала перед ней в совсем ином, неприглядной обличье.

Тем утром девушка собралась погонять на скутере и шла к причалу, когда двое мужчин внезапно преградили ей дорогу.

— Ты Арабелла Брокуэлл? — спросил один из них по-английски. — И когда девушка кивнула, продолжил: — Где твоя мать, нам нужно немедленно поговорить с ней!

— А зачем вам мама? И вообще кто вы такие? — Абби была не робкого десятка, но ей стало не по себе.

— А затем, что ее следовало бы повесить на первом же суку! — зло закричал другой. — Нам нужна работа, а твоя мать внезапно закрыла завод в Англии только потому, что здесь, в Италии, рабочая сила дешевле. Она не заплатила нам компенсации! Мы остались без работы! Чем нам кормить наши семьи? А твоя мать просто испарилась. Где она?

Абби не на шутку испугалась, осознав, что эти люди доведены до отчаяния и неизвестно, что они могут сделать с ней. Мужчины выглядели настроенными решительно и даже, пожалуй, угрожающе.

— Мама приедет на следующей неделе, — сказала Абби, зная, что Карлотта отправилась куда-то на север страны, но не имевшая ни малейшего представления, с какой целью. — Я передам, что вы искали ее. Уверена, она найдет способ связаться с вами и все уладить. Моя мать — честная женщина.

В ответ раздался грубый смех.

— Меньше, всего на свете твоя честная мать захочет говорить с нами.

— Но что я-то могу сделать? — вскричала девушка.

— Ты останешься с нами. Тогда Карлотте точно придется нас выслушать, — произнес один из мужчин, схватив ее за руку.

— Может, не стоит обижать ни в чем не повинную девушку? — спросил кто-то твердым голосом.

Молодой человек возник словно из ниоткуда. А скорее всего из-за растущих поблизости деревьев. Во всяком случае, эффект неожиданности ему удался. Мужчины замерли, соображая, что делать, поскольку выглядел он впечатляюще — очень высокий рост, широкие плечи. Во взгляде читается уверенность в себе и способность дать отпор любому.

— Спрячься за меня! — приказал он Абби, воспользовавшейся моментом и освободившей руку из цепкой хватки злоумышленника.

— Тебе лучше идти своей дорогой! — с раздражением сказал один из мужчин и бросился на юношу.

Но тот развернулся и молниеносным движением опрокинул его на землю. Другой поспешил ему на помощь, но и его постигла та же участь.

— Убирайтесь отсюда! И не возвращайтесь! — грозно предупредил юноша.

Двоих незнакомцев, у одного из которых шла из носа кровь, поднялись на ноги. Они хотя и бросали на противника разъяренные взгляды, все же благоразумно решили не продолжать драку и, что-то бормоча себе под нос, побрали прочь.

— Спасибо! — пылко произнесла Абби, глядя в глаза своему спасителю.

— Ну как ты, в порядке? Он не повредил тебе руку? — спросил юноша.

— Нет. Все обошлось... благодаря тебе.

Абби постаралась незаметно рассмотреть своего спасителя. Он был высок и прекрасно сложен. Его четко очерченное лицо и темные пронзительные глаза все еще горели гневом. Густые спутанные волосы, свисающие на мускулистую шею, явно нуждались в стрижке. На нем были поношенные черные джинсы и черный кожаный жилет.

Незнакомые разозленные мужчины испугали Абби. Но внезапно она осознала, что и этот юноша по-своему тоже опасен.

— Они ушли и больше не вернутся, — констатировал он тем временем, прекрасно зная, что никто не захочет столкнуться с ним во второй раз.

— Как мило, что ты помог мне... — Абби старалась говорить по-итальянски медленно, чтобы он мог понять ее. — Я очень обрадовалась, увидев, тебя... Думала, мне уже никто не поможет.

— Наверное, ты удивишься, но я знаю английский, — гордо ответил ее спаситель.

— Извини, я не хотела обидеть тебя. Откуда ты здесь объявился?

— Я живу как раз за теми деревьями. Пойдем, я угощу тебя кофе. Вы, англичане, Знаете толк в чае. А я умею готовить отличный кофе по бабушкиному рецепту.

Страх неожиданно уступил место полному доверию, и девушка воскликнула:

— Пошли!

Они стали подниматься по тропинке, ведущей к его дому.

— Я знаю всех местных в округе, но этих типов никогда не встречал прежде, — сказал ее спаситель.

— Они приехали из Англии, искали мою мать. Но ее сейчас здесь нет — вот они и разозлились, — объяснила Абби.

— Может, тебе не стоит ходить здесь в одиночестве?

— Но кто бы мог подумать, что здесь опасно! И потом, это земля моей матери!

— Твоя мать — Карлотта Брокуэлл, о которой все говорят, да?.. Так вот она ошибается, если считает, что вся земля принадлежит ей. Участок, на котором стоит мой дом, я продавать не собираюсь, — отрезал юноша.

— Но мама сказала... — Абби осеклась.

— Что купила всю землю здесь. Однако она выдала желаемое за действительное.

Они поднялись по тропинке и оказались перед небольшим каменным домом, позади

которого возвышался высокий утес, защищающий его от ветра. Рядом росли сосны, и Абби залюбовалась открывшимся видом.

— Вот мой дом, — просто сказал юноша. — Но предупреждаю: он не такой живописный внутри.

Это оказалось правдой. Особенно неприглядно смотрелся пол из старых выщербленных плит. Но, судя по всему, хозяин упорно трудился, чтобы привести жилище в порядок, — повсюду лежали инструменты и доски.

— Садись. — Он указал на деревянный стул, который выглядел грубым, но оказался удивительно удобным. — А я займусь кофе.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Маурицио Скальди.

— А я, как ты уже, наверное, догадался, Арабелла Брокуэлл.

Он неуверенно взглянул на протянутую ему руку — небольшую и изящную. Затем протянул свою. Она была большой и сильной от тяжелой работы.

— Арабелла? — переспросил он. Сейчас его взгляд был мягким и спокойным, но юноша по-прежнему не улыбался.

— Лучше Абби, так зовут меня друзья. Ведь ты теперь мой друг, да? Особенno после того, как спас меня?

Сколько себя помнила, она могла очаровать любого. И находила странным, если кто-то не восхищался ею. Но сейчас почувствовала, что новый знакомый не приходит в восторг от возможности стать ее другом. С чего бы это?

— Да, — ответил он наконец. — Я твой друг.

— Значит, ты будешь звать меня Абби?

— Да, — повторил Маурицио.

— Ты что, живешь здесь совсем один? А где твоя семья?

— Родители умерли. Этот дом принадлежал им, а теперь он мой!

Настойчивость, с которой он произнес последние слова, побудил Абби подтвердить:

— Конечно-конечно! Я не спорю. Он твой!

— Вот только твоя мать думает иначе. Кстати, где она сейчас?

— Где-то на севере. Будет дома на следующей неделе.

— До тех пор тебе не стоит разгуливать в одиночестве.

Абби понимала, что Маурицио прав, но его властный тон задел ее самолюбие. Она не привыкла, чтобы ей указывали.

— Не говори, что мне следует делать. Я буду вести себя как пожелаю, — заявила девушка.

— А если тебя снова подкараулят те двое и рядом никого не окажется, что тогда? — спросил Маурицио.

— Они, наверное, уже на пути в Англию. Ты ведь напугал их, — возразила девушка.

— А если нет?

— Что же мне сидеть в четырех стенах? Я не хочу бояться каких-то прохвостов! — ответила Абби с вызовом, не придумав более достойного аргумента.

Легкая улыбка тронула губы Маурицио.

— Избалованная девчонка! — сказал он на тосканском.

— А ты зануда! — ответила она в тон ему.

Улыбка превратилась в усмешку.

— Ладно, будь по-твоему.

Абби лукаво улыбнулась.

— Может быть, ты и прав.

Маурицио снова наполнил ее чашку, и она отпила из нее с видимым удовольствием.

— Действительно замечательный кофе. Я поражена.

— А я поражен, что ты так хорошо говоришь на нашем диалекте.

— Наверное, сказываются гены. Мои дедушка и бабушка родом отсюда. Дом, в котором мы живем сейчас, построили они.

— Мария и Жильберто Патти?

— Откуда ты все знаешь?

— Мужчины в нашем роду всегда были каменотесами. Они часто выполняли заказы семьи Патти.

Такой была их первая встреча. Маурицио проводил ее до дома и приказал слугам не спускать с девушки глаз. Он вел себя так, будто имел право отдавать распоряжения этим людям.

— С тобой ничего не случится? — забеспокоилась она, вспомнив угрозы англичан. — Вдруг они ждут тебя?

Маурицио только усмехнулся, всем своим видом демонстрируя неустранимость и уверенность в своих силах...

Утро наступившего дня показалось девушке сказочно прекрасным. Она накоротко позавтракала и выскочила из дома. Ей не терпелось снова увидеть Маурицио. Накануне ночью Абби не спалось. Она сидела на подоконнике распахнутого окна и смотрела на звездное небо. Но перед глазами стояло умное упрямое лицо юноши, его решительно сжатые губы, которые могли ослепительно улыбаться.

Абби постоянно думала о его губах и всем своим существом жаждала узнать вкус его поцелуев. Представляла, как он будет нежно обнимать ее своими сильными руками. Она никому не призналась бы в этом, но со вчерашнего дня мечтала только о новом знакомом.

Она еще ни разу не целовалась с мужчиной. Но сейчас, когда встретила Маурицио, ей ужасно хотелось попробовать, каково это. Единственный вопрос, который мучил Абби: как скоро это произойдет? Мысль о любом препятствии была ей невыносима...

Девушка взбежала по тропинке — и столкнулась с Маурицио. И поняла, что он тоже всю ночь не сомкнул глаз.

— Тебе не стоило сюда приходить, — с легким укором заметил юноша. — Ты же знаешь, что опасно расхаживать по окрестностям, пока не приедет твоя мать.

— А почему ты не пришел за мной?

— Потому что синьорина не приказала мне этого, — сказал Маурицио гордо.

— Я не отдаю приказы друзьям.

Она всматривалась в его лицо, изучая каждую линию, каждую черточку. Маурицио нежно улыбнулся, и сердце девушки забилось чаще...

Весь день Абби пробыла у него. Он сделал лазанью, как его научила мать, и это блюдо показалось девушке самой вкусной едой в мире. Но больше всего ей хотелось поцеловать Маурицио. И она верила, что рано или поздно найдет дорогу к его сердцу.

На следующий день все повторилось, и в остальные дни — тоже. Абби хотелось узнать о любимом как можно больше, но пока она поняла лишь то, что Маурицио очень вспыльчив и легко выходит из себя. Впрочем, он довольно быстро успокаивался.

В первый же день их знакомства он сказал «будь по-твоему» и с тех пор отвечал так на каждую ее просьбу. И Абби ощущала свою власть над юношей.

Но тем не менее ей никак не удавалось соблазнить его. Она снова и снова предоставляла ему возможности поцеловать ее, но Маурицио не воспользовался ни одной из них.

На третий день, когда совсем уже стемнело, он стал выпроваживать девушку:

— Тебе уже давно пора быть дома и лежать в кроватке. — Затем добавил по-английски: — Ты знаешь это лучше меня.

В ответ Абби разозлилась и швырнула в него полотенце, лежавшее на столе. Он молча увернулся.

— Я ведь отлично знаю, что нравлюсь тебе! — закричала она.

— Да, это так, Абби. Но ты не можешь рассуждать здраво о подобных вещах. Ты еще ребенок, именно поэтому тебе лучше идти сейчас домой... и не возвращаться сюда.

— Я рассуждаю здраво, а вот ты ведешь себя глупо! — не сдавалась она.

— Думаю, мы прекрасно понимаем друг друга, — последовал спокойный ответ.

— Нет! — Абби не хотела соглашаться с тем, что было ей не по душе. — Мне шестнадцать. Я уже не ребенок!

— А рассуждаешь, как маленькая девочка, которая привыкла получать все, что захочет. Сейчас ты хочешь меня, но я человек, а не игрушка, которую можно выбросить, когда надоест.

— Я не играю!

— Ты еще не знаешь, какими жестокими могут быть жизнь и люди. Боже упаси, если что-то произойдет между нами! — произнес Маурицио.

— Но ты хочешь меня. Почему мы не можем...

Он прервал ее:

— Абби, мой дед работал у твоей бабушки. Я тоже неплохой плотник и каменотес. Иногда зарабатываю немного денег, ремонтируя старые машины. Я простой человек.

— Кого это теперь интересует? — раздраженно воскликнула Абби.

— Спроси свою мать, ее интересует.

— Какая разница, что думает моя мать? Решаем только ты и я.

Внезапно Маурицио разозлился:

— Не будь дурой!

— Не называй меня так.

— А кто же ты, раз пришла сюда, зная, насколько сильно я хочу тебя? Ведь здесь даже некому прийти тебе на помощь. Никто не услышит! — привел он последний оставшийся у него довод.

— Зачем мне звать кого-то на помощь? Я доверяю тебе.

— Ты не знаешь меня, — сердито буркнул Маурицио. — Я не сплю всю ночь, ворочаясь на кровати, и думаю о тебе, такой беззащитной передо мной. Я знаю, что не имею права мечтать о тебе, но не могу сдержаться. А утром ты приходишь, улыбаешься и говоришь: «Маурицио, я хочу тебя», — и я начинаю сходить с ума. Как долго, по-твоему, может вынести это нормальный мужчина?

Абби поняла, что нужно переходить от слов к действиям.

— Ты хочешь меня?

— Да, — коротко ответил он и отвернулся к окну. — Теперь уходи!

Но Абби уже приняла решение и отступать не собиралась. Она приблизилась к нему и начала нежно гладить его руки и спину. Она знала, что Маурицио сейчас полностью в ее власти. Затем медленно сняла с себя майку и коснулась его груди.

Он попытался остановить ее:

— Абби, послушай, мы не должны...

Но конец фразы заглушил ее поцелуй, а потом стало слишком поздно. Они уже не могли остановиться.

На Маурицио была полурасстегнутая рубашка, и потребовалась секунда, чтобы стянуть ее с плеч. Неопытная девушка, поглощенная новыми ощущениями, теряла голову в его объятиях. Но она полностью доверились ему, и он, казалось, понял это. Все действия Маурицио были полны страсти, но и безграничной нежности.

Когда лихорадка возбуждения охватила ее и Абби стала срывать с себя остатки одежды, она услышала его сдавленный смех:

— Не спеши, дорогая.

— Но я так хочу тебя, Маурицио, так хочу!

— Ты понимаешь, чего именно хочешь? — хрипло спросил он. — Я не должен делать этого. Нам нужно остановиться...

— Нет! Иначе я придуши тебе своими руками!

— Ах ты маленькая чертовка, — ласково прошептал Маурицио.

— Ты должен разрешить мне делать все, что я хочу, — поддразнивала она.

После этих слов Абби никакая сила на свете не могла бы остановить Маурицио. Она манила его очарованием своей молодости и непосредственности, откровенной страстью.

Когда он вошел в нее, Абби вскрикнула. Но этот крик быстро перешел в стон восторга, и она задвигалась в такт с ним, наслаждаясь новыми ощущениями. Но вдруг что-то словно кинуло ее навстречу звездам, а в следующее мгновение она с удивлением обнаружила, что вернулась на землю.

— О, как хорошо, — прошептала Абби. — Как хорошо...

Минуту спустя она опять приникла к нему, игнорируя шутливые протесты, и обхватила его ногами, снова требуя неземных ощущений. На сей раз Маурицио любил ее медленно, так медленно, как она этого хотела...

Устав, они лежали, сплетаясь в объятиях.

— Почему ты прогонял меня сначала? — еле слышно спросила она. — Ведь все было так чудесно.

— Я рад, что наша любовь показалась тебе красивой и восхитительной.

— Это потрясающее, и ты потрясающий, и весь мир потрясающий, потому что ты любишь меня!

— Я не говорил, что люблю тебя, — проворчал Маурицио.

— Но ты любишь, разве не так?

— Так. — Он сжал ее стройное обнаженное тело в объятиях. — Да, я люблю тебя. Люблю всем сердцем и душой!

— Знаю! — Абби засмеялась, пробегая пальцами по его груди.

— Не дразни меня, — застонал он. — Я теряю контроль над собой.

— Мне именно это и нужно.

— Я не всегда понимаю тебя, — сказал Маурицио с досадой в голосе.

Но он не мог долго сердиться на нее. Абби хотела, чтобы они снова занялись любовью, а юноша не желал ей отказывать ни в чем...

В день возвращения матери Абби поехала в аэропорт, чтобы встретить ее, на автомобиле, подаренном ей на день рождения.

— Ты балуешь меня, мама, — сказала девушка, увидев новенькую машину.

— Для этого и нужны дочери, — весело ответила ей Карлотта.

Сейчас, по пути домой, она с увлечением рассказывала о поездке.

— Все получилось лучше, чем я ожидала. Рабочая сила там стоит намного дешевле.

Абби слышала подобные разговоры не раз, но после встречи с англичанами восприняла слова матери по-другому.

— Но то, что выгодно тебе, для другого может обернуться крахом, не так ли? — спросила она.

— Конечно. Кто-то всегда терпит неудачу, — как нечто само собой разумеющееся признала Карлотта.

— И в некоторых случаях ты имеешь к этому непосредственное отношение!

— Абби, что с тобой? — удивилась мать. — Раньше ты никогда ничего подобного не говорила.

И Абби решила сказать, что думает:

— Ты закрыла фабрику в Англии, и двое рабочих, уволенных тобой, приехали сюда. Они искали тебя, потому что их семьи остались без средств к существованию.

— Дьявол! И что дальше? — встревожилась Карлотта.

— Они нашли меня вместо тебя, когда я отправилась прогуляться.

— Они не причинили тебе вреда?

— Нет, но только потому, что мне на помощь пришел один юноша, — сказала Абби. — Его

зовут Маурицио Скальди, он живет поблизости и услышал их крики.

— Я обязательно должна поблагодарить этого молодого человека. Расскажи подробнее, где и как это произошло?

Абби так и сделала.

— Не знала, что кто-то арендует там мою землю, — задумчиво произнесла Карлотта, выслушав дочь.

— Он не арендует, он владеет этой землей. Маурицио сказал, что ты хотела купить его участок, но он отказался продать.

— Хорошенькое дельце, — пробормотала мать. — Да, наш управляющий Джордано рассказывал мне об этом типе. Он явно ищет неприятностей на свою голову.

— Маурицио не нужны неприятности, мама. Он только хочет жить в своем доме, — пылко возразила Абби.

— Ерунда, как можно хотеть жить в полуразвалившемся доме? — презрительно поморщилась Карлотта.

— Уже нет. Маурицио отремонтировал его, — сказала Абби.

— Ты была там? — обеспокоенно спросила она.

— Да, он пригласил меня зайти выпить кофе, после того как спас меня. У него теперь мило и уютно.

— Но он потратил свое время и силы впустую. Я куплю дом во что бы то ни стало! — заявила хозяйка поместья.

— Мама! — протестующе воскликнула Абби. — Минуту назад ты собирались благодарить его за мое спасение. А теперь решила угрожать ему!

— Ну что ты, — сказала она с легким смехом. — Я просто предложу ему выгодную сделку.

Карлотта решила не откладывать дело в долгий ящик и явился вместе с дочерью к Маурицио вечером того же дня. Вся луна была благословлена, она поблагодарила его за спасение Абби, а потом смотрела вокруг и сказала:

— Джордано утверждает, что ты хочешь слишком много за свою землю. Она того не стоит.

— Он сказал вам неправду, — спокойно возразил Маурицио. — Это земля стоит дорого, но я не собираюсь ее продавать.

— Посмотрим. Поскольку ты помог моей дочери, я готова удвоить мою последнюю цену. Это более чем справедливо.

— Синьора Брокуэлл, мой дом не продается, — последовал невозмутимый ответ.

— Сколько шума вокруг какого-то клочка земли! — возмутилась Карлотта.

— Тогда почему он вас так интересует? — не без иронии осведомился Маурицио.

— Не твое дело! Я предложила тебе хорошие деньги. Не испытывай моего терпения! — с откровенной угрозой произнесла Карлотта.

И тут молчавшая до сих пор Абби не выдержала и закричала:

— Мама! Ты забыла, что он спас меня?

Карлотта замолчала. Но она не любила проигрывать. Повернувшись, она направилась домой, крикнув через плечо:

— Абби, пойдем!

— Иди, — мягко сказал Маурицио, увидев, что девушка не сдвинулась с места.

— Нет, я остаюсь с тобой!

— Так будет только хуже. Прошу тебя, иди.

Абби уступила его тихой настойчивости, но несдержанность матери оставила горький осадок в ее душе...

Днем позже Карлотта признала, что, возможно, накануне наговорила лишнего.

— Да, ты зашла слишком далеко, — согласилась Абби. — По-моему, тебе стоит извиниться перед Маурицио.

— Ни за что! Он может подумать, что я ему уступила. А ты — другое дело. Почему бы тебе не навестить его и не объяснить, что я не такая уж плохая соседка? Но помни, твои слова не должны звучать как извинение, действуй тонко...

Маурицио встретил ее с откровенным недоумением.

— А мать знает, что ты здесь? Хочешь доставить мне неприятности?

— Неужели ты снова скажешь, что я должна уйти? — спросила Абби с обидой.

— Это лучшее, что ты можешь сделать.

— Но почему? — не сдавалась девушка.

— Я свободный человек, а ты нет. Не хочу, чтобы из-за меня ты поссорилась с матерью, — объяснил Маурицио.

— Другими словами, ты прогоняешь меня...

— Ерунда! — раздраженно бросил Маурицио. Конечно же я хочу, чтобы ты осталась, но...

Она кинулась к нему на шею, не дав договорить, и, поцеловав, воскликнула:

— Я не уйду, любовь моя! Не оставлю тебя!

Ответный поцелуй Маурицио был долгий и глубокий. Затем юноша отстранился от нее, с трудом умерив свой пыл.

— Лучше я умру, чем обижу тебя, — поклялся он.

— Но, дорогой, как ты можешь обидеть меня? Мать сама разрешила мне приходить к тебе.

Маурицио недоверчиво посмотрел на нее.

— Но почему?

Абби засмеялась.

— Она хочет, чтобы я уговорила тебя принять ее предложение.

— И ты пошла на это? — горько усмехнулся он.

— Разумеется нет. Мама просила меня действовать тонко, вот пусть и думает, что я следую ее наставлениям. Зато не будет поднимать шум из-за того, что я провожу время с тобой. Правда, я умная?

— Ты маленькая хитрая ведьма, — улыбнулся Маурицио.

— Я только претворяю в жизнь теорию матери. Она считает, что, когда ты думаешь, будто кто-то делает что-то для тебя, помни: он преследует собственные цели. У людей полно своих забот. Ей и в голову не придет, что в некоторых вопросах наши интересы могут расходиться...

Абби протянула руки, и юноша послушно шагнул с ней, потому что ни тогда, ни позже не мог отказать ей ни в чем. Если мы и погибнем, решил он, то вместе...

— Черт тебя подери, Маурицио! Ты провел меня!

Лицо Скальди казалось застывшей маской.

— Не говори глупостей! Ты наказал себя сам. Нужно было внимательнее читать то, что подписываешь.

— Но я доверился тебе!

— Тем более неразумно. Ведь я сразу предупредил, что ни о каком доверии и речи быть не может. К тому же мои конкуренты наверняка предупредили тебя о том же.

Партнер Маурицио, сидящий напротив него за столом, был готов метать громы и молнии. Он потерял кучу денег из-за своей самонадеянности. Как и многие бизнесмены, он думал, что сможет провести Маурицио Скальди. И как многие, заблуждался.

— Я полагал, что мы станем сотрудничать к обоюдной выгоде, — возразил незадачливый партнер.

— Неужели? А я уверен, что ты хотел использовать меня. Собирался получить от меня информацию, а затем провернуть все в одиночку. Но тебе стоило быть осмотрительнее. Если ты думаешь, будто кто-то делает что-то для тебя, помни: он преследует собственные цели. У людей полно своих забот.

Произнося эти слова, Маурицио внезапно почувствовал, как тень прошлого настигла его, и у него похолодело в сердце. Он попытался успокоиться и глубоко вздохнул. Затем взглянул на собеседника, и слабое чувство сострадания шевельнулось в нем.

— Не отчаивайся! Я пришлю тебе чек, который возместит твои расходы, — произнес Маурицио, не узнавая самого себя.

Потрясенный бизнесмен поспешил уйти. Похоже, ему повезло большего, чем кому-либо иному, решившему обставить синьора Скальди.

Оставшись один, Маурицио несколько минут сидел неподвижно. Ему чудилось, что он заперт в комнате, из которой нет выхода, а стены вот-вот обрушатся на него.

«Если ты думаешь, будто кто-то делает что-то для тебя, помни: он преследует собственные цели». Маурицио произнес эти слова настолько естественно, словно они только что пришли ему в голову. А ведь так говорила Абби в прошлой жизни...

Внезапно Маурицио стало душно, и он развязал тугой узел галстука. Он вспомнил, как после этих слов Абби страстно поцеловала его, они упали на кровать, покрытую лоскутным одеялом, и занялись любовью. Маурицио никогда больше не испытывал такой всепоглощающей страсти. Он любил эту своевольную девушку всем сердцем, всем телом и душой.

Теперь Маурицио Скальди понимал, что допустил тогда непростительный промах. Позволил себе отаться чувству целиком, не задумываясь. Сейчас он гордился, что подобной ошибки больше не повторил ни разу за все прошедшие пятнадцать лет.

Он встал и несколько раз прошелся по комнате, чтобы успокоиться. И это ему удалось, впрочем как и всегда.

Единственным человеком, которому было позволено беспокоить Маурицио в любой час дня и ночи, была его личная помощница Сильвана. Пятидесятидвухлетняя, умная и немного циничная, она казалась воплощением спокойствия и невозмутимости и могла сходу решить любые непредвиденные проблемы. К Маурицио она питала материнские чувства. Только ей он доверял настолько, что позволял высказываться о своей личной жизни.

— Не трать впустую время, копаясь в прошлом, — посоветовала Сильвана боссу, когда

после окончания рабочего дня они сидели в его кабинете за чашечкой кофе. — Ты всегда считал, что у вашего брака не было шанса. Так забудь о нем и женись снова.

— Никогда! — воскликнул Маурицио. — Еще один бездетный брак? Еще один бракоразводный процесс? Нет, спасибо.

— Почему же сразу бездетный? То, что у вас с Надин не было детей, еще ни о чем не говорит. Такое частенько бывает. Супруги не могут иметь общего ребенка, но каждый из них заводит ребенка с кем-то еще. И никто не знает, почему так происходит.

— И этим «кем-то еще» стал мой садовник, — горько посетовал Маурицио.

— Сейчас тебе нужно думать не об этом, а постараться найти хорошую жену и успокоиться. Это нетрудно. Ты — привлекательный мужчина.

Он усмехнулся.

— Сильвана, ты обладаешь непревзойденным талантом говорить мне комплименты. Вчера ты сказала, что со мной невозможно общаться, так как у меня самомнение размером с купол собора Святого Петра. Я забыл другие твои высказывания в мой адрес, но уверен, что ты помнишь.

— Эгоистичный, чудовищный и невыносимый, — произнесла она без колебания. — И я не откажусь ни от одного моего слова.

— Возможно, ты права и я именно такой.

— Но ты все равно остаешься привлекательным для многих женщин, — упрямо повторила Сильвана.

Маурицио задумался так надолго, что она испугалась, не обидела ли босса.

— Как думаешь, возможно ли, что у меня может быть ребенок только от одной женщины? — наконец сказал он.

— Никогда не слышала ни о чем подобном, Маурицио, — ответила Сильвана, качая головой.

— Но ведь такое может быть? — упорствовал он.

— Не знаю. Да и как можно сказать об этом заранее? — удивилась его помощница. — Как выяснить, какую женщину искать?

— А зачем это выяснять...

И тут Сильвана неожиданно улыбнулась.

— Маурицио, ты не хочешь воспринимать реальность, а веришь в то, во что хочешь. Меня это радует. Значит, и ты можешь быть столь же иррациональным, как и все мы, простые смертные. — Она посмотрела на него с любопытством. — Должно быть, она была особенной.

— Да, — вздохнув, сказал он, — особенной...

Маурицио Скальди всегда был человеком действия. Несколько телефонных звонков — и представитель самого известного частного детективного агентства прибыл в его офис на следующее утро.

— Арабелла Брокуэлл, — отрывисто сказал он, скрывая волнение. — Ее мать, Карлотта Брокуэлл, владелица поместья в Пьомбино. Найдите эту женщину. Мне безразлично, сколько это будет стоить, я заплачу любые деньги...

Председатель совета директоров банка Натан Бриджес взирал на Арабеллу с нескрываемым восхищением. Он был очарован ею, как и надеялся Рон. Когда Арабелла оставила их на мгновение, Натан сказал:

— Поздравляю, Рон. Она прекрасна. Когда мы услышим официальное объявление о помолвке?

— Скоро, я надеюсь.

Его собеседник усмехнулся.

— Не тяните слишком долго. Такую женщину мечтает заполучить в жены любой мужчина. Вдруг счастье отвернется от вас?

Когда молодая женщина вернулась, Натан полюбопытствовал:

— Арабелла, а это правда, что ваша мать родом из Италии?

— Да, и мои бабушка и дедушка — тоже.

— И вы говорите по-итальянски?

Арабелла обольстительно улыбнулась мистеру Бриджесу, ведь он был боссом ее Рона.

— Не только на том итальянском, который используется на радио и телевидении, но еще и на тосканском диалекте.

— Впечатлен. Нам бы не помешал такой человек. У концерна, который нас сейчас интересует, главный офис расположен как раз в Риме...

— Какой концерн вы имеете в виду? — решила уточнить Арабелла.

— «Флексион». Недвижимость, финансы, словом все, что приносит прибыль. Буквально на днях глава концерна купил значительный пакет акций «Куин Элизабет». Мы, естественно, заинтересованы в более близком контакте. Я решил устроить званый обед у меня дома. Приглашаю вас, Арабелла, Рона и нашего итальянца — он как раз сейчас в Лондоне. Посмотрим, что он собой представляет...

Провожая Арабеллу, Рон расточал ей похвалы:

— Ты была неподражаема. Ты на самом деле очаровала старика сегодня вечером, любимая.

— Я рада, что смогла помочь тебе.

Арабелла отвечала машинально. И Рон, искоса взглянув на молодую женщину, отметил, что та пребывает в странной меланхолии. Ему очень хотелось обсудить с ней предстоящий званый обед, от которого во многом зависела его карьера. Но Арабелла холодно произнесла «спокойной ночи» и закрыла дверь номера перед его носом. Похоже, это входит у нее в привычку, с досадой подумал Рон и вспомнил предостережение Натана Бриджеса.

Когда Арабелла наконец осталась одна, то облегченно вздохнула. Она разделись и поспешила в ванную, желая смыть воспоминания о прошедшем вечере. Сегодня ее мучил страх, что у нее сдадут нервы так же, как прошлой ночью. Разговор об Италии выбил ее из колеи, и призрак давно забытой любви возник снова...

Как только Абби поняла, что беременна, она поспешила сообщить эту новость Маурицио. Он так обрадовался, что как сумасшедший закружил ее по комнате.

— Ребенок! Наш с тобой маленький ребеночек! Половинка тебя, половинка меня!

— Твой сын и наследник, — сказала она, блаженно замирая в его объятиях.

Он радостно засмеялся, но возразил:

— Я хочу девочку, похожую на тебя. С такими же прекрасными черными волосами, такую же непоседливую и отчаянную, как ты.

Беременность Абби открыла в Маурицио лучшие черты его характера. Он окружил свою возлюбленную любовью, заботой и вниманием. И был готов сделать все, что угодно, ради нее...

Синьоре Карлотте пришлось срочно уехать по делам, а сообщать такую потрясающую новость по телефону Абби не хотелось. Она ждала более подходящего случая. Он наступил, когда Абби была уже на третьем месяце.

— Надеюсь, на этот раз ты решишься? — с надеждой спросил Маурицио.

— Конечно. Я очень хочу, чтобы мама смирилась с тем, что мы поженимся.

— Мы должны сказать ей это вместе. Я не допущу, чтобы ты в одиночку столкнулась с ее гневом.

— Какой гнев? Мама будет только рада, — беспечно произнесла Арабелла. — Она любит детей.

Это была правда. Как многим властным женщинам, Карлотте Брокуэлл была не чужда сентиментальность. Она не только обожала свою дочь, но вполне искренне умилялась на чужих детей, так что окружающие невольно думали: какая чудесная женщина!

— Как ты могла совершить такую глупость? — Карлотта Брокуэлл была вне себя от злости.

— Мама, я не совершила глупость, а забеременела от любимого человека, — возразила Абби, огорченная реакцией матери. — Пожалуйста, не говорит так, словно я сделала что-то недостойное.

— Но так оно и есть! Как этот мерзавец посмел только дотронуться до тебя?

— Я сама хотела его. Пойми наконец! Я соблазнила его, а не он меня!

— Не хочу ничего слышать об этом! — закричала Карлотта.

— Но тебе придется! Я люблю Маурицио и собираюсь выйти за него замуж, нравится тебе это или нет! — отрезала Абби.

— Думаешь, я позволю тебе? Да я скорее сгною этого подонка в тюрьме!

— Никакие угрозы не заставят меня перестать любить Маурицио.

— Тогда я прокляну тебя! — заявила в сердцах Карлотта.

Абби сбежала из дома той же ночью. А утром синьора Брокуэлл появилась на пороге дома Маурицио. Она предложила ему любые деньги за то, что он откажется от ее дочери. Но юноша лишь рассмеялся ей в ответ. Возможно, именно в этот момент Карлотта по-настоящему его возненавидела.

Она попробовала было подговорить кое-кого из местных, чтобы они расправились с Маурицио, но те не согласились. Несмотря на влиятельность семьи Патти — Брокуэлл, никто не хотел идти против юноши, потому что он был одним из них. Но Абби знала, что мать не оставит их в покое, и предложила уехать.

— Это ненадолго, любимый. Матери добреют, когда становятся бабушками. Особенно итальянки.

Маурицио вздохнул.

— Мне совсем не хочется уезжать тайком, носсора с твоей матерью может плохо отразиться и на тебе, и на нашем малыше. Да, нам лучше уехать, чтобы все утряслось.

Они покинули пределы Тосканы и остановились у друзей Маурицио в Сиене. Через две недели купили подержанный автомобиль и поехали на юг, в Умбрию. Там тоже провели две недели в деревушке возле Сполетто и снова отправились в путь, но теперь уже в противоположную сторону, на север.

Влюбленные много говорили о браке, но никак не могли уладить все формальности, поскольку нигде не останавливались надолго, боясь, что их настигнет гнев Карлотты. Везде, где бы они ни оказывались, Маурицио легко находил работу.

Абби и не подозревала, что можно быть такой счастливой. Тошнота по утрам ее больше не беспокоила. Она чувствовала себя энергичной и жила полноценной жизнью с мужчиной, которого обожала. Их любовь была абсолютной, безусловной, как в романах, где пишут, что «они жили долго и счастливо». Она любила его, он любил ее, и они с нетерпением ждали появления на свет их первенца. Чего еще можно было желать?

Абби стала лучше понимать не только Маурицио. Она словно посмотрела на себя со стороны. И много из того, что ей открылось, оказалось неприглядным.

— Я была несносной, — заявила однажды Абби. — Испорченная, невоспитанная девчонка, считающая свои прихоти законом. Мать потворствовала мне во всем, и я никогда не

задумывалась, откуда берутся деньги. Встреча с теми мужчинами из Англии словно отрезвила меня. Фактически мать обокрала их. Разве можно их осуждать, правда?

— Не суди себя строго, — возразил Маурицио. — Ты была ребенком и не задумывалась о методах твоей матери. Но когда прозрела, то не испугалась правды. Моя Абби слишком храбра для этого.

Маурицио всегда с особой теплотой в голосе произносил «моя Абби», как будто она была лучшим подарком в его жизни, который он бережно хранит. И Абби чувствовала себя самым счастливым человеком в мире.

Она видела в своем избраннике то, что было скрыто от других. На напавших на нее англичан он произвел впечатление человека, способного на насилие. С ней же вел себя неизменно нежно и заботливо.

Они иногда спорили, дажессорились, но Маурицио сдерживал свой горячий нрав и всегда первым шел на мировую, просто сдаваясь. Для него не было ничего хуже ссор с любимой. Он был чутким и любящим и всем своим поведением убеждал Абби в том, что она лучше всех. Он поклонялся ей, благоговея и восхищаясь, даже когда забота о ней превращалась в строгий надсмотр.

Когда Абби была на шестом месяце, Маурицио решил, что им надо перестать заниматься любовью, пока не родится малыш.

Терзаемая желанием Абби умоляла его:

— Доктор говорит, что еще можно!

— Но не доктор, а я отец нашего ребенка. И я решил, что нам не следует этого делать теперь, — твердо заявил Маурицио.

— Но почему? Еще целых три месяца! Вдруг ты... ну...

— Хочешь сказать, что сомневаешься, смогу ли я остаться верным тебе?

— Я не знаю, что мне делать! — закричала Абби.

На миг он разозлился, поскольку никогда не давал ей повода для ревности. Но его гнев растворился в смехе.

— О, перестань! — попросила Абби, несильно ударяя его.

Но он смеялся, бережно сжимая ее в объятиях.

— Моя любовь, я буду вовремя приходить домой каждый вечер. А ты сможешь надевать на меня ошейник и водить по улице, — немного успокоившись, произнес он.

— Чтобы каждый встречный мог сказать, что ты у меня под каблуком? Ну уж нет!

— Мне все равно, кто что подумает. Главное, чтобы ты была спокойна, — серьезно ответил он. — Ты и наш ребенок — моя жизнь.

Маурицио ни на йоту не отступил от принятого решения. Он проводил все свободное время дома. И Абби, разговаривая с другими будущими мамами в приемной врача, все больше убеждалась, насколько ей повезло.

Она продолжала наслаждаться жизнью. Все ей казалось забавным. Даже то, как надо экономить на покупках, чтобы им хватало зарплаты Маурицио, и расшивать старые джинсы по мере того, как она набирала вес.

Именно Маурицио решил, что им пора осесть в одном месте.

— Я хочу, чтобы тебя наблюдал постоянный врач, — сказал он.

Они остановились в Каренне, городке, где Маурицио устроился работать строителем. Влюбленные рассудили, что их вряд ли будут искать рядом с тем местом, которое они покинули, спасаясь бегством. К тому же Каренна показалась им вполне достойной того, чтобы пустить здесь корни. Маурицио сам нашел хорошего врача, сам выбрал курсы для беременных и посещал их вместе с Абби.

Но счастье не может длиться вечно. Иногда Абби казалось, что она израсходовала весь его запас за те несколько превосходных месяцев, что прошли после их поспешного отъезда из Пьомбино...

Особняк Натана Бриджеса, роскошный, с огромным количеством комнат, расположенный в пригороде Лондона, давал представление о его доходах. Званный обед был рассчитан на двенадцать персон — число, позволяющее гостям общаться и одновременно дающее возможность побывать наедине друг с другом.

Арабелла знала, чего от нее ожидают, и оделась соответственно — в короткое красное бархатное платье, которое облегало ее стройную фигуру. Черные шелковые чулки подчеркивали стройность ног, обутых в изящные черные туфли. Сегодня она дала свободу своим длинным густым волосам, струящимся по спине в «естественному» стиле, на который было потрачено три часа в салоне красоты. Массивное золотое ожерелье и серьги, надетые сегодня, были подарком Рона, «в преддверии радостного события», как он выразился.

— Во «Флексионе» высказались неопределенно: приедет ли президент, то ли его заместитель, то ли исполнительный директор. Но нам удалось выяснить, что это будет именно глава концерна, ради кого Натан устраивает обед, — сказал Рон, когда они сели в машину.

— Какое это имеет значение? — небрежно ответила Арабелла.

— Да уж, верно. Вряд ли найдется мужчина, способный устоять перед тобой. А сегодня тем более. Никогда не видел, чтобы ты выглядела настолько хорошо, — с искренним восхищением произнес Рон.

— Спасибо.

— Но, должен сказать, что мне немного не по себе. Я уже готов приревновать тебя к этому итальянцу, — признался ее собеседник.

Арабелла с недоумением повела бровью.

— А вот это уже совершенно излишне. Я никогда не позволю себе ничего, что недостойно уважающей себя женщины.

Лимузин въехал в ворота и направился по подъездной аллее к ярко освещенному особняку.

Когда они почти приехали, Арабеллу охватило странное, тревожащее чувство, хотя предстоящий прием ничем не отличался от десятков остальных, которые ей довелось посетить.

Дверь особняка была распахнута. Сам хозяин встречал новоприбывших, радушно улыбаясь.

— Рон, Арабелла, как замечательно, что вы пришли! Вы выглядите прекрасно, как всегда. Дорогая, какое чудесное платье...

Знакомые фразы, произносимые теми же самыми людьми. И ее ответ, похожий на все предыдущие. Те же самые улыбки, тот же самый смех... та же самая пустота.

Когда они входили в гостиную, Натан Бриджес взял молодую женщину под локоть и сказал:

— Я хочу кое с кем вас познакомить...

Продолжения не требовалось. Арабелла и так знала, что скрывается под этой ничего не значащей фразой. Одной ее обольстительной улыбки будет достаточно, чтобы добиться желаемого. Улыбки, не затрагивающей сердца. Что ж, таковы правила игры. «Если ты думаешь, будто кто-то делает что-то для тебя, помни: он преследует собственные цели». И тот, кому будет адресована ее улыбка, наверняка знает об этом. Так что не стоит его жалеть.

— Он уже здесь? — спросила Арабелла.

— Да, прибыл десять минут назад.

Она проследила за его взглядом и увидела того, кого меньше всего ожидала и хотела увидеть снова...

Наконец они устроились и начали планировать свадьбу.

— Дорогая, ты не будешь против простой церемонии без великолепного свадебного платья? — спросил Маурицио.

Она хихикнула.

— Я буду выглядеть немного странно в великолепном свадебном платье и на восьмом месяце беременности. И мне не нужна вся эта суэта. Я хочу только тебя.

Когда Абби легла спать, Маурицио укрыл ее одеялом, встал перед ней на колени, взял за руки и заговорил тихо и благоговейно:

— Послезавтра мы поженимся. Дадим священные клятвы перед алтарем. Но ни одна из них не будет священнее той, что я дам тебе сейчас. Клянусь, что мое сердце, моя любовь и вся моя жизнь принадлежат тебе и так будет всегда... Ты слышишь? Короткой или длинной окажется моя жизнь, каждый ее миг будет прожит для тебя. — Он нежно погладил ее по круглому животу. — И ты, малыш, знай, я буду всегда защищать тебя. Ты вырастишь беззаботным и счастливым, потому что твои мама и папа любят тебя.

Абби попыталась сказать что-то в ответ, но ее душила слезы.

— О, Маурицио, — смогла наконец произнести она, — если бы ты только знал...

— Тише, дорогая. Не говори ничего, я все прочел в твоих глазах. — Он взял ее лицо в ладони. — Ты всегда будешь со мной, как сейчас. — И поцеловал так, что ее сердце сладко замерло.

Она заснула в его объятиях той ночью и проснулась от его поцелуя рано утром. Маурицио собрался на работу, чтобы прийти домой пораньше и помочь ей с последними приготовлениями к свадьбе.

Абби провела весь день, убираясь в доме и проверяя, достаточно ли угощения и вина для гостей. Она поставила чайник на плиту, собираясь выпить кофе, когда кто-то позвонил в дверь.

На пороге дверью стояла... Карлотта.

— Мама... здравствуй.

Абби знала, что их встреча неизбежна, и даже обрадовалась, увидев мать.

— Здравствуй, Абби. Ты позволишь?

Она вошла, не замечая живота дочери. Если Карлотте что-то не нравилось, она всегда делала вид, что этого не существует.

— Ты одна, как я посмотрю. Он уже бросил тебя, что ли?

— Мама, сейчас три часа дня. Маурицио на работе, но он скоро придет.

— Да что ты говоришь!

Абби всегда знала, что примирение с матерью будет тяжелым, но очень хотела как можно скорее наладить с ней отношения.

— Рада видеть тебя...

— Думаю, ты сыта по горло всем этим, — прервала ее мать, брезгливо оглядывая их более чем скромное жилище.

— Нет. Это моя жизнь. И завтра мы с Маурицио поженимся.

— Так вы еще не женаты? — задумчиво протянула Карлотта и загадочно добавила: — Значит, я успела вовремя.

— У нас с Маурицио будет ребенок. Завтра я выхожу за него замуж, — твердо произнесла Абби. — Надеюсь, ты останешься на нашу свадьбу и выпьешь за наше счастье...

Мать посмотрела на нее с нежностью.

— Птичка моя, ты живешь в придуманном мире. Доверься мне, я знаю, что лучше для моей крошки. Маурицио обманет тебя.

— Мама...

Но Карлотта, не слушая дочь, продолжала:

— Я должна все исправить. Просто позволь мне позаботиться о тебе. И все будет прекрасно, как только мы уедем домой.

— Мой дом здесь! — с вызовом произнесла Абби.

— Эта лачуга? Думаешь, я оставлю тебя здесь? Прекрати спорить и собирайся!

Карлотта резко схватила дочь за руку, и Абби невольно вскрикнула. Маурицио, как раз подходивший к дому, услышал крик любимой и бросился на выручку. Он распахнул дверь и потребовал:

— Отпустите ее!

Карлотта проигнорировала его слова, продолжая тянуть Абби за собой. Та отчаянно сопротивлялась, но ей мешал живот. С проклятием Маурицио схватил Карлотту за руку, намереваясь остановить.

— Не смейте трогать ее! — приказал он, и в его глазах вспыхнула та же самая угроза, которую Абби увидела, впервые повстречав его.

— Я забираю ее домой! — заявила Карлотта.

— Почему вы так поступаете со своей дочерью? — спросил юноша, надеясь образумить разъяренную женщину. — Вы же знаете, что мы любим друг друга! Если будете продолжать упорствовать, можете навредить ребенку, которого мы ждем.

Но его уверения пропали втуне. Карлотта явно не собиралась идти на попятный. Она снова потащила Абби к двери.

— Маурицио, не позволяй ей увезти меня! — взмолилась Абби.

Эти слова, обращенные к ненавистному ей человеку, полностью лишили Карлотту возможности контролировать свои действия. Не отдавая себе отчета, она оттолкнула дочь и набросилась на Маурицио.

Дальнейшее походило на кошмар. Абби упала, а когда попыталась встать, вдруг почувствовала, что мир уходит у нее из-под ног. Все вокруг закружилось, и внезапно ее пронзила острые боль. Абби закричала, теряя сознание. Карлотта, оттолкнув юношу, бросилась к дочери...

Абби казалось, что она видит Маурицио, тянулась к нему, называла по имени. Но вместо любимого видела мать, склонившуюся над ней.

— Маурицио, — снова и снова звала Абби. — Маурицио...

Но он исчез, словно его и не было.

Когда прошла физическая боль, молодая женщина впала в депрессию. Она словно окаменела, душа ее будто погрузилась в беспространный мрак. Маурицио бросил их на произвол судьбы в самый тяжелый момент, хотя обещал любить и защищать и ее, и их ребенка. Его дочь умерла, не прожив и дня, а он даже не видел малышку.

— Она была такой маленькой и беспомощной, — шептала Абби в пустоту. — Ей так был нужен отец.

Но он не слышал, тьма проглотила его. И мир вокруг Абби неизвестно изменился.

Она знала, что сейчас находится в Лондоне, в красивом уютном доме. О ней заботятся люди в белой одежде и разговаривают с ней добрыми голосами.

— Как мы чувствуем себя сегодня, мисс Арабелла?.. Немного лучше? Это хорошо...

Она не отвечала, да это, похоже, было и не нужно. Люди с добрыми голосами относились к ней, как к кукле, ухаживали за ней, заботились, расчесывали волосы и помогали одеваться.

— Никто не знает, как долго это продлится, миссис Брокуэлл. У нее глубокая послеродовая

депрессию, осложненная душевной травмой. Должно пройти время, прежде чем она поправится, — говорили они матери.

Так и случилось. Настал день, когда безучастная ко всему Арабелла вдруг поняла, что слова, которые она слышит, имеют смысл. В этот момент Карлотта как раз произносила свой очередной монолог:

— ...Год в финансовом отношении выдался трудный, но я ничего не пожалею для моей птички...

— Где он? Где Маурицио? Почему он не пришел? — спросила Арабелла, едва поняв, что может говорить.

— Потому что я... купила его.

Она медленно повернулась к матери и посмотрела взглядом, от которого у Карлотты мороз прошел по коже.

— Что ты сказала? — Даже ей самой голос показался безжизненным.

— Я купила его. Твой Маурицио потребовал денег и уехал. Он больше не побеспокоит тебя, моя птичка. — Видимо, Карлотта решила, что надо раз и навсегда покончить с этой темой.

— Я не верю тебе, — покачала головой Арабелла.

— Тогда взгляни на это.

И Карлотта показала обналиченный чек на пятьдесят тысяч фунтов, выписанный на имя Маурицио Скальди. «Короткой или длинной окажется моя жизнь, каждый ее миг будет прожит для тебя»... Как же скоро он забыл о своих словах! Арабелла думала, что уже умерла, но, видимо, в ней еще оставались какие-то чувства, делающие ее живой. Сейчас умирали и они. И она была этому только рада.

Он оказался в центре внимания собравшихся в особняке Натана Бриджеса с момента своего появления здесь. Все хотели быть ему представлены. Да, он стал важной птицей, подумала Арабелла. Впрочем, Маурицио Скальди независимо от своего статуса всегда привлекал внимание своим обликом, властностью и силой, исходящими от него.

Теперь он стал еще шире в плечах, а его волосы, раньше длинные и волнистые, теперь были коротко подстрижены, Черты лица стали выразительнее и жестче. А на левой щеке появился шрам. Он очень напоминал матерого хищника, высматривающего добычу. Все невольно чувствовали это и искали его расположения. Кроме нее.

— Дорогая, — весело произнес Натан Бриджес, подводя ее к Маурицио, — позволь представить тебе нашего гостя, синьора Скальди... А это наш специалист по связям с общественностью отеля «Куин Элизабет».

— Раз познакомиться с вами, миссис Стоун, — учтиво произнес Маурицио, чуть склонив голову.

— Добрый вечер, синьор Скальди, — в свою очередь поприветствовала его Арабелла.

Да, он изменился. Рука, которой он сжал ее протянутую ладонь, уже не была той любимой грубой ручищей, приводящей ее в трепет. Теперь это была ухоженная рука богатого мужчины. Незнакомца.

Арабелла заставила себя посмотреть ему в глаза... и не увидела там ничего — ни тепла, ни тревоги, ни изумления, ни узнавания. И неожиданно почувствовала смесь облегчения и разочарования. Она пробормотала что-то о приятной встрече и поспешила отойти.

— Ты могла быть бы и поприветливее с ним, — сказал ей Рон. — Мужчины вроде этого Скальди самодостаточны, но порой их может задеть недостаток уделяемого им внимания.

— Вот и займись этим! — отрезала Арабелла.

— Что?

— То, как ты отзываешься о нем, показывает твоё глубокое к нему почтение. Хотя все вы, мужчины, из одного теста, — заявила она. — Полны самодовольства и желания показать, как много го вы добились.

Хотя к Рону последнее не имело никакого отношения: он родился богатым. Впрочем, он не собирался ей возражать, и Арабелла обрадовалась, что получила небольшую передышку. Неожиданная встреча потрясла ее, но она уже справилась с собой и теперь наблюдала за Маурицио, разговаривающим с кем-то из гостей.

— Он очень богат, — прошептал Арабелле на ухо Натаан Бриджес. — И никогда не поверите: всего добился сам!

— Никто на самом деле не начинает с нуля, — возразил Рон, тоже не спускающий с Маурицио глаз. — Так или иначе, он достал где-нибудь круглую сумму денег для начала. Можно только предполагать, что ему пришлось сделать, чтобы получить ее.

Натаан Бриджес взглянул на него с усмешкой.

— Возможно, нам лучше этого не знать. Он может оказаться весьма опасным человеком.

Арабелла ничего не сказала. Она знала, что послужило основой благосостояния Маурицио. Последний раз, когда она видела его, он был беден. Теперь же, судя по всему, стал одним из самых богатых людей в Европе. То есть одним из тех, кого некогда презирал.

Ее мать тогда сказала: «Я купила его. Твой Маурицио потребовал денег и уехал. Он больше не беспокоит тебя, моя птичка». Но даже после того, как увидела чек, Арабелла иногда говорила себе, что это неправда. Если бы Маурицио вернулся, она поверила бы любому его объяснению. Но он не давал о себе знать, и в конце концов она перестала звать его в темноте. А теперь окончательно уверилась, что мать не обманула ее. Маурицио нуждался в деньгах и продал любовь, чтобы получить их...

Когда всех пригласили к столу, Арабелле пришлось взять себя в руки — она должна была сидеть за ужином рядом с Маурицио. Приманка в западне, усмехнулась молодая женщина. Но какое это имеет значение?

Он поступил весьма корректно, сказав ей несколько ничего не значащих фраз, и обратил внимание на соседку справа, которая таяла под его взглядом.

Арабелла вздохнула с облегчением. Но тут хозяин дома весело произнес:

— Синьор Скальди, если вы задаетесь вопросом, почему мы посадили вас рядом с миссис Стоун, то знайте: она говорит по-итальянски.

— Это очень любезно с вашей стороны, — вежливо ответил Маурицио. — Итак, синьора, — обратился он к Арабелле на тосканском, — мы будем весь вечер притворяться, что не знаем друг друга?

Значит, он тоже сразу узнал ее, но ждал удобного для себя момента, чтобы сообщить ей об этом. Но зачем? Надеялся застать врасплох, чтобы она не смогла справиться с собой?

Все смотрели на них с улыбкой, думая, что Маурицио пошутил.

— Что он сказал вам, дорогая? — спросил Натан Бриджес. — Должно быть, что-то фривольное, раз вы не можете перевести дух. Шепните мне на ушко.

— О нет, — улыбаясь, ответила Арабелла. — Я умею хранить тайны.

Все рассмеялись, словно она сказала что-то остроумное. И тогда, не меняя выражения лица, Арабелла — тоже на тосканском — спросила:

— Ты сказал кому-нибудь, что мы уже встречались?

— Нет. Меня и так все устраивает. А лишение слухи, полагаю, нам обоим не нужны.

Маурицио был прав. Но ей было невыносимо тяжело от того, что он счел ее поведение само собой разумеющимся.

Арабелла молча кивнула.

— Тогда все хорошо. А сейчас наслаждайся ужином. Мы поговорим позже.

Надменность, с которой он в одиночку принял решение, привела Арабеллу в бешенство.

— Нет, мы не поговорим позже, — прошипела она, старательно растягивая губы в светской улыбке. — Я уеду рано.

Маурицио усмехнулся.

— Не уедешь. Давай поспорим?

— Будь ты проклят вместе со своей самоуверенностью! — прошептала она.

— Я? — Он казался удивленным. — Но я действительно не могу уйти, не поговорив с тобой. Прошло столько лет! Думаю, и тебе есть что сказать мне.

— Нет! — раздраженно сказала Арабелла, и это была правда.

Маурицио обвел сидящих за столом нарочито восхищенным взглядом.

— Миссис Стоун не сделала ни единой ошибки. Ее тосканский совершенен.

Все заапплодировали. А Рон и Натан обменялись торжествующими улыбками...

Арабелла смутно помнила оставшуюся часть ужина. Кофе подавали в оранжерее размером с небольшой парк. Двойные стеклянные двери были распахнуты, и некоторые из гостей прогуливались по тропинкам. Экзотические деревья вокруг были украшены цветными фонариками.

— Давай пройдемся и ты покажешь мне все тут, — предложил Маурицио.

Арабелла, желая только одного: поскорее закончить эту встречу, не стала говорить, что она здесь не хозяйка, и повела его по одной из тропинок. Когда они достаточно удалились от остальных гостей, молодая женщина остановился и решительно произнесла:

— Насколько я понимаю, тебя мало интересуют все эти кусты и цветы. Итак, о чем ты собирался со мной говорить?

— Абби, — Маурицио протянул руку, но она отстранилась прежде, чем он успел коснуться ее, — ты думала, что мы когда-либо встретимся снова?

— Нет, — честно сказала она. — Никогда.

— Конечно. Как мы могли снова встретиться в этом мире, если все было против нас?

— Да, все всегда было против нас, — подтвердила Арабелла. — На самом деле у нас не было ни единого шанса.

Маурицио подошел ближе и взглянул на ее лицо, освещенное розовым фонариком, висящим над ними.

— Ты изменилась. — Он вздохнул. — И все-таки ты похожа на себя прежнюю.

— А ты стал совсем другим, — вымолвила она.

Маурицио неловко потер шрам на левой щеке.

— Ты имеешь в виду это?

— Нет, всего тебя.

— Естественно, я стал старше на пятнадцать лет, — усмехнулся он. — Да и ты тоже... хотя женщинам не принято говорить об их возрасте.

— Да. — Арабелла намеренно отвечала односложно. Странно, но теперь в его обществе она чувствовала себя настороженно, чего никогда не случалось прежде.

— Ты сменила фамилию, — заметил Маурицио, — значит, ты замужем. Но мужчину, с которым ты пришла сегодня, зовут не Стоун.

— Да, я была замужем за Джоном Стоуном и развелась. — Кем приходится ей Рон, она не сочла нужным сообщать.

— Как долго длился ваш брак?

— Шесть лет, — ответила Арабелла, начиная раздражаться от того, что их беседа стала напоминать допрос.

— И твоя мать одобрила этот брак?

— Мама умерла к тому времени, когда я вышла замуж. Мы не общались в последние годы ее жизни. Нам нечего было сказать друг другу. Она не могла смотреть мне в глаза. — Арабелла не понимала, зачем говорить ему все это.

— Неудивительно.

Услышав это слово, произнесенное с многозначительным смешком, она не выдержала:

— А ты?.. Впрочем, ты-то наверняка женат!

— Ты так уверена в этом? — спросил Маурицио.

— Конечно. Каждому преуспевающему мужчине нужна жена, чтобы принимать гостей на званных обедах.

— Я не даю званных обедов. Надин имела обыкновение наслаждаться ими, но их было немного. Теперь мы в разводе.

— Потому что она любила званные обеды? — Арабелла попробовала обратить все в шутку.

— Нет, — резко ответил он, — по другой причине.

— Сожалею, я не хотела совать нос в чужие дела.

— Ничего. Расскажи мне, что еще ты делала все эти годы, — требовательно спросил Маурицио.

И Арабелла опять послушно, словно помимо воли, стала ему рассказывать, как продала поместье и отправилась путешествовать. Как вернулась в Лондон и перевела на английский роман популярного итальянского автора. Как встретила Джона Брауна, который был издателем.

— Почему ты развелась?

— По взаимному согласию, — помедлив, сказала она. — Мы не были счастливы вместе. — И, неожиданно поняв, что слишком долго разговаривает с Маурицио и это может быть превратно истолковано, предложила: — По-моему, нам стоит вернуться к остальным гостям.

— Но сначала я хочу что-то сказать тебе... — Казалось, слова даются Маурицио с трудом. — Я должен увидеть тебя снова... Наедине...

— Нет! — отрезала она. — Не вижу никакого смысла!

— Ну как же. Все произошло слишком неожиданно. У нас даже не было возможности попрощаться друг с другом. Мы прожили годы, не зная, что случилось с нами обоими. Я многое хочу объяснить тебе. У меня есть на это право...

— Не говори со мной так! — с оскорблением видом прервала она его.

— Как? — Маурицио был искренне озадачен.

— Так требовательно. В отношении меня у тебя нет никаких прав.

— Я только хочу, чтобы ты поняла...

Он что, действительно считает, что от его объяснений кому-то станет легче? — подумала Арабелла и решила расставить все точки над «і».

— Маурицио, если речь идет о деньгах, ты не должен ничего объяснять. Уверена, они пошли тебе на пользу.

Удивление отразилось на его лице.

— Твоя мать рассказала тебе о деньгах? Я озадачен.

— Конечно, рассказала. — Арабелла ощутила острую боль оттого, что он говорит об этом так небрежно. — Ну что, мы покончили с этим?

— И это все, что ты можешь мне сказать, Абби? После стольких лет разлуки! — Казалось, его изумлению нет предела.

— У девочки, которой я была тогда, были вопросы. И юноша, которым ты был, возможно, ответил бы на них...

— Я пытался, — с пылом произнес Маурицио. — Я всегда пытался выполнить любое твое желание, потому что хотел тебе счастья. Неужели забыла?

— Нет, — призналась Арабелла после долгого молчания, — не забыла. Но старалась об этом не вспоминать. А теперь слишком поздно. Мы уже не те. Ведь прошло пятнадцать лет после того дня, когда моя мать помешала нам пожениться... Но я на самом деле рада, что ты добился успеха в жизни.

Маурицио, пораженный, уставился на нее.

— Что ты сказала?

— Я рада, что ты добился успеха.

— Нет, перед этим... О нашей последней встрече...

— Это был день перед нашей свадьбой. Или перед тем, что должно было стать нашей свадьбой.

— Ты не помнишь... — Он не договорил. — Впрочем, не важно. Гораздо важнее то, что мы снова встретились. Мы не закончили наши дела, пришло время позаботиться об этом.

Арабелла задрожала. Ее Маурицио был чутким и нежным. А этот незнакомец отдавал приказы, даже когда пытался просто разговаривать. Если он превратился в такого человека, то она бы предпочла никогда не знать его.

— Сожалею, — Арабелла пыталась говорить спокойно, — но повторяю: я не вижу смысла в еще одной встрече.

— Я вижу! — отрезал он.

Молодая женщина глубоко вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

— Одного твоего желания тут недостаточно. А я...

— Твой босс будет недоволен, если ты пренебрежительно обойдешься со мной. — Маурицио с усмешкой кивнул в сторону дома.

Итак, он догадался, какова ее роль на этом приеме. Но молодая женщина постаралась, как говорится, сохранить хорошую мину при плохой игре.

— Мистер Бриджес не нуждается в моих услугах в качестве посредника, — возразила Арабелла и пошла прочь.

— Ты собираешься замуж за Рона Уиллоби? — крикнул он ей вслед.

Арабелла обернулась и недоуменно свела брови:

— Что ты сказал?

— Ты прекрасно слышала. Я хочу знать.

— Но я не хочу отвечать тебе, — ответила она. — Спокойной ночи, синьор Скальди.

Арабелла надеялась, что войдет в дом, не привлекая внимание в случае, если кто-то задастся вопросом, почему она одна. Но Маурицио догнал ее у дверей и вошел вслед за ней так, что выглядело, будто они вернулись вместе. К ее облегчению, он не пытался больше говорить с нею в тот вечер.

Но когда они прощались, задержал ее руку немного дольше, чем положено, и мягко произнес:

— До встречи.

— Ее не будет! — поспешило ответила Арабелла.

Она не намеревалась снова встречаться с ним, и для них обоих было лучше, если Маурицио узнает об этом сейчас.

Он ничего не сказал в ответ.

По пути домой Рон подвел итог встречи:

— Ты все правильно сделала, любимая. Попала в цель с этим Скальди. Он оценил тебя довольно высоко.

— Жаль, что я не могу сказать о нем то же самое, — с наигранным равнодушием произнесла Арабелла. — Думаю, он самый невозможный человек из тех, кого я знаю. Требовательный, нетерпеливый, любящий, чтобы все было по его...

— А чего ты ожидала? Такому богачу, как он, позволено все, — заметил Рон, и, как показалось Арабелле, не без зависти.

— Надеюсь, что не увижу его больше, — сказала она.

— Боюсь, что придется. Очевидно, он собирается остановиться в «Куин Элизабет».

— Но почему? — вскричала Арабелла в отчаянии, прежде чем поняла, что в глазах Рона это может выглядеть подозрительно.

— У него нет дома в Англии. Естественно, что ему придется жить в гостинице, — принялся объяснять ее спутник, не обратив внимания на более чем странное поведение молодой женщины. — И, само собой разумеется, он выбрал ту, акционером которой является. Это же логично.

Конечно, это было логично. Но не могло не встревожить ее.

— Когда синьор Скальди сказал тебе об этом?

— Непосредственно перед тем, как мы уехали. Именно поэтому я говорю, что ты блестяще справилась со своей маленькой миссией. Бриджес просто восхищен тобой и все намекает о моем «ценном приобретении».

Правильный ответ превратил бы эти слова в предложение руки и сердца, которое уже давно витало в воздухе. Но Арабелла устало вздохнула и сказала:

— Как любезно с его стороны. — Она зевнула. — О, дорогой, я уже засыпаю. Проводи меня до номера, не то я засну по дороге.

Рон понял, что этот вечер ничем не будет отличаться от предыдущих, и огорчился. А когда за Арабеллой захлопнулась дверь, глубоко задумался...

Стив Пейворт, управляющий, был добродушным циником. Арабелла успела хорошо узнать его, регулярно общаясь с ним по утрам, когда они занимались делами отеля.

— Полагаю, ты уже познакомилась с царем Мидасом, — с усмешкой сказал Стив. — Он прибывает сегодня. Поселится в пентхаусе, конечно.

— С царем Мидасом?

— С Маурицио Скальди. Помнишь легенду об этом фригийском царе?

— Да. Мидас пожелал, чтобы все, до чего он дотрагивается, превращалось в золото, — вспомнила Арабелла. — Но забыл об этом, когда обнял любимую дочь. В итоге у него не осталось никого из близких.

— Верно. То же самое говорят и о Скальди. У него нет ни жены, ни детей. Ничего, кроме денег.

— Я думала, он разведен.

— Это весьма щекотливая тема. Похоже «царь» страстно хотел наследника, но так и не смог сделать свою жену беременной за пять лет брака. Теперь у нее ребенок от другого мужчины, кажется его бывшего садовника. Можешь представить, каково этому итальянцу. У него много недоброжелателей, и они посмеиваются над ним за его спиной. Быть всемогущим и знать, что тебе недоступно то, что по силам любому мусорщику, — бывает же такое!

— Ерунда, — резко сказала Арабелла. — Возможно, они просто не могли иметь общих детей.

— Или он бесплоден. Это то, о чем все шепчутся.

Арабелла пожала плечами.

— Если это его враги, они будут верить в то, во что захотят.

— А что ты думаешь о нем? — спросил Стив.

Поразмыслив минуту, она сказала:

— Допустим, я понимаю, почему у него много врагов.

— Почему бы не узнать о нем побольше, пока он не приехал?

Английские сайты в Интернете мало что рассказали Арабелле о Маурицио Скальди и его деле, итальянские были информативнее. Из маленького предприятия «Флексион» разросся до огромного концерна со скоростью, которая говорила о масштабах личности ее владельца или о его неразборчивости в средствах. Но там не было ничего о его личной жизни.

Внезапно Арабелла поняла, что мужчина, которого она встретила прошлым вечером, полностью сосредоточен на работе. И ей стало жаль его. Она поступила так же, чтобы не чувствовать боли. Но что двигало им?..

Она нашла множество предлогов, чтобы не попасться Маурицио на глаза в отеле, и спокойно обдумала ситуацию. Даже решила, что им стоит поговорить. Несомненно, он позвонит ей и они встретятся за обедом. Они как бы познакомятся заново, и она освободится от призраков прошлого.

Подготовившись к разговору, Арабелла ждала телефонного звонка. Вместо этого постучали в дверь. Нахмурившись, молодая женщина открыла.

— Это для вас, миссис Стоун, — сказал посыльный, протягивая ей продолговатый предмет в подарочной упаковке.

Когда он ушел, она осторожно развернула бумагу и увидела бархатную коробочку. Внутри лежал самый потрясающий из когда-либо виденных ею бриллиантовый браслет и записка: «До встречи». Итак, он опять все решил за нее и не сомневается, что она пойдет у него на поводу. А этот браслет... Он что, плата за ее примерное поведение? Да за кого он ее принимает?!

Вне себя от негодования, Арабелла в считанные минуты оказалась перед дверью пентхауса.

— Как ты смеешь? — воскликнула она, когда Маурицио открыл ей. — Возьми это и больше не позволяй себе ничего подобного! Делая такие дорогие подарки незнакомому человеку, ты ставишь его в неловкое положение!

Маурицио посторонился, давая ей войти, и мягко произнес:

— Ты не незнакомая. Я помнил о тебе все эти годы.

— Ну и что. За пятнадцать лет многое изменилось. Мы стали другими людьми, —

вразила Арабелла.

— Ты говоришь так, потому что я недостаточно хорош для тебя? — спросил Маурицио.

— Как ты можешь говорить это после того, что было между нами? — Арабелла явно нервничала. — Я заслуживаю более уважительного отношения к себе!

— Хорошо, я сожалею, — выдавил он. — Возможно, внутри я все тот же неотесанный деревенщина, на которого твоя мать смотрела свысока. Я изменился только внешне, но не здесь, — Маурицио приложил руку к сердцу, — и чувствую презрение людей, даже если его не демонстрируют открыто.

— Я и не думаю насмехаться над тобой! — воскликнула Арабелла.

— Но все же что во мне не так?

— Твое богатство. Возможность дарить такие дорогие вещи.

— Ты же принимаешь подарки... от него, — вразил Маурицио.

Арабелла сразу догадалась, кого он имеет в виду.

— Рон — это совсем другое дело. И... и вообще я не обязана отчитываться перед тобой.

Он нахмурился, и молодая женщина задалась вопросом, говорил ли ему кто-нибудь «нет» в последнее время. Вряд ли, подумала Арабелла, поскольку Маурицио явно не знал, что делать. Но она была слишком обижена, чтобы помогать ему.

— Ты решил, что можешь появиться через пятнадцать лет в моей жизни и купить меня?

— Прости. — Он примирительно поднял руки. — Я поступил бес tactно. Но давай начнем все сначала.

Однако Арабелла была непреклонна.

— Нет, лучше покончим с этим. Мы встретились снова и поняли, что стали чужими. Не было вспышки молнии. Прошлое не ожило, и этого не изменить. Любовь умирает, и ей уже не суждено воскреснуть.

— Любовь? — неожиданно усмехнулся Маурицио. — Я не говорил о любви. Ты льстишь себе.

— О, так ты хотел кое-что взамен бриллиантов, да? — презрительно бросила Арабелла. — Но мне не нравится быть объектом внимания мужчины, который покупает женщин. Я не товар.

— Нет? А как ты назовешь то, что происходило вчера вечером? — с вызовом спросил он.

— Что?!

— Сначала нас посадили вместе, потом мы уединились в оранжерее. Думаешь, я не знаю, с какой целью? — язвительно произнес Маурицио. — Очаровательной миссис Стоун достаточно лишь взгляда, чтобы любой мужчина стал послушной марионеткой в ее руках... или в руках этого старика Бриджеса. Разве не так?

Арабелла взглянула на него вызывающе.

— Да, так. А что еще заставило бы меня уединиться с тобой?

Это было жестоко, но Арабелла отчаянно пыталась оттолкнуть его от себя. Маурицио лишал ее душевного покоя, который она обрела с таким трудом. Но она пожалела о своих словах, когда увидела, что он смертельно побледнел.

— Прости, — произнесла она, сожалея, что, нанеся удар по его гордости, причинила ему боль. — Я не хотела обидеть тебя...

— Не думай об этом, — перебил ее он.

В номер постучали, и Маурицио сделал знак, что сейчас вернется. Оставшись одна, Арабелла осмотрелась, ища, куда бы положить футляр с браслетом. Дверь в спальню была приоткрыта, и она увидела комод, на котором стояла массивная бронзовая лампа.

Маурицио все еще не было, и молодая женщина решила воспользоваться моментом. Она проскользнула в спальню, быстро выдвинула верхний ящик комода... и потрясенно замерла.

Там, поверх каких-то бумаг, лежала фотография. На ней была изображена девушка с черными волосами, юная и прекрасная. Она сидела на заборе и смеялась в камеру. Маурицио сделал снимок в тот день, когда она сказала ему о ребенке. Даже если бы не помнила этого момента, Арабелла поняла бы это, глядя на выражение своего лица. Девушка на фотографии была счастлива и любима и не сомневалась, что так будет всегда.

Целых пятнадцать лет Маурицио хранил снимок. Значит, она, Абби, как будто все это время была с ним. Гнев Арабеллы мгновенно утих, и ей захотелось позвать его и разделить с ним чудесное мгновение.

— Маурицио...

Она оглянулась и увидела, что он стоит в дверях, наблюдая за ней. Беззащитное выражение лица выдало его чувства. Он снова был тем юношой, которого она любила и который все еще жил в этом резком, агрессивном мужчине.

— Маурицио, — повторила Арабелла.

Его глаза стали холодными, лицо превратилось в маску.

— Что ты здесь делаешь? — ледяным тоном спросил он.

— Я... я только хотела оставить браслет и неожиданно увидела мою фотографию. Ты хранил ее все эти годы, — с трепетом в голосе произнесла Арабелла.

— Что? Я не понимаю, о чем ты.

Но ей так не хотелось расставаться с надеждой!

— Ты не мог взять ее с собой просто так.

— В моих ящиках всегда полно всяких бумаг, — бесстрастно ответил он.

— Маурицио, пожалуйста, забудь то, что случилось минуту назад. Мы были рассержены друг на друга и говорили не думая!

— Ты, возможно, — усмехнулся он. — А я всегда говорю то, что думаю. И я не сентиментален, как ты.

Арабелла растерянно посмотрела на фотографию.

— Так ты не хранил ее?

— О господи, нет!

— Прекрасно, тогда давай избавимся от нее! — И она порвала снимок. — А теперь я ухожу. До свидания!

Маурицио не двигался, пока она не вышла. Но как только дверь закрылась за ней, дрожащими руками стал собирать кусочки фотографии. Все пошло наперекосяк. Арабелла заметила выражение его лица, прежде чем ему удалось скрыть свои чувства. Чтобы она не поняла, что пробила его оборону, Маурицио инстинктивно стал защищаться. Отрицать то, что он все эти годы хранил ее фотографию, и то, что она значит для него. Ему казалось, что так будет лучше. И теперь было уже невозможно отказаться от своих слов.

Он полагал, что продумал каждую мелочь. Но ее неподдающееся объяснению очарование было сродни наваждению. И он стал делать один неверный шаг за другим. Упрямство Абби не входило в его планы. От отчаяния Маурицио готов был биться головой о стену.

Вечером того же дня Арабелла услышала, как что-то просунули под ее дверь, и увидела на полу конверт. Подняла его, и тут же в голове забилась мысль: «Уничтожь не читая. Если прочтешь, то твой привычный мир перевернется. Не рискуй». Но она вскрыла конверт.

Его почерк не изменился. Был все такой же крупный и уверенный.

Ты была права почти во всем. Почти. Если хочешь узнать, что это означает, я расскажу тебе и больше ничем не напомню о себе.

Маурицио.

Она села в кресло и задумалась, как поступить. А полчаса спустя уже стучала в дверь его номера.

Маурицио открыл сразу. Он был в белой рубашке, украшенной вышивкой, словно только что вернулся с приема. Черный смокинг лежал, небрежно брошенный на спинку кресла.

— Здравствуй, я рад, что ты пришла.

Но Арабелле было не до светских условностей. Она сразу перешла к делу:

— Я хочу услышать, что ты скажешь, Маурицио, и сразу уйти. Но предупреждаю: что бы ты ни сказал, это не будет иметь никакого значения. После всего, что произошло, я никогда не смогу простить тебя!

— После всего, что произошло... — повторил он. — А что, собственно, произошло?

— О, пожалуйста, не притворяйся, будто не знаешь! Мы говорили об этом в первый вечер. Ты взял деньги у моей матери.

— Естественно. Я имел на это право, — ответил Маурицио без тени смущения.

— Ну да, — презрительно бросила Арабелла. — Ты же потратил на меня несколько месяцев своего драгоценного времени, а я даже не вознаградила тебя живым ребенком. Должна же была быть компенсация. Как думаешь, каково мне было слышать, как моя мать с восхищением говорит, что ты оправдал ее худшие ожидания?

— Что?! — Маурицио нахмурился. — Что Карлотта сказала тебе?

— Что ты взял деньги, чтобы навсегда исчезнуть из моей жизни. Фактически ты продал меня ей! А спустя пятнадцать лет я вновь привлекла твое внимание и ты решил снова заполучить меня... но теперь расплатившись со мной этим браслетом!

Маурицио в ответ не произнес ни слова. У Арабеллы возникло ощущение, что он вообще больше никогда не заговорит.

Но внезапно он в ярости ударил кулаком по ладони и воскликнул:

— И ты верила этому все это время?!

— А как я могла не верить? — растерянно возразила молодая женщина. — Мать показала мне обналиченный чек. Только не говори, что это мне приснилось.

— О да. Она заплатила мне, я не отрицаю, — понуро подтвердил Маурицио.

— Тогда о чем нам разговаривать? — Арабелла совсем уже ничего не понимала.

— Твоя мать солгала о причине, по которой я взял деньги. Мне пришлось уехать, потому что Карлотта не оставила мне выбора. Она заявила, что я виноват в смерти ребенка и в твоей депрессии, потому что не смог создать тебе достойных условий жизни. И что ты не желаешь меня больше видеть. Затем она увезла тебя в Англию, чтобы я не мог встретиться с тобой. Я вернулся домой и увидел, что Карлотта сожгла его.

Арабелла уставилась на него, не веря своим ушам.

— Моя мать сожгла наш дом? — прошептала она.

Что-то промелькнуло в его взгляде.

— Да, наш дом. Я рад, что ты его помнишь. Так вот Карлотта сожгла его собственными руками. Этому нашлись свидетели, и у нее могли быть большие неприятности. К тому же она боялась, что, раз мне терять нечего, я стану добиваться справедливости и дело дойдет до журналистов. А скандал в прессе был ей не нужен. Но я отказался предъявлять обвинение. Тогда, чтобы чувствовать себе спокойнее, она через своих адвокатов предложила мне денег. Возможно, мне не следовало их брать, но, потеряв все, что мне было дорого, я не особенно задумывался об этичности своего поступка. А так мы общались на доступном ей языке. Могу лишь сказать в свое оправдание, что при первой же возможности я перечислил эту сумму в Фонд помощи детям-сиротам.

— Я не верю тебе, — прошептала Арабелла.

— Карлотта оказалась не очень умелым поджигателем и сама пострадала на пожаре, — сказал Маурицио.

Внезапно молодая женщина вспомнила, что однажды видела на плече матери след от ожога. Она спросила, откуда он, но Карлотта ушла от ответа.

— Все эти годы, — пробормотала она, — мать говорила мне, что ты...

— Абби, ты же помнишь, как Карлотта при тебе предложила мне денег! — воскликнул Маурицио. — И помнишь мою реакцию!

— Да...

— Я никогда бы не бросил тебя, — уже тише продолжил он. — Никогда.

Абби кивнула.

— Ты должна была больше верить в меня, — с грустью, но без упрека сказал Маурицио. Он никогда не обвинял ее ни в чем.

— О боже, — прошептала она. — О боже, о боже...

Арабелла считала, что то, что случилось с ней, было ужасно. Однако правда оказалась во сто крат страшнее. Она подошла к окну и уставилась в темноту. Мысли путались, мешая мыслить здраво.

— Я должна была сама все выяснить, — наконец сказала Арабелла. — Но мне не хватило настойчивости... — Внезапно она повернулась к нему лицом и спросила в упор: — А почему ты ни разу не пришел ко мне в больницу?

— Думаешь, Карлотта позволила бы мне? — усмехнулся Маурицио. — Как только тебя увезли на «скорой», явились полицейские и арестовали меня.

— О боже! За что?

— Карлотта обвинила меня в похищение ее несовершеннолетней дочери.

— Но это неправда! — воскликнула Арабелла. — Я была с тобой по своей воле!

— Да, и это мне удалось доказать, — со вздохом произнес Маурицио. — Но когда меня выпустили, мне сказали, что наша дочка умерла, а ты не захотела больше оставаться в Италии и вернулась в Лондон.

Арабелла смотрела на него, и ее сердце разрывалось от жалости.

— Я ничего этого не знала, — сказала она, качая головой.

— Теперь я это понимаю. Но тогда Карлотта добилась своего. Ты думала, что я бросил тебя, променял на деньги. А мне казалось, что я сойду с ума от чувства вины перед тобой и нашей малышкой.

— Нет, Маурицио, ты ни в чем не был виноват, — печально прошептала Арабелла.

— Ты можешь сказать это мне теперь, но как сказать это мальчику, которым я был тогда? Его боль не излечить. Помнишь, как я пробовал сопротивляться тебе поначалу?

Она кивнула.

— Да, но я настояла на своем.

— Совесть всегда мучила меня, — признался Маурицио. — Она шептала, что жизнь в бедности не для тебя. А ничего иного я тебе предложить не мог.

— Я сама выбрала эту жизнь, когда выбрала тебя, — возразила Арабелла. — И я никогда не чувствовала себя бедной. Мы были богаты, потому что любили друг друга.

— Но когда произошло то несчастье, я подумал: а может, Карлотта права? Может, лучшее, что я могу сделать для тебя, — это исчезнуть?

— Любовь моей матери была эгоистичной, — сказала Арабелла. — Жаль, я не поняла этого раньше.

Маурицио кивнул.

— Действительно, жаль. Я сделал смыслом моего существования работу и уже никогда не был так счастлив, как в юности. Как с тобой, Абби...

— Теперь, я Арабелла, — ответила она. — Почти никто не называет меня Абби с тех пор.

— Я рад этому и хочу быть единственным, кому это позволено. — Маурицио улыбнулся впервые за этот вечер. — То время было особенным для нас.

— Да, — согласилась молодая женщина, — особенным... Но оно осталось в прошлом.

Маурицио помрачнел. Он был явно недоволен тем, какой оборот принял разговор.

— Тебя устраивает твоя теперешняя жизнь? — спросил он.

— Нет, не нужно таких вопросов, — попросила Арабелла.

— Но почему? Если ты счастлива, так и скажи. Рон Уиллоби — мужчина твоей мечты, да? Она чуть было не рассмеялась в ответ.

— О, может, для кого-то это и так, но не для меня!

— И тем не менее ты собираешься за него замуж, — не спросил, а констатировал Маурицио.

— Если я решу, да! Но оставь это, Маурицио, — посоветовала Арабелла и воскликнула: — Как хорошо узнать правду! Теперь мы снова можем стать друзьями!

— Друзья? Ты думаешь, что мы можем быть друзьями? — с недоумением произнес он.

— Так будет лучше всего.

Маурицио вздохнул, и его плечи поникли.

— Что ж, тогда давай отпразднуем нашу дружбу — выпьем.

— Хорошо.

Арабелла проследовала за ним к бару.

— Что ты пьешь теперь? — спросила она, — Конечно же... — И она назвала вино, которое Маурицио ценил за его терпковатый привкус.

— Нет, сейчас я вращаюсь среди людей, которые не смогли бы оценить его, — ответил он. — А что будешь пить ты?

— Сухой херес, пожалуйста.

Арабелла наблюдала за ловкими, уверенными движениями его рук. Теперь это были руки богатого мужчины, но никакой маникюр не мог скрыть их силы. Когда она подняла глаза, то увидела, что Маурицио рассматривает ее.

— Я очень изменилась? — спросила она.

— Твои волосы. Прежде они так напоминали мне твой непокорный характер.

— Нет, я не это имела в виду.

Он кивнул.

— Я знаю, что ты хотела услышать.

Маурицио подошел ближе и заглянул в ее серые выразительные глаза. Арабелла поспешила

отвести взгляд, но он увидел в них отражение той печали, что была скрыта в глубине ее сердца.

— Нет, — наконец сказал он, — ты не изменилась.

Арабелла печально улыбнулась ему.

— Это неправда.

— Правда.

Маурицио положил руку ей на плечо, и Арабелла замерла, боясь встретиться с ним взглядом. Она вновь испытала это давно забытое ощущение. Ощущение силы и власти, присущих только ему. Он медленно провел кончиками пальцев по ее шее. Казалось, Маурицио пребывает в трансе и не замечает, что делает. Выражение его лица смягчилось, стало каким-то изумленным, словно что-то застигло его врасплох.

— Абби, — прошептал он ласково.

В это мгновение ей показалось, что реальность утратила всякий смысл. Маурицио только слегка коснулся ее, как все чувства Арабеллы обострились. Она вспомнила свои прежние ощущения и испугалась. Но не смогла заставить себя сдвинуться с места.

— Ты помнишь?

— Да, — произнесла она одними губами, — помню.

Если бы только Маурицио никогда не отпускал ее! О, это сладостное возбуждение! Такое забытое прекрасное чувство. Оно не имело ничего общего с ее настоящей жизнью.

Как будто во сне Арабелла подняла руку и дотронулась до его лица. Потом тяжело вздохнула, поняв, что позволила себе опасно расслабиться. И попыталась отдернуть руку. Но Маурицио схватил ее и прижался губами к длинным пальцам.

— Не надо, — прошептала Арабелла. — Слишком поздно.

Он ничего не ответил, но и не отнял своих губ от ее руки. Арабелла изо всех сопротивлялась внезапно вспыхнувшему чувству. Она должна уйти, чтобы не оказаться в его власти!

Но как это сделать? Близость Маурицио не только возбуждала, но и напоминала Арабелле о другой, счастливой жизни. Призрак прошлой любви возник, вызывая в памяти связавшую их страсть. Нежные, ласковые движения его губ вернули ей непередаваемую радость тех ночей, когда она лежала в объятиях Маурицио, упиваясь его любовью.

Арабелла уже слишком привыкла жить в своем бесстрастном и безопасном мирке, который создала для себя. Менять что-либо казалось ей болезненным и рискованным. Но Маурицио звал ее за собой все настойчивее с каждой секундой.

— Ты помнишь... — шептал он снова и снова. — Ты помнишь...

— Нет! — вдруг резко сказала она, сбрасывая наваждение. — И не хочу вспоминать!

— Позволь мне, Абби.

— Нет!

Маурицио не настаивал. Он просто завладел ее губами и прижал ее ладонь к своей груди.

— Любимый... — Арабелла чуть отстранилась и отвела глаза. — Любимый, пожалуйста, попробуйся понять... Видимо, я стала слишком трусливой...

— У моей Абби всегда было достаточно храбрости, — ответил он.

— Это было давным-давно.

Но что-то, что оказалось сильнее ее, заставило Арабеллу взглянуть на его лицо, которое горело той же юношеской страстью, как и много лет назад. Затем она обвила его шею руками и поцеловала.

Только сейчас Арабелла осознала, что словно бы спала все это время и Маурицио пробудил ее к новой, яркой жизни. Желание овладело ею, заставляя замолчать разум.

Его губы по-прежнему могли уговорить ее на что угодно. Но и сама она хотела его даже

больше, чем прежде. Когда-то Арабелла знала его пылким юношем. Сейчас перед ней был зрелый мужчина, один вид которого действовал на нее опьяняюще. И Арабелла делала то, что поклялась никогда не делать: целовала его снова и снова.

А Маурицио словно одержимый ласкал губами ее лицо, шею. Сердце молодой женщины бешено билось, сладкая истома разливалась по телу.

— Любимый, — шептала она. — Любимый... — Вдруг голос ее прервался на щемящей ноте.

Маурицио вскинул голову и встревоженно посмотрел на нее. В глазах Арабеллы стояли слезы.

— Почему ты плачешь? — спросил он. — Я чем-то огорчил тебя?

— Нет. Я рада, что это случилось. И никогда не буду сожалеть о том, что мы встретились снова и рискнули. Но нам не стоит продолжать.

— Не сдавайся так быстро, — стал убеждать ее Маурицио. — Я рядом. Доверься мне, Абби. Жизнь дала нам еще один шанс. Мы можем все вернуть.

— Мне жаль, но это не в наших силах. Позволь мне уйти! — взмолилась она. — Пожалуйста!

Арабелла выскользнула из его объятий и направилась к двери. Он не стал останавливать ее, лишь тихо произнес:

— Ты вернешься ко мне, Абби.

— Нет, — сказала она. — Нет, поверь мне.

Ей казалось, что она убегает от опасности. Она называла себя трусишкой, но ничего не могла с этим поделать. Когда достигла своей комнаты, словно спасительного убежища, Арабелла захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней, будто боялась погони.

Она была слишком возбужденной и никак не могла прийти в себя. К тому же ощущение близкого присутствия Маурицио не давало ей успокоиться. И чем больше она боролась с собой, тем сильнее желание охватывало ее. Единственное, чего ей хотелось сейчас, — это вернуться к нему. Маурицио мог лечь спать, но Арабелла знала, что он не сделает этого. Сердце шептало, что он ждет стука в дверь.

Арабелла набрала номер пентхауса.

— Да? — Голос был напряженный и нетерпеливый. Словно Маурицио чувствовал, что это она.

Задрожав, молодая женщина положила трубку.

Прошло полчаса. Он не перезвонил.

Бесшумно выскользнув из своего номера, Арабелла вошла в кабину лифта, который тихо поплыл вверх сквозь погруженнное в тишину здание. Возле знакомой двери она на секунду замерла, затем тихо постучала.

Он ждал ее. Мгновение Маурицио смотрел на нее, потом подхватил на руки. И, почувствовав неимоверное облегчение, Арабелла обняла его за широкие плечи и поцеловала. Она не собиралась разыгрывать из себя скромницу, поняв, что это неизбежно должно было произойти между ними, раз уж они снова встретились.

— Чего ты хочешь? — шепотом спросил Маурицио.

— Тебя, — ответила Арабелла, снова целуя его.

Он внес ее в спальню, бережно опустил на кровать и стал срывать с себя одежду. Затем быстро раздел ее. Они обнялись и растворились в безумном желании принадлежать друг другу. Арабелла страстно отдавалась любви, даря ему всю себя без остатка и яростно требуя того же от Маурицио.

Он всегда был неутомим в постели, но время и опыт добавили ему тонкости. Он ласкал ее,

воспламеняя чувства, заставляя стонать от блаженства.

Как мог Маурицио на столько лет исчезнуть бесследно? Как она могла так долго жить без него? Казалось, Арабелла была готова к каждому его прикосновению и откликалась на него всем своим существом, отдавая любовь и нежность, которые не могла бы предложить другому мужчине, ибо сердцем знала: она принадлежит только ему.

На секунду Арабелла даже усомнилась: а были ли эти пятнадцать лет? Он вошел в нее с такой знакомой медлительной плавностью и одновременно со сдержанной страстью, которые она так и не смогла забыть. Но теперь его власть над ней ощущалась в тысячу раз сильнее. Она спала слишком долго. И пробуждение было подобно ослепляющему свету нового дня.

Они сразу слились в одном захватывающем ритме и вместе устремились ввысь, пока чувственный восторг не взорвался глубоко в их телах сверкающими искрами...

Арабелла спустилась с небес на землю... и оказалась в объятиях Маурицио. Все произошло слишком быстро, и она немного пожалела об этом.

Зато теперь стало ясно, в чем крылась причина ее безразличия к другим мужчинам. Для нее существовал лишь Маурицио Скальди. Он был излишне прямолинейный, резкий, возможно мстительный. Словом, обладал теми качествами, которые всегда вызывали неприязнь у Арабеллы. И тем не менее это был ее мужчина. И он всегда незримо присутствовал в ее жизни.

— Это было здорово, — удовлетворенно произнес Маурицио.

Арабелла ждала совсем других слов и ничего не ответила.

— Разве нет? — спросил он, приподнимаясь на локте и глядя на нее.

Она внутренне сжалась, чувствуя смятение. — Д-да...

— В чем дело? — встревожился Маурицио, поняв, что сделал что-то не так, но не зная, что именно.

— Ни в чем. Я хочу встать.

— Прежде ответь, — потребовал он, взяв ее за руку.

— Маурицио, если ты не отпустишь меня прямо сейчас, то никогда больше не увидишь!

Он повиновался, что весьма удивило Арабеллу. Она не ожидала, что угроза подействует на этого упрямца, не говоря уж о том, что Маурицио не будет спорить.

— Но объясни, что все-таки случилось? — попросил он, когда, встав с кровати, Арабелла начала одеваться.

— Я полагаю, нам не стоит торопить события. Пусть все идет, как идет.

В ее тоне прозвучало предостережение, и снова Маурицио ничем не возразил на это. Когда пауза явно затянулась, Арабелла взглянула на него, и ее сердце растаяло. Маурицио пребывал в замешательстве, как ребенок, который не знает, в чем провинился. Это обезоружило молодую женщину.

— Да, это действительно было здорово, — улыбнулась она.

— Мне только хотелось быть уверенным в этом.

— С тобой я испытала невероятные ощущения...

— Прости, — перебил ее Маурицио, — а не со мной какие ощущения ты испытывала?

— Намекаешь на других мужчин? — спросила Арабелла. — Но у меня нет желания говорить о них. Однако мой муж существовал, ведь я не жила в монастыре все эти годы. Да и ты тоже...

— Достаточно! — воскликнул он. — Не хочу ничего слышать об этом!

Арабелла, обиженная его тоном, отвернулась. Тогда Маурицио поспешил вскочил, накинул халат и бросился к ней.

— Не уходи, Абби. Мне так не хочется оставаться одному!

— Но мне пора, — произнесла она.

Он взял ее за руку, словно пытаясь удержать.

— Ну пожалуйста, Абби. Я все буду делать так, как ты хочешь. Только останься, прошу тебя!

Слова Маурицио опять растопили ее сердце. Внезапно они словно вернулись на много лет назад, когда он был мягким как воск в ее руках, но только в ее.

Арабелла обняла его за плечи. И он стал осторожно гладить ее по спине.

— Мне кажется, что если ты уйдешь, то уже не вернешься, — прошептал Маурицио.

— Вернусь, — пообещала она. — Только не надо спешить.

— Не могу, — признался он. — Я опять хочу тебя. Останься со мной. Давай вернемся в кровать.

— Нет, весь отель скоро проснется, а я не хочу, чтобы кто-то видел, как я выхожу из твоего номера.

— Проведи этот день со мной.

Арабелла вспомнила о том, что ей нужно сделать сегодня, о важных встречах, которые нельзя отменить, и сказала:

— Хорошо. Я только сделаю несколько звонков.

— Мы поедем куда-нибудь, где нас никто не знает. Ты найдешь такое место? — спросил Маурицио — Потому что я плохо знаком с Лондоном.

— Ты никогда не был здесь прежде? — удивилась Арабелла.

— Был. Но всегда по делам, на пару дней, и город видел из окна машины или гостиничного номера. Так что для меня Лондон мало чем отличается от Нью-Йорка или Милана.

— Звучит ужасно, — поморщилась Арабелла.

— Твой мир такой же, Абби.

— Да, но я иногда вырываюсь из серых будней.

— На выходные с Роном? — не без иронии спросил Маурицио.

— Рон — запретная тема, — тут же сказала Арабелла.

— Но я должен знать, что у тебя с ним! — заявил Маурицио, вновь становясь жестким иластным.

— Только минуту назад ты сказал, что не желаешь слышать о других мужчинах в моей жизни, — заметила молодая женщина.

— Я готов сделать исключение для твоего Рона.

Но Арабелла и не думала уступать ему.

— Решив, что нам лучше не касаться прошлого, ты поставил мне определенное условие. Я согласилась. А теперь ты вдруг отказываешься от него. Но меня это не устраивает.

— Хорошо-хорошо, — быстро сказал Маурицио, — сдаюсь.

Арабелла коснулась губами его щеки и улыбнулась с нежностью.

— Вот и замечательно.

Оба испытали облегчение, поскольку им удалось обойти острый угол и не поссориться.

— Итак, — спросила Арабелла, — что бы ты хотел увидеть в Лондоне?

Маурицио на минуту задумался.

— Знаешь, в Нью-Йорке я как-то был в Центральном парке. Мне там очень понравилось. Однажды я видел похожее место в Лондоне и даже хотел попросить шофера остановиться. Но тогда я опаздывал на встречу, так что пришлось ехать дальше.

— Где это было?

Маурицио принял вспоминать:

— Мы как раз проезжали мимо огромного здания. Водитель сказал, что это концертный зал.

— Альберт-Холл. А место это называется Гайд-парк. Давай туда и поедем.

— Прекрасно! — Маурицио взял телефон.

— Что ты делаешь? — спросила Арабелла.

— Звоню моему водителю.

Она накрыла его руку своей ладонью, останавливая.

— Лучше вызови такси, тогда никто не узнает, где мы.

Они превратили это в маленький заговор, и внезапно все стало забавным. Проделав часть пути на лифте, Маурицио прошел один этаж пешком. Все, кто находились в этот момент в

холле отеля, видели, что он вышел один. Арабелла, которая знала здесь все закоулки, прошла через кухню и воспользовалась служебным ходом...

— Деревья! — произнес Маурицио радостно. — Трава! Как давно я не видел всего этого!

Он взял Арабеллу за руку, и они зашагали по ухоженному газону. Она едва поспевала за ним. Это было так трогательно — наблюдать, как Маурицио по-детски восхищается окружающей его природой.

— Что это? — спросил он, резко остановившись при виде большого водоема, извидающегося, насколько хватало глаз. — Река?

Арабелла засмеялась.

— Нет, озеро. За форму его прозвали Змеиным.

— Давай возьмем лодку и покатаемся, — предложил Маурицио.

— Чудесно! Я не плавала по Змеиному лет сто! — воскликнула его спутница.

Маурицио сел на весла, а Арабелла, откинувшись назад, наслаждалась возможностью расслабиться и просто понаблюдать за ним. После суматохи прошедших дней было так хорошо здесь, среди деревьев, в этой лодке. Она смотрела на Маурицио, и ее мысли текли плавно, как вода в озере.

Погруженная в себя, она взглянула на его руки и вспомнила прошлую ночь. Маурицио был нежным, был властным, был неистовым. И Арабелла с восторгом реагировала на каждое его движение. Она наслаждалась его ответными ласками, требуя большего. Кто бы мог подумать, что она окажется такой ненасытной в любви!

Ее мысли невольно перешли на бывшего мужа, которого она мысленно называла не иначе как «бедный Джон». Действительно, Арабелла не смогла дать ему ни тихого семейного счастья, ни бурной страсти. Джон был увлечен ею, но она не оправдала его ожиданий. Разочарованный муж с горечью назвал ее «айсбергом». Лучшее, что Арабелла могла сделать для него, — это согласиться на развод...

Она вернулась в реальность и увидела Маурицио, который нежно улыбался ей.

— Почему ты так смотришь на меня? — спросила она.

— Я пробую вести себя как джентльмен, но безуспешно. Потому что, единственное, о чем могу думать, — это как сильно я хочу заняться любовью с тобой.

Слова «заняться любовью» прозвучали как сигнал, который немедленно воспламенил все ее чувства. Прошло всего несколько часов с тех пор как они встали с кровати, а Арабелла вновь была готова отдаваться ему. Это было бесстыдно, но так волнующее, возбуждающее и глубоко, обжигающее приятно.

— Тогда греби к берегу! — скомандовала она. — Только осторожнее! Не переверни лодку!

Маурицио яростно налег на весла. И вскоре они уже бежали через парк к выходу. Но там их поджидало непредвиденное препятствие.

— О нет! — застонала Арабелла. — Разве утренний час пик еще не кончился?

— Здесь такие же пробки, как в Риме, — посетовал Маурицио. — Пройдет не меньше часа, прежде чем мы доберемся до «Куин Элизабет»! — Но в следующую же секунду он спросил: — А где ближайший отель?

Арабелла засмеялась.

— Но, Маурицио, не можем же мы...

Однако он не дал ей договорить.

— Абби, клянусь, если мы немедленно не окажемся в гостинице, я займусь с тобой любовью прямо здесь!

Молодая женщина почувствовала, что ее это возбуждает.

— Вон там, за углом, есть то, что нам нужно.

Они быстро пробежали между замерших в пробке машин и оказались перед небольшим отелем. Он был далек от роскошного «Куин Элизабет». В маленьком вестибюле находилась стойка администратора, который в данный момент отсутствовал. Маурицио пришлось трижды нажать на звонок, прежде чем из темноватых недр коридора появилась женщина.

— Номер, пожалуйста, — сказал Маурицио. — И побыстрее!

Женщина понимающе улыбнулась.

— Я так думаю, что на двоих.

— Да, — подтвердил Маурицио, — на двоих.

— Очень хорошо. Имя?

— Миссис и мистер Смит, — быстро сказала Арабелла.

Хозяйка отеля и глазом не моргнув пододвинула к ним книгу регистрации и ручку.

Арабелла торопливо поставила закорючку и схватила протянутые ей ключи.

Номер оказался светлый и уютный, но влюбленных это мало сейчас волновало. Маурицио запер дверь и повернулся к Арабелле. Она уже ждала его, сидя на кровати и сбросив одежду. Ее глаза горели нетерпением.

— Иди же ко мне, — прошептала молодая женщина.

Маурицио не нужно было повторять это дважды. И вскоре они уже сплелись в объятиях, предаваясь любви лихорадочно и неистово. Никаких слов. Никаких прелюдий. Только всепоглощающая обоюдная страсть, страсть без запретов.

Если честно, то Арабелла мечтала об этом с тех пор, как встала с кровати в его роскошном номере в «Куин Элизабет». И сейчас, судорожно вцепившись в плечи Маурицио, она изгибалась ему навстречу и двигалась все быстрее. Ее губы искала его...

Он пробовал сдерживать себя, но собственное тело изменило ему, и они кончили вместе, отметив это торжествующим вскриком...

Когда наконец смог пошевелиться, Маурицио повернулся к обнаженной Арабелле и признался:

— Я думал об этом с самого утра.

— Я вся твоя, — просто сказала она. — Поверишь, но я не узнаю себя. Никогда не была такой раскрепощенной за всю мою жизнь.

Маурицио сел на кровати и благодарно посмотрел на нее.

— Это хорошо или плохо? — спросил он, лаская ее грудь.

Она засмеялась.

— Это замечательно!

— Тогда, может, повторим? Если ты, конечно, не устала...

— Я? Устала?..

Арабелла обессиленно положила голову ему на грудь и мечтательно произнесла:

— Держу пари, что сейчас уже полдень.

— Три часа дня.

— А, ну да, тогда этому уже нельзя помочь, — сказала она, не объясняя, что имеет в виду.

— А почему ты сказала, что мы миссис и мистер Смит? — спросил Маурицио.

— Так повелось испокон веков. Влюбленные, которые хотели скрыться от любопытных глаз, снимали номер под этим именем. Так что хозяйке доподлинно известно, чем мы здесь занимаемся, — объяснила Арабелла.

— Весьма удобно, — одобрил Маурицио и тихо засмеялся, спрятав лицо возле ее шеи.

Арабелла тоже засмеялась, потому что ей на самом деле было невероятно хорошо и весело. На смену жизни, в которой все было подчинено холодному рассудку, пришли смех, радость,

удовольствие и чувство удовлетворения, сменяющие друг друга как в калейдоскопе. А тревожные сомнения и страхи остались в прошлом.

Когда Маурицио поднял голову, Арабелла увидела, что он чувствует то же самое.

— Я бы провел так вечность, — сказал он, снова опуская голову ей на плечо.

— Мм, прекрасно.

Звонок мобильного телефона вернул их к действительности. С гримасой ужаса Маурицио заставил себя подняться с кровати.

— Забыл выключить, — с досадой сказал он. — Привет, Сильвана... Нет, не в гостинице... то есть в гостинице, но... Впрочем, не важно... Что-нибудь случилось?..

Арабелла зевнула. Так приятно было лежать погруженной в легкую дремоту. Голос Маурицио был еле слышен:

— Хорошо... Никаких проблем, но он должен принять наши условия, иначе ничего не выйдет... Несомненно, мне известно, чего он хочет, но он не получит этого...

Так продолжалось в течение получаса.

— Нет смысла продолжать разговор, Сильvana, — говорил Маурицио. — У нас с ним был общий бизнес прежде. Он поймет, что я хочу сказать... Теперь на будущее. Меня не будет в «Куин Элизабет» несколько дней. Ты можешь звонить на этот номер, но не слишком часто, хорошо?

Он повесил трубку. Арабелла медленно повернула голову и посмотрела на него.

— Где ты планируешь провести следующие несколько дней?

— Здесь. С тобой.

— А как же моя работа?

— Абби, я знаю, что она собой представляет, — усмехнулся Маурицио. — Ланч с одним, кофе с другим, контроль некоторых служб гостиницы, посещение конференций. Я не прав?

— Пожалуй, да.

— И насколько жизненно важно любое из этих мероприятий? Ланч лишь светская условность. Конференции — сущий ад. Бизнес зависит от вложенных в него денег, и ни от чего больше.

— Ты говоришь так, словно я бездельничаю дни напролет! — возмутилась Арабелла.

— Нет, что ты, — возразил он. — Мне тоже приходится делать много, с моей точки зрения, ненужного. Так уж принято в наши дни. Но я избегаю этого всякий раз, если знаю, что небо не упадет на землю. Оно упадет, если ты возьмешь несколько выходных?

Арабелла собралась спорить, но поняла, что Маурицио только высказал ее собственные мысли. Блестящей и пустой — именно такой она неожиданно увидела свою жизнь тем вечером, когда подъехала к особняку Наташа Бриджеса.

— Я поговорю со своим боссом и предупрежу помощницу, — сказала она.

Арабелла умолчала о том, что у нее срывается свидание с Роном, но это случилось бы в любом случае. После произошедшего между нею и Маурицио помолвка с Уиллоби становилась невозможной.

Возвращаясь в отель, она думала о том, что скажет Рону. В холле «Куин Элизабет» Арабеллу встретила ее помощница, расторопная молодая женщина. Она едва сдержала радость, узнав, что, возможно, будет замещать Арабеллу.

— Между прочим, вам звонил мистер Уиллоби, — прощебетала она. — Он сообщил, что уезжает по делам на несколько дней или на неделю, точнее сказать не мог. И позвонит вам, когда вернется.

— Прекрасно, — сказала Арабелла, чувствуя облегчение оттого, что тягостный разговор

отсвечивается.

Теперь ей предстояло договориться с боссом и взять необходимые вещи...

Следующие несколько дней она чувствовала себя так, словно это был первый настоящий отпуск в ее жизни. Скрывшись от всех в небольшой гостинице, они жили как в раю. Маурицио был неустанным любовником, который возносил ее к небесам снова и снова и опять хотел ее. А Арабелла, давно решившая, что душевная травма, перенесенная в юности, сделала ее фригидной, была готова заниматься любовью в любой час дня и ночи. Впрочем, для них день и ночь были неразличимы.

В этом отеле не подавали еду в номер, поэтому любовники питались пончиками в кафе на углу, всегда спеша поскорее вернуться в кровать. В течение четырех дней они любили и спали, спали и любили. Они даже мало разговаривали друг с другом. Слова казались им не особенно важными...

Однажды утром Арабелла вышла из душа и увидела, что Маурицио закончил говорить по телефону и выглядит сердитым.

— Мне нужно вернуться в Рим, — сказал он. — Возникли непредвиденные сложности, и я должен с ними разобраться.

Арабелла попробовала улыбнуться, но у нее ничего не получилось. Маурицио уезжал, а она не могла вынести этого.

— Ну... в общем... — запинаясь, начала она, — все было прекрасно... Но мы знали, что это не продлится долго...

— Мы в любом случае не могли поселиться навечно в этом отеле, — сказал Маурицио. — Но я вернусь через несколько дней.

Арабелла словно обрела второе дыхание и наконец улыбнулась.

— Эй, я не буду рассчитывать на это. Тебе, возможно, придется задержаться подольше.

Маурицио взял ее руки в свои и посмотрел ей в лицо.

— Я вернусь через несколько дней, — твердо повторил он. — Не думаю, что смогу выдержать больше.

— Мне нужно радоваться, что ты уезжаешь, — с грустным смешком произнесла молодая женщина. — У меня будет шанс догнать реальную жизнь.

— Реальную? — Он удивленно поднял брови и обвел комнату взглядом. — А то, что происходило здесь, было нереально?

Арабелла ласково провела ладонью по его волосам.

— Ты знаешь, что я хотела сказать.

Маурицио усмехнулся. А она встала на цыпочки и поцеловала его.

— Я попробую работать как ни в чем не бывало, — сказала Арабелла несколько мгновений спустя. — И естественно, поговорю с Роном. Не волнуйся о нем.

— Не буду, — просто сказал Маурицио. Затем широко улыбнулся: — Рон Уиллоби вообще меня не волнует.

Арабелла подумала, что, видимо, Маурицио чувствует себя победителем в схватке двух соперников и вне себя от гордости. Но она ошибалась...

Маурицио не было почти неделю, в течение которой он звонил ей раз десять. Арабелла жила его звонками. Ей становилось все труднее сдерживать бьющие через край эмоции, и через некоторое время она перестала даже стараться.

Она не знала, как зовется охватившее ее чувство. Так или иначе, «любовь» казалась неправильным словом. Их потребность друг в друге преодолела годы и расстояние. Теперь Арабелла не могла и думать ни о ком, кроме него. Вся ее жизнь, казалось, сконцентрировалась вокруг мысли о Маурицио, о его следующем звонке, о вероятной дате его возвращения.

И все же по причинам, которых не понимала, молодая женщина упрямо отказывалась называть это «любовью»...

За два дня до приезда Маурицио она исполняла свои обычные служебные обязанности на приеме в отеле. Прием длился всего второй час, а она уже изнемогала. Никогда еще время не тянулось так медленно. Арабелла даже спрашивала себя, будет ли когда-нибудь снова воспринимать все, как прежде.

Машинально улыбаясь кому-то, кто требовал ее внимания и пытался разговаривать с ней, молодая женщина окинула взглядом зал и, к своему удивлению, заметила Рона. Она не знала, что он уже вернулся, и это было странно, потому что обычно «жених» тут же оповещал ее о своем появлении.

Его вид заставил Арабеллу осознать, как мало она думала о нем, поглощенная Маурицио. Более того, ей только сейчас пришло на ум, что и Рон ни разу не позвонил. Похоже, сейчас подходящий момент, чтобы откровенно поговорить с ним, решила Арабелла. И, закончив бес предметную беседу, стала пробиваться к Рону через толпу. Тот не замечал ее, увлеченный разговором с молодой женщиной.

Когда же увидел Арабеллу, то смущенное выражение его лица подсказало ей, что Рон не рад их встрече.

— Арабелла, — сказал он с натянутой улыбкой, — рад видеть тебя. — Как будто она была случайной знакомой!

— Добрый вечер, Рон. — Арабелла улыбнулась его спутнице, и странное предчувствие охватило ее.

— Энн, это миссис Стоун, специалист по связям с общественностью «Куин Элизабет». Энн, моя секретарша в банке.

Женщины вежливо поприветствовали друг друга. Затем Рон оглядел толпу гостей.

— Скальди с тобой? — спросил он.

— Нет. А почему тебе это интересует?

— Энн, ты не будешь возражать, если мы немного поговорим о делах? — обратился Рон к секретарше, игнорируя вопрос Арабеллы.

Женщина кивнула и отошла. А Арабелла осталась, не сводя с Рона озадаченного взгляда.

— Хорошо съездил? — спросила она, чтобы что-то сказать.

— Да, все прекрасно.

— Когда вернулся?

— Три дня назад.

Три дня назад... И даже не позвонил ей. Да, ситуация складывалась более чем странная.

— Ты обычно не ждешь так долго, чтобы позвонить мне. — Арабелла пыталась вести себя непринужденно.

— О, пожалуйста, только не говори, будто не знаешь, почему я не позвонил! —

поморщился Рон.

Она нахмурилась.

— Рон, но я действительно...

— Могла бы и сама сказать мне, а не посыпать тяжелую артиллерию, — прервал ее он.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о Маурицио Скальди, который требовал свою собственность, как наглый захватчик! — раздраженно бросил Рон.

— Какую собственность?

— Тебя, конечно. Кого же еще? Он не оставил никаких сомнений в том, что, если я не отступлюсь, со мной случится нечто пренеприятное.

— Что?! Рон, я не верю этому. Ты, должно быть, неправильно его понял.

— Поверь мне, когда Скальди говорит, он не оставляет места для иного толкования своих слов. Ты принадлежишь ему. Я должен держаться от тебя подальше. Таковы были его слова.

Сказать, что Арабелла была потрясена, значило ничего не сказать.

— Я, безусловно, не принадлежу ему, отрезала она.

— Он думает иначе, — возразил бывший жених.

— Рон, ты говоришь, что он угрожал тебе физическим насилием? — все старалась уяснить положение дел молодая женщина.

— В этом нет необходимости, — покачал головой ее собеседник. — Он человек, который знает все.

— О чем?

— Обо всем и обо всех. Он знает обо мне вещи, которые я считал давно забытыми и похороненными.

— Та история с кредитом? — спросила Арабелла наугад, и по его напрягшемуся вдруг лицу поняла, что попала в цель.

— Это была глупость чистой воды. И никому не принесла особого вреда. Никто не разорился. Но если об этом станет известно теперь, моей карьере придет конец, — с отчаянием произнес Рон.

Арабелла взглянула на него с любопытством.

— Но я полагаю, это не помешало тебе защитить наши отношения?

— Вернись к реальности, дорогая, — усмехнулся Рон. — Я столько сил потратил, чтобы добиться сегодняшнего положения. А Скальди способен с легкостью разделать со мной. На что мы будем жить, если я лишусь моих доходов?

— А как же высокие чувства? — спросила Арабелла. — С милым рай и в шалаше, разве не так?

— Дорогая, мне не до шуток! Ты не знаешь, насколько опасен этот человек! И независимо от того, что произошло между вами, он не пожалеет тебя, если такова будет его воля.

— Да, похоже, в этом мире действительно каждый сам за себя... — с легким презрением протянула Арабелла и ушла не оборачиваясь.

Ей пришлось ждать два дня возвращения Маурицио, и они стали самыми длинными двумя днями в ее жизни. Когда они занимались любовью, это было великолепно, как вспышка яркого света в сером тумане ее обычной жизни. Но Арабелла знала, что их счастье называется «сексуальной совместимостью».

Задумываться, кем стал некогда любимый ее юноша по прошествии пятнадцати лет, она боялась, опасаясь найти в его характере черты, которые ей не понравятся. Арабелла не хотела ничего знать и убеждала себя, что, живя среди хищников, он просто не мог остаться безобидным

ягненком... Но инстинктивно чувствовала, что Рон в чем-то прав. Однако подтвердить ее сомнения или опровергнуть их мог только сам Маурицио.

Молодая женщина попросила портье немедленно сообщить ей о возвращении синьора Скальди, и звонок раздался поздно вечером. Две минуты спустя Арабелла уже стучала в дверь знакомого номера.

Лицо Маурицио расплылось в улыбке при виде ее.

— Я только что звонил тебе, — сказал он. — Как чудесно, что ты пришла!

Маурицио втащил ее в комнату, закрыл дверь и крепко обнял. Его поцелуй тут же изменил мир вокруг нее. Когда его губы ласкали Арабеллу, ей было трудно представить, что что-либо еще в жизни имеет значение. Зачем выяснять отношения? Не лучше ли пойти на поводу у своих чувств?

Но она попробовала воспротивиться таким мыслям.

— Маурицио...

Но он уже раздевал ее, и Арабелла не испытывала никакого желания останавливать его. Маурицио мог пробудить в ней страсть взглядом, жестом, поцелуем, легким прикосновением. И страсть эта была похожа на жидкое пламя, сжигающее все на своем пути.

Обнаженная Арабелла поймала на себе его — восторженный взгляд — словно он впервые увидел ее нагой — и растаяла. Интуитивно она поняла одну важную вещь: Маурицио никогда не пресытится ею. Его восхищение осталось таким же, как и много лет назад. После недели воздержания он хотел лишь ее одну.

Но внезапно Арабелла осознала и то, что какую бы неприглядную правду ни узнала о Маурицио, она все равно не перестанет желать его. Любой ценой она будет стремиться доставить ему удовольствие, понимая, что собственное тело уже не принадлежит ей...

А Маурицио тем временем ласкал стонущую от наслаждения женщину — женщину, не похожую для него ни на какую другую, которая никогда не перестанет волновать его. Какой бы чудесной могла быть их жизнь, сложись все по-иному!..

Устав от любовных утех, Маурицио лежал, опершись на локоть, и откровенно любовался Арабеллой. И ей хотелось, чтобы это умиленное выражение всегда читалось в его глазах. Но сейчас ее снова обесокоила мысль о том, как легко Маурицио преодолел ее слабые попытки к сопротивлению. Он возымел слишком большую власть над ней. Хотя молодая женщина понимала, что изменить что-либо уже не в силах.

— Как я люблю тебя такой, — произнес Маурицио, провода кончиками пальцев по ее обнаженной груди.

— Нет, — она поймала его руку, — нам надо поговорить.

— Разве это не может подождать?

— Я и так ждала. Хотела поговорить, как только пришла, но...

— Но мы слишком сильно хотели друг друга, чтобы терять время на что-то еще, — закончил за нее Маурицио и спросил: — Что-то случилось?

— Да, думаю, случилось. И мы должны это обсудить.

— Хорошо, — кивнул он. — Я тебя слушаю.

— Несколько дней назад на приеме в отеле я встретила Рона. — Арабелла увидела, как во взгляде Маурицио промелькнула тревога, и ее сердце упало. — То, что он сказал мне, — правда? Ты действительно приказал ему держаться от меня подальше?

— Да, — последовал короткий ответ.

Арабелла молча встала и начала собирать свои вещи. Внезапно ей показалось неприличным, что он видит ее обнаженной. Вопреки всему, она ожидала совсем другого ответа и теперь поняла, что жестоко просчиталась.

Маурицио тоже стал одеваться, хмуро глядя на нее.

Одевшись, Арабелла смерила его убийственным взглядом.

— Как ты смеешь распоряжаться судьбами людей?

— Я хочу быть единственным для тебя и просто устранил соперника. Не воспринимай случившееся столь трагично. Все мужчины поступают так, — ответил он, пожав плечами.

— Но Рон сказал, что ты угрожал ему прошлым. Ты собрал на него досье, а это требует времени. То есть ты все разузнал о нем прежде, чем приехал сюда, не так ли? А может, не только о нем? — спросила Арабелла.

Маурицио не ответил. Он молча наблюдал за ней, пытаясь предугадать, как будет развиваться ситуация.

— Что ж, все ясно и без твоих слов. И подтверждением тому вечер, когда мы встретились, — сказала молодая женщина. — Но я тогда не придала этому значения.

— Чему не придала значения? — заинтересованно спросил Маурицио.

— Ты назвал меня «миссис Стоун», прежде чем мою фамилию произнес мистер Бриджес. Конечно, кто-то мог сказать тебе это. Но подозреваю, что это не так, да?

Он снова не ответил.

— Скажи мне, Маурицио, ты действительно был удивлен нашей встречей?

— Нет, — признался он.

— Ты знал, кем я стала, знал о моем замужестве еще до того, как прилетел в Лондон...

— Да.

— Иными словами, ты собирали информацию и обо мне...

Маурицио пожал плечами.

— Какое это имеет значение?

— Большое! Все это время я полагала, что мы встретились друг с другом случайно, и ты позволял мне думать так. А сам все спланировал, рассчитал. Ты обманул меня! — Возмущению Арабеллы не было предела.

— Я никогда не обманывал тебя! — воскликнул Маурицио.

— А других?

— Сейчас разговор идет о нас с тобой, — ответил он. — Я хотел найти тебя и нашел.

— Но как? Ты меня высledил словно добычу! Маурицио Скальди — человек, который добивается своего любым путем!

— Если нужно отыскать кого-либо, то лучше доверить это профессионалам, — пояснил он. — Что в этом плохого?

— Ничего, если бы ты сказал мне об этом. А так я думала, что наша встреча — подарок судьбы.

— Жизнь редко делает подарки. Человеку приходится много добиваться самому... Твоя мать сказала бы то же самое, — добавил Маурицио. И это было ошибкой.

— Замолчи! Я не желаю о ней слышать! — закричала Арабелла.

— Тогда чего ты хочешь? — спросил он.

— Забыть о том, что только что узнала! — в отчаянии воскликнула она. — Ты не был таким прежде!

— Неправда! — резко ответил Маурицио. — Я всегда был таким. Ты просто не замечала этого!

— Тогда я рада, что не замечала! — снова воскликнула Арабелла. — Я бы никогда не полюбила безжалостного интригана, который использует людей в своих целях. Так имела обыкновение поступать моя мать. Если ты такой же, какой была она, то я потеряла наше прошлое, которым очень дорожила!

— Наше прошлое давно разрушено! — бросил он в ответ. — Сейчас нам надо сберечь наше настоящее! А ты все испортишь, если будешь думать о вещах, которые не имеют значения.

— Не имеют значения? — эхом отозвалась Арабелла. — Ты не понимаешь, что может иметь значение, а что нет. Какой смысл в нашем настоящем, если оно основано на лжи?

— Я должен был найти тебя, Абби, — упрямо повторил Маурицио. — И я не мог позволить никому стоять на моем пути.

— А как же деловая репутация, принятые в обществе нормы поведения, чувства других людей, наконец? Неужели они ничего для тебя не значат? — спросила молодая женщина.

— Я должен был найти тебя, — снова повторил он. — Для меня это было важнее всего на свете.

— Итак, что ты знал обо мне, когда мы встретились на приеме в доме Натана Бриджеса? — Арабелла требовательно смотрела на него, ожидая правдивого ответа.

— Все, — признался он неохотно и добавил: — И пошел бы на это снова, лишь бы мы опять были вместе.

Молодая женщина нервно рассмеялась.

— Но мы не вместе, разве ты не понимаешь? Мы так же далеки друг от друга, как и до того злосчастного приема... А ведь раньше ты не обманывал меня, — со вздохом закончила она.

Маурицио вздрогнул, и Арабелла поняла, что задела его.

— Я сказал бы тебе правду в конечном итоге, — возразил он. — Как только представилась бы такая возможность. Пойми, я все эти годы любил только тебя!

— А как же твоя жена? — напомнила Арабелла.

— Мы не были счастливы.

— Наверняка были, хотя бы первое время.

— Пять лет — и никакой надежды завести ребенка! У нее не было детей от меня, но есть от этого проклятого садовника! — Лицо Маурицио исказилось от ярости.

Арабелла в ошеломлении уставилась на него. Значит, то, что сказал ей Стив Пейворт, — правда? И вдруг ужасное подозрение посетило ее. Нет, было невозможно! Она явно сходит с ума! Но последующие слова Маурицио подтвердили ее худшие опасения:

— У меня был ребенок, девочка. Она умерла, так не должно было случиться. Мое дочке исполнилось бы сейчас пятнадцать. Подумай об этом!

— Я не забывала об этом ни на миг! — закричала несчастная мать. — И ни на миг не переставала скорбеть! Но мы не можем вернуть ее к жизни!

— Но можем создать новую жизнь. Ты и я!

— Маурицио, о чём ты?

Он заглянул ей в глаза.

— Я хочу ребенка, Абби. Твоего ребенка.

— И поэтому ты искал меня? — медленно и неожиданно очень спокойно спросила она.

Введенный в заблуждение ее тоном, он ответил не лукавя:

— Да.

— Теперь, я понимаю, почему ты ничего не сказал мне, — все так же спокойно продолжила она. — Нелегко произнести: «Добрый вечер, Арабелла. Рад видеть тебя спустя пятнадцать лет. Ты будешь моей племянной кобылой?»

— Все совсем не так! — воскликнул Маурицио, испугавшись того, какой оборот принял их разговор.

— Нет, все так, — возразила Арабелла. — Ты хладнокровный и бесчувственный, и я никогда не прощу тебя. И если не понимаешь почему, то ты глупее любого другого мужчины, которого я когда-либо знала.

— Ладно-ладно, я все исправлю, но...

— Послушай себя! — перебила его Арабелла. — «Я все исправлю!» По-твоему, сломанную жизнь можно исправить? Но как? Заставить людей действовать так, как тебе выгодно? Ты настолько самоуверен, что полагаешь, будто то, что хорошо для тебя, хорошо и для других. Иначе просто быть не может, да?

— Ты все неправильно поняла...

Но она снова не дала ему договорить.

— Напротив, я все поняла правильно. Ты хочешь ребенка.

— Твоего ребенка. Твоего! Ребенок от другой женщины мне не нужен! — воскликнул Маурицио.

Однако Арабелла была неумолима.

— Нет, ты просто не хочешь рисковать, — с горечью сказала она. — А я уже однажды забеременела от тебя.

Маурицио побледнел.

— Это трудно объяснить...

Но Арабелла не слушала его. Она отвернулась и принялась ходить по комнате, бормоча:

— Не могу поверить... И я позволила ему прикоснуться ко мне, после все того, что услышала от Рона...

— Но ты позволила! — резко сказал он. — И это доказывает, насколько сильна связь между нами!

Она остановилась перед ним и посмотрела на него в упор.

— Нет, это доказывает, что нам хорошо в постели. Но между нами нет настоящего чувства, Маурицио. Только секс, секс и еще раз секс. Ты самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо знала. И признаю, мне было необыкновенно хорошо с тобой. Я почти убедила себя, что мне этого достаточно. Думаю, это вполне соответствовало твоим намерениям. Для того чтобы стать отцом, тебе не нужна моя любовь. Тобой движет лишь голый расчет...

— Остановись, Абби! — жестко велел Маурицио.

— Несомненно, я остановлюсь. Все уже сказано. Мне только горько сознавать, что, возможно, секс — это все, что у нас когда-либо было.

— Нет! — запротестовал Маурицио. — Никогда не говори так, слышишь?

— Не волнуйся. Я вообще больше не собираюсь с тобой разговаривать. Уезжай, Маурицио. Вернись в Италию и скажи себе, что избавился от несговорчивой женщины, которая не оценила тебя. Найди себе другую, если будешь честным с ней, тебе не придется рисковать.

И Арабелла ушла, хлопком двери выразив свое к нему презрение. Маурицио был настолько потрясен, что не попытался не только остановить ее, но и что-то произнести в ответ...

Зазвонил телефон. Это была Сильвана с горой проблем, которые накопились с того момента, как он оставил Италию. Маурицио подавил желание разбить телефон о стену и броситься за Арабеллой, чему был рад впоследствии. В том состоянии, в котором она находилась сейчас, это было худшее, что он мог сделать. Лучше дать ей время остыть, решил он. Затем поговорить снова.

Все складывалось хуже некуда. И тем не менее Маурицио не собирался сдаваться...

Он работал до позднего вечера, отдавая распоряжения Сильване по телефону, посыпая электронные сообщения. А когда вышел из Интернета, то был на полмиллиона богаче, чем в начале дня.

Маурицио спросил себя, прошло ли достаточно времени, чтобы позвонить Арабелле. И тут раздался стук в дверь.

Он не сразу поверил своим глазам, когда увидел, кто стоит на пороге. Но это была Арабелла, и она улыбалась так, словно и не было их тягостного разговора.

— Я могу войти?

— Конечно... — растерянно произнес он, отступая в сторону. — Ты... ты решила позволить мне объясниться?

— Нет, не беспокойся. Я подумала и пришла к выводу, что это ни к чему. — Арабелла пожала плечами. — У нас разные точки зрения, только и всего.

— Мы могли бы прийти к общему мнению, — заметил Маурицио.

Телефон снова зазвонил. И он, мысленно чертыхнувшись, схватил трубку:

— Сильvana, не теперь...

— Говори, говори, — легко сказала Арабелла. — Я никуда не спешу.

Но спешил Маурицио, совершенно не представляющий, чего ожидать от этой непредсказуемой женщины.

Когда он положил трубку, то увидел, что Арабелла уже задернула шторы. Она стояла возле дивана и призывающе улыбалась ему.

Маурицио взял ее за руки и чувствовал, как она потянулась к нему. Арабелла обняла его за шею, а он начал расстегивать пиджак ее бежевого брючного костюма. Под ним не было нижнего белья. Прежде Арабелла себе такого не позволяла. Так что же изменилось? — промелькнуло в голове Маурицио.

Но мысль тут же исчезла без следа, когда Арабелла увлекала его к дивану и, упав на него, начала страстно обнимать.

Молодая женщина была потрясена, обнаружив, что может быть сразу двумя разными личностями одновременно. Она и подчинялась Маурицио, погружаясь вслед за ним в водоворот эмоций, и в то же время холодным рассудочным взором смотрела на себя со стороны.

Маурицио увидел промелькнувшее в ее взгляде отчаяние. Но тут же глаза ее расширились от страсти и он услышал бессвязные стоны удовольствия. Нет, мне почудилось, решил он. Но отчего-то холодок пробежал по его спине...

Когда все закончилось, Арабелла мягко оттолкнула его от себя. И Маурицио откинулся на подушку, почему-то боясь смотреть в глаза молодой женщине.

Она лежала на мягкком диване, раскинувшись, словно бесстыдная нимфа и позволяя созерцать свою великолепную наготу. Неожиданно Арабелла рассмеялась.

— Это было здорово, — произнесла она знакомую фразу.

— Да... — отозвался Маурицио.

Как всегда не вовремя зазвонил телефон. Маурицио выдернул шнур из розетки и швырнулся на пол. Арабелла рассмеялась громче.

— Что тебя так развеселило? — спросил он, смеясь вместе с нею.

— О, это личное.

— И ты не поделишься со мной?

— Оставь мне мои тайны. — Арабелла закинула руки за голову. — Впрочем, ты все узнаешь в свое время, — сказала она. — А сейчас я хочу спать.

Бережно обняв, Маурицио отнес ее в спальню, поцеловал. А минуту спустя уже спал рядом с ней безмятежным сном.

Арабелла смотрела на него, и на ее лице не было и следы былой веселости. Ее взгляд был полон отчаяния, которое заметил Маурицио. Из глаз катились слезы, но она не вытирала их...

Маурицио проснулся с мыслью: он победил. Как и всегда. Абби пробовала уйти от него — и не смогла. Она снова принадлежит ему, как он и планировал. И теперь ничто и никто не стоит на их пути к счастью.

Он повернулся, желая обнять возлюбленную и увидеть в ее глазах подтверждение своих мыслей. Но Арабеллы не было.

Маурицио прислушался. Однако из ванной не доносилось звука льющейся воды. Огляделся — все одежда Арабеллы исчезла. Ушла?

Он позвонил в ее номер, но ему никто не ответил.

Ничего страшного. Арабелла просто отправилась прогуляться и поразмышлять о нашем общем будущем. Маурицио внушал себе это, отчаянно пытаясь отогнать худшие опасения.

Он набрал номер ее мобильного, но тот оказался отключен. Оставался еще Стив Пейворт. Уж он-то знал наверняка, где находится сотрудница отеля, отвечающая за связь с общественностью.

Ответ управляющего ошеломил Маурицио.

— О, синьор Скальди, это весьма прискорбно для нас, но миссис Стоун больше здесь не работает.

«Но мы же занимались с ней любовью всю ночь!» — чуть было не выпалил Маурицио, но во время сдержался и, с трудом скрывая нетерпение, спросил:

— И где ее теперь можно найти?

— Честно говоря, не знаю. Она уволилась очень поспешно и отбыла в неизвестном направлении.

— Но ведь на ее имя должна приходить почта... — Его напряженный голос показался незнакомым даже ему самому.

— Миссис Стоун сказала, что позаботится об этом, — ответил управляющий и добавил: — Кажется, вы знакомы с мистером Уиллоби. Может, вам справиться у него? Они ведь собираются пожениться, так что он должен знать, где его невеста. Любовь, как известно, толкает на безрассудства!..

Маурицио не стал говорить управляющему, что его информация устарела и, поблагодарив, положил трубку. Затем опять попробовал дозвониться до Арабеллы, но ее мобильный по-прежнему был отключен.

В дверь постучали. И сердце Маурицио радостно встрепенулось. Вот она, его своюенравная красавица! Сначала решила помучить его, а потом сжалась! Но за дверью стоял посыльный отеля с почтой, пришедший на его имя.

Маурицио стал перебирать конверты, машинально откладывая те, которые требовали его внимания в первую очередь.

Вдруг он замер, узнав почерк Арабеллы. Маурицио и хотел, и боялся вскрыть конверт. Наконец он решился и секунду спустя уже читал скромные строчки:

Маурицио, мой дорогой,

прошлая ночь была прощальной. Я не могла оставить тебя без последнего напоминания о лучшем, что было между нами. Знаю теперь, что не могу полюбить тебя снова. Пожалуйста, не вини меня в этом и сохрани обо мне хорошие воспоминания.

Арабелла.

Арабелла, не Абби... Его первой реакцией был протест. Так не должно быть! Он нашел и потерял ее снова! Неужели на этот раз навсегда?

Но привыкший действовать, Маурицио не позволил себе поддаться панике. Для начала он изучил конверт. Письмо пришло по почте и, судя по штемпелю, было отправлено накануне. Это стало еще одним ударом для него. Значит, Арабелла пришла к нему вчера вечером, уже написав его!

Он ощущал себя человеком во власти разбушевавшихся волн, которые бьют его о камни. И нет никакой надежды на спасение, хотя до берега рукой подать. Маурицио нашел избавление в гневе. Он заставил замолчать другие чувства и направил его на врагов.

Маурицио с утра поджидал Рона Уиллоби в его офисе и угрожающе спросил, едва только бывший соперник вошел:

— Итак, где она?

— Я не знаю, о ком вы говорите, — холодно ответил Рон.

— Надеюсь, это правда. Где Арабелла?

— Послушайте, если бы мне это было известно, я бы сказал вам. Но мы больше не общаемся. Я сделал так, как вы потребовали, и разорвал отношения. Обратитесь к ней. — Рон посмотрел на Маурицио и усмехнулся. — Но, кажется, вам это не помогло. А чего вы ожидали? Арабелла — леди. Конечно, она всего лишь играла с «дикарем».

Раньше Маурицио недолго думая ударил бы Рона. Но сейчас был не в состоянии двинуться с места. Когда наконец ему удалось справиться с собой, сил хватило только на то, чтобы встать и уйти.

Ее отъезд напоминал бегство. Но так она могла сохранить хоть остатки самоуважения.

Впрочем, Арабелла и сама уже не знала, какая она на самом деле. Она не понимала себя с того момента, как доподлинно узнав, что представляет собой Маурицио, тем не менее провела ночь в его объятьях, зная, что уезжает на рассвете. Она упрекала Маурицио в жестокости и бессердечности. А отплатила ему той же монетой.

Женщина, которой она когда-то была, никогда не поступила бы так. Но женщине, которой она стала, возможно, не оставалось ничего иного. Арабелла дала понять Маурицио на его языке, что не желает становиться его жертвой. Больше ей нечего было сказать.

Она предполагала, что Маурицио теперь ее возненавидит. И это было бы к лучшему. Они смогли бы наконец действительно освободиться друг от друга.

Гнев показался ей лучшей защитой от сердечной боли, и, оставшись одна, Арабелла стала разжигать в себе это чувство. Маурицио обманул ее худшим из способов, создав иллюзию, что любит ее. Все это время он, как искусный кукловод, дергал за ниточки, заставляя ее делать то, что ему нужно.

Но еще больше Арабелла не могла простить Маурицио то, что он обесценил дорогие для нее воспоминания...

Она проехала почти всю Европу. С одной стороны, надеясь, что вид новых мест отвлечет ее от грустных размышлений. С другой, — рассчитывая таким образом запутать следы. Поезд сменял автобус, купленный за гроши разваливающийся автомобиль — речной пароходик. День шел за днем, неделя за неделей...

В Каренну Арабелла приехала на древнем автобусе, в котором было невыносимо душно. Он

с урчанием и дребезжанием преодолевал проселочную дорогу.

Вид больницы не заставил ее содрогнуться. Так же, как и полицейский участок, где находился под арестом Маурицио, не имея возможности прийти к ней, когда она в этом так нуждалась. Арабелла зашла в церковь, где они хотели обвенчаться. Но и там ее сердце не затрепетало. Неужели его уже ничто не вернет к жизни?..

В подавленном настроении стояла молодая женщина перед алтарем, невидящим взором уставившись на разноцветный витраж, когда к ней приблизился священник. Его испещренное морщинами открытое лицо с все понимающими темными глазами располагало к доверию. И неожиданно для себя Арабелла принялась говорить ему о своих опасениях и тревогах. Постепенно сковывающая сердце ледяная корка растаяла, и оно забилось вновь если не радостно, но все равно так, как бьется настоящее, живое сердце.

Выговорившись и немного успокоившись, Арабелла, неизвестно почему, вдруг попросила доброго священника показать ей приходские книги пятнадцатилетней давности. Одна из записей привлекла ее внимание. А сравнив даты, молодая женщина чуть не потеряла сознание от потрясения.

Минут десять спустя она уже стояла, глотая слезы, перед небольшим надгробием из серого камня...

Что было потом, Арабелла не помнила. Лишь часа через два обнаружила, что стоит перед домом, где они когда-то жили с Маурицио. Какое счастливое это было время, но такое короткое! Теперь здесь, судя по всему, обитало большое семейство.

Она подошла ближе, желая заглянуть в приоткрытую дверь, но внезапно все поплыло перед ее глазами. Арабелла прислонилась к стене, убеждая себе, что головокружение скоро пройдет.

Словно почувствовав что-то, из дома вышла полная жизнерадостная женщина и почти насильно затащила Арабеллу внутрь.

— У меня так каждый раз, — сообщила она, догадавшись, в чем дело. — Ты давно узнала?

— Подозревала, — сказал Арабелла. — Но не была уверена до сих пор.

— А твой муж... Кого он хочет?

— Н-не знаю, — пробормотала она. — Просто ребенка, наверное...

— Лучше всего побыстрее скажи ему об этом.

Она настояла на своем и проводила Арабеллу до остановки автобуса, чтобы убедиться в ее благополучном отъезде.

— Скажи ему побыстрее! — снова повторила добродушная толстушка, когда автобус тронулся. — Сделай его счастливым!

О да, подумала Арабелла, Маурицио был бы счастлив. Однако он этого недостоин. Но что же мне теперь делать? Молодая женщина напоминала себе стрелку компаса, которая мечется во всех направлениях, потому что все перепуталось в этом мире.

Неожиданно Арабелла поняла, что на свете есть лишь одно место, где она может обрести душевный покой. Там она оплачет свою великую любовь, навеки распрощается с нею и научится жить заново...

Маурицио говорил: если вы хотите найти кого-то, доверьте это профессионалам. Но на сей раз профессионалы подвели его.

Лучшие спецы четырех детективных агентств работали в течение трех месяцев, но узнали только, что Арабелла Стоун переплыла на пароме через Ла-Манш. А после этого как в воду кануна. И тогда Маурицио пришел к неутешительному выводу, что, раз она так тщательно старалась замести следы, значит, ее решение оставить его было более чем серьезно и бесповоротно.

Осознав это, он прекратил поиски.

Маурицио вернулся в Рим и с головой ушел в работу...

— Зачем тебе столько денег? — спросила его как-то Сильвана.

— Должен же я хоть чем-то занять себя, — ответил он.

Слова Маурицио расстроили ее. Точнее, не слова, а тон, каким они были произнесены. Столько в нем было безысходной тоски, что у Сильваны защемило сердце. С Маурицио разъяренным, безжалостным, подчас грубым она могла с легкостью справиться. Но Маурицио подавленный, опустошенный пугал ее, ибо она никогда еще не видела его таким.

— Уезжай, — вдруг сказала она ему. — Уезжай немедленно и куда угодно! Сейчас ты совсем не такой, каким был, когда каждый день звонил мне из Лондона и мы говорили о делах по телефону. В тебе словно что-то умерло. Если не хочешь довериться мне, развейся, подумай о том, что с тобой происходит, в непривычной обстановке. А сидя здесь, ты ничего не изменишь...

Неожиданно Маурицио внял ее совету и отправился на машине на север. Погода стояла теплая, на трассе было пустынно, но знакомый пейзаж не радовал глаз Маурицио, как раньше.

Достигнув Гроссетто, он посетил строительную фирму, которую основал на деньги Карлотты Брокуэлл и из которой вырос его бизнес. Фирма процветала под руководством назначенного им опытного управляющего. Маурицио проверил счета, убедился в отличном состоянии дел, отметил превосходную работу управляющего и отбыл, поняв, что никто здесь не нуждается в нем.

Дорога словно сама привела его туда, где он не был уже полгода. Длинная, проселочная, она петляла среди холмов. Вот и деревья, за которыми он когда-то услышал сердитые голоса и увидел молоденькую девушку, противостоящую двум рассерженным мужчинам. Дорога была ухабистая, его дорогая машина так и норовила застрять, но Маурицио не замечал этого. В голове мелькали воспоминания, обостренные реалиями места, и он уже жестоко ругал себя за внезапное желание приехать сюда...

Но так было, пока он не увидел дом. Маурицио вышел из машины и в который раз с болью в сердце посмотрел на то, что осталось от его жилища. Закопченные стены, частично обрушившаяся черепица. Сквозь окно с уцелевшим стеклом видна комната, которая служила ему спальней. И высокие сорняки, заполонившие все вокруг.

Вдруг Маурицио увидел, что возле двери сорняки выдернуты, а на каменных ступенях лежит пестрый половик, и чуть не задохнулся от гнева. Даже в таком виде этот дом принадлежал ему и только ему! И никто не имел права вторгаться в его владения!

Маурицио решительно обошел вокруг дома, и на заднем дворе увидел видавший виды мотороллер с корзиной, прикрепленной сзади.

Вернувшись, Маурицио крикнул:

— Эй, кто здесь есть! Выходи! Иначе тебе не поздоровится, слышишь?

Вначале ничего не произошло. Затем он услышал легкие шаги, тень упала поперек ступеней, и в открывшемся дверном проеме появилась женская фигура.

— Ты? — выдохнул Маурицио, не веря своим глазам.

Он мечтал увидеть ее снова, но не надеялся, что это произойдет, и сейчас испугался, что у него начались галлюцинации.

Но это была Арабелла — побледневшая, похудевшая, с тенями под глазами, но из плоти и крови. На ней были брюки и свитер с высоким воротником, защищающим от осеннего ветра. Ее очаровательные длинные волосы были коротко, по-мальчишески подстрижены.

Она стояла на пороге, словно не решаясь выйти в мир, которому не доверяла. Маурицио приблизился к ней медленно, неуверенно.

— Ты в порядке? — спросил он.

Арабелла кивнула.

— Что ты делаешь здесь, в этом диком месте?

— Оно вполне безопасное, — ответила молодая женщина. — Никто меня не беспокоит, не звонит...

— Давно ты тут?

— Гм... даже не знаю. Неделю или две, кажется.

— Но почему?

— А почему ты здесь? — вопросом на вопрос ответила Арабелла.

— Сам не знаю, — честно сказал Маурицио. — Такое ощущение, что что-то помимо моей воли привело меня сюда.

Арабелла снова кивнула.

— Да, — сказала она со слабой улыбкой. — Да, именно так.

— Но как ты живешь здесь? — спросил Маурицио. — Ведь дом не пригоден для жилья.

— Я постаралась привести его в порядок. А плитой все еще можно пользоваться.

Маурицио вошел вслед за ней в дом и увидел, во что Арабелла превратила кухню.

Все было отчищено от копоти и выглядело уютным. Он представил, сколько сил потребовалось этой, по сути, не знающей тяжелого труда женщине, чтобы придать комнате жилой вид, и поразился этому. На плите закипал чайник. Арабелла предложила Маурицио выпить чаю.

— Я знаю, ты предпочитаешь кофе и с сахаром, — сказала она. — Но я не ждала гостей, и у меня ни того ни другого.

— Ты ни с кем не общаешься?

— Мало кто знает, что я здесь поселилась. Мне пришло в голову ездить в деревню на мотороллере. Там я покупаю продукты, кладу в корзину и возвращаюсь так можно быстрее, — объяснила Арабелла.

— Ты решила скрыться, но почему? — спросил Маурицио. — Чего ты боишься?

Она казалась удивленной вопросом.

— Ничего. Просто не желаю, чтобы что-то волновало меня. Мне нужно побывать одной.

— Здесь?

Слабая улыбка снова тронула ее губы.

— Ты знаешь место лучше, чтобы побывать одному?

Задумавшись на секунду, Маурицио покачал головой.

Чай пили в молчании. Маурицио хотел что-то сказать, но был слишком взволнован неожиданной встречей и сомневался, что подберет нужные слова. Эта преуспевающая женщина, поселившаяся в полуразрушенной лачуге, так или иначе, вызывала уважение. Он не знал, что вынудило ее к этому, но причина явно была серьезная.

— Не возражаешь, если я похожу тут? — спросил Маурицио.

— Конечно. Это же твой дом. И... и ты даже можешь выгнать меня отсюда, — дрогнувшим голосом сказала Арабелла.

— У меня и в мыслях этого нет, — ответил он. — Мне просто интересно, что ты сделала.

Немного. Кроме кухни лишь спальня была пригодна для жилья, и то только потому, что погода стояла сухая и теплая. Арабелла отодвинула кровать от дыры в крыше и на протянутую поперек комнаты веревку на манер ширмы повесила кусок пестрой ткани.

Одна ножка кровати, видимо, сильно пострадала при пожаре, и теперь вместо нее стоял деревянный чурбачок. Саму кровать покрывало стеганое лоскутное одеяло, которое Маурицио помнил с детства, правда оно стало не таким ярким.

— Надеюсь, ты не возражаешь, — сказала Арабелла. — Я нашла его здесь, отстирала и увидела, что оно вполне хорошее.

— Нет, не возражаю. Моя мать сделала его. По-моему, это единственная вещь, которая осталась от нее.

Маурицио еще раз оглянулся вокруг и понял, что в этой комнате ему хорошо. Он ощутил то душевное тепло, о котором и мечтать не мог в «Куин Элизабет» с ее совершенным температурным режимом.

— У меня есть еще подушки и много всякой посуды, — не без гордости заявила Арабелла. — И вообще мне здесь удобно и хорошо.

— Сейчас, возможно, да, но вскоре похолодает, — заметил Маурицио.

— Вот тогда я и буду думать о том, что делать, — сказала она с вызовом. — А пока не желаю.

— Ладно, если тебе здесь нравится, — сказал Маурицио и вернулся в кухню. — Тут все твои продукты? — спросил он, открывая буфет. — Растворимый кофе?!

Его потрясенный тон заставил ее улыбнуться.

— Да, именно так. Я понимаю, что для итальянца это своего рода кощунство. Поэтому и не предложила тебе его.

— Ты наполовину итальянка, — с шутливой строгостью напомнил он. — Дух твоей бабушки может восстать и упрекнуть тебя.

— Он так и делает, но я стараюсь его не слушать.

— А мясо? — спросил Маурицио. — Где ты хранишь мясо?

— Ну, когда я его покупаю, то тут же и готовлю...

— Все ясно, — недовольно пробормотал Маурицио, и, чтобы сгладить неловкий момент, Арабелла снова налила ему чаю.

— Вкусно, и совсем нет привкуса сажи. Всякий раз, когда я варила кофе, то всегда ощущал его, — заметил Маурицио.

— Ты часто здесь бываешь? — спросила она.

— Время от времени. Я приезжаю, вырываю сорняки, но они всегда вырастают снова.

— Скажи, почему ты не отремонтировал дом?

Маурицио сделал неопределенный жест рукой.

— Я подумывал об этом.

— А почему приехал сюда именно сегодня?

— Я не знал, что ты здесь, если тебя это интересует, — ответил Маурицио.

Проще всего было спросить Арабеллу сейчас, почему она нашла убежище здесь, когда существовало многое более комфортных мест. Но что-то мешало Маурицио так поступить, и он сделал вид, что наслаждается чаем.

— Ты совершила маленькое чудо, — наконец сказал он. — Но здесь нельзя жить. Если что-нибудь случится, кто поможет тебе?

Она пожала плечами.

— Я довольна.

— Все равно мне не нравится, что ты здесь одна. Будет лучше, если ты... — Он осекся, увидев ее предостерегающий взгляд, и раздраженно бросил: — Я только беспокоюсь за тебя!

— Спасибо, но в этом нет необходимости, — вежливо ответила Арабелла. — Однако если ты хочешь, чтобы я уехала...

Он посмотрел на нее с упреком.

— Повторяю: можешь жить здесь, сколько захочешь.

— Спасибо.

Маурицио вышел из дома и еще раз обошел его кругом. Повнимательнее присмотрелся к мотороллеру с корзинкой.

— Ты утверждаешь, что этим изобретением можно пользоваться? — спросил он у сопровождающей его молодой женщины.

Арабелла неожиданно улыбнулась.

— О, конечно!

Маурицио разглядывал ее какое-то мгновение, потом торопливо бросил:

— Ну, мне, пожалуй, пора. До свидания.

Он сел в машину и, не сказав больше ни слова, уехал. А Арабелла стояла и смотрела ему вслед, пока машина не исчезла из виду.

Молодая женщина пробовала разобраться в своих чувствах. Она была потрясена, увидев сегодня днем Маурицио, хотя звук его голоса, донесшегося снаружи, наполовину подготовил ее. Бывший возлюбленный изменился. Вел себя тактично, и вместо гнева в его глазах читалось замешательство. Было даже трудно представить, что отныне они враги.

Я вправе была бы упрекнуть его в том, что он использовал меня, обманом и хитростью пытался заставить забеременеть, подумала Арабелла. Маурицио мог бы ответить, что я выставила его дураком, изображая страсть, хотя хотела показать лишь свою власть над ним.

Однако ничего этого сказано не было. Их встреча прошла вполне цивилизованно, учитывая обстоятельства. Маурицио не был навязчив или требователен, и, если бы не сам факт его появления здесь, ничем не нарушил бы ее спокойствия.

Арабелла сказала себе, что рада его отъезду, но дом неожиданно показался ей пустым. Все здесь служило напоминанием о нем, и это можно было не замечать, лишь пока Маурицио не перешагнул порог.

Она задрожала как от озноба и обняла себя за плечи. Погода действительно могла вскоре испортиться. А кухня была единственной теплой комнатой в доме. Арабелла пробовала оставлять дверь в спальню открытой, но тепло уходило через дыру в крыше.

И тем не менее в этом полуразрушенном жилище она обрела давно забытое и так нужное ей теперь чувство душевного равновесия и покоя. Но, как женщина здравомыслящая, Арабелла понимала, что останется здесь лишь до тех пор, пока ничто не угрожает жизни и здоровью ее и ее будущего ребенка...

Она решила приготовить на ужин немного овощей. Но прежде следовало принести воды. Арабелла взяла кувшин и пошла к насосу во дворе. Она ненавидела это старое и ржавое приспособление, но вода из него текла удивительно чистая и сладкая на вкус.

Молодая женщина с усилием нажала на ручку насоса и вдруг услышала звук мотора приближающейся машины. Через минуту Арабелла поняла, что Маурицио возвращается.

Набирая воду, она наблюдала, как низкий спортивный автомобиль едет по дороге. Маурицио затормозил, вышел, кивнул ей и стал вытаскивать из багажника, а затем вносить в дом какие-то свертки и картонные коробки.

— Я на минуту и сразу же уеду, — предупредил он прежде, чем Арабелла успела что-либо спросить.

Захлопнув багажник, он, вместо того чтобы сесть в машину, подошел к насосу.

— Одного кувшина тебе надолго не хватит. Принеси еще.

Арабелла кинула и через минуту вернулась еще с двумя. Он заполнил их и внес в кухню.

— Маурицио...

— Я ни в коей мере не хочу мешать тебе жить той жизнью, какую ты выбрала, — сказал он спешно. — Но позволь мне сделать для тебя эту малость.

— Я могу хотя бы сказать «спасибо»? — растерянно произнесла Арабелла.

— Нет необходимости, — ответил Маурицио и направился к машине.

Он пробормотал что-то вроде «до свидания» сквозь открытое окно. И вскоре Арабелла увидела в сумраке уменьшающиеся габаритные огни автомобиля. Маурицио уехал.

В спальне она обнаружила несколько комплектов постельного белья и еще одно одеяло. Все добротное, но не дорогое, чтобы не разозлить ее. Так мог поступить только заботливый, хорошо знающий ее друг.

Затем Арабелла вспомнила о коробках и поспешила в кухню. Несколько пакетов молока,

чай, пачка песочных бисквитов, хлеб, масло, ветчина, яйца, фрукты. И два больших сочных бифштекса... Сахара не было, и натурального кофе — тоже.

Наличие и того и другого сказало бы ей, что Маурицио рассчитывает вернуться. Их отсутствие ставило в тупик...

Арабелла приготовила один из бифштексов тем же вечером и съела его с хлебом и маслом, запивая чаем из большой кружки.

Перед сном она снова побаловала себя свежезаваренным чаем с бисквитом, затем с блаженным вздохом легла на застеленную свежими простынями кровать.

Арабелла думала, что будет долго лежать с открытыми глазами, размышая о внезапном появлении Маурицио. Но она заснула почти сразу же и проспала восемь часов.

Утром молодая женщина проснулась с ощущением необычайной легкости в душе. Накануне она планировала съездить в деревню, чтобы пополнить запасы продуктов, но забота Маурицио сделала это ненужным. Сейчас Арабелла могла провести день, наслаждаясь любимым занятием — чтением.

Но прежде она решила немного прибраться в доме, если Маурицио вдруг нагрянет. Арабелла не хотела, чтобы он подумал, будто она пренебрежительно относится к его собственности.

Подметая пол и вытирая пыль, она помимо воли прислушивалась, не едет ли машина. А когда вышла с книгой в запущенный, но такой приветливый сейчас, когда был залит солнечными лучами, садик, то поставила стул так, что видеть дорогу.

Наконец она увидела машину. Но вместо дорожного спортивного автомобиля Маурицио это оказался старый фургон, который покачивался и подпрыгивал на ухабах.

Тем не менее он остановился возле каменных столбов, на которых некогда крепились ворота. И голова Маурицио появилась в окне кабины.

— Я проеду здесь? — крикнул он.

Арабелла подошла и прикинула на глаз ширину ворот.

— Не думаю, — покачала она головой.

Тогда он вылез из фургона и подошел, чтобы убедиться самому. На нем были джинсы и рубашка, и он совсем не напоминал процветающего бизнесмена, которого Арабелла встретила на приеме у банкира Бриджеса.

— Ты права, — заключил он. — Но сейчас я это исправлю.

Маурицио открыл заднюю дверцу фургона и вынул оттуда большой молоток и лом. Несколько минут — и он довершил то, над чем уже основательно потрудилось время. Путь был свободен.

Маурицио подъехал на фургоне к дому. Вылез, посмотрел на небо, затем на свои наручные часы и сказал:

— Ну что ж, у меня хватит времени, чтобы начать.

— Начать что? — спросила ничего не понимающая молодая женщина.

Но Маурицио уже снова открывал заднюю дверцу фургона. Внутри находились ящики с черепицей и лестница, которую он вытащил и приставил к стене дома.

Под недоуменным взглядом Арабеллы Маурицио поднялся наверх и осмотрел крышу глазом профессионала. Результат, казалось, удовлетворил его, поскольку он быстро спустился по лестнице.

— Чашечка кофе была бы кстати, — сказал он. — А иначе какая же работа?

Маурицио произнес это с надеждой, но не глядя на молодую женщину. От ее ответа сейчас зависело будущее их отношений. Арабелла могла несколькими словами навсегда убить в нем надежду или же существенно разрядить полную недомолвок и напряженности атмосферу,

окутывающую их.

— Чашечка кофе? — сказала Арабелла с наигранным удивлением. — Но мы, англичане, всегда угощают работников чаем.

— В таком случае, не пойти ли тебе поставить чайник, — предложил Маурицио.

Итак, к счастью или нет, но Арабелла позволила ему остаться.

Пока заваривала чай, она слышала, как он работает на крыше. Затем Маурицио спустился и снова пошел к фургону. Вернулся он со стремянкой, которую внес в спальню.

Арабелла решила, что он проверяет, воспользовалась ли она привезенными им вещами. Но оказалось, что он изучает потолок.

— Балки совсем прогнили, — объяснил Маурицио. — Мне придется их заменить, так что какое-то время дыра над тобой будет больше, чем сейчас.

— Вряд ли это что-то изменит, — весело заметила Арабелла. — Большая дыра или очень большая — эффект тот же самый.

— Верно. Я рад, что ты не теряешь присутствия духа.

— Означает ли это, что оно мне еще понадобится? — спросила она не без тревоги. — Я должна готовиться к чему-то худшему?

— Что касается крыши, то все уже позади. Тебе повезло, что на тебя не свалилась одна из этих штуковин. — И Маурицио показал наверх.

— Можно, я посмотрю? — спросила молодая женщина.

— Давай.

Маурицио держал стремянку, пока Арабелла поднималась. Просунув голову в дыру в потолке, она сразу увидела то, о чем он говорил. Часть обгоревших балок держалась на одном честном слове и могла рухнуть в любой момент.

— Слезай! — скомандовал Маурицио. — Сейчас я избавлюсь от них и заменю на новые!

— Но они же могут упасть на кровать! — воскликнула Арабелла и принялась спешно сворачивать постельные принадлежности. — Ну вот, теперь твоему одеялу ничего не угрожает, — с удовлетворенным вздохом сказала она чуть погодя.

— А сейчас отойди в сторону или вообще выйди из комнаты! — велел он.

Маурицио снова командовал, но это не раздражало ее, как прежде. Он знал свое дело, и все его действия были разумными и оправданными.

Арабелла подумала и решила остаться. Ей нравилось наблюдать за ним. Сейчас он напоминал ей того юношу, которого она встретила пятнадцать лет назад и полюбила без памяти...

Сражаясь с балками, Маурицио поднял ужасный шум. Затем принял с азартом выносить на улицу черные остатки бревен. Но когда она попробовала поднять упавшую часть одного из перекрытий, снова не позволил ей.

— С какой стати ты будешь поднимать тяжести, если здесь есть я? — возмутился он.

Арабелла не стала спорить, но настояла на том, что выметет мусор. Вместе они вынесли его на улицу и высыпали рядом с тем, что раньше было перекрытиями.

— Ну и перепачкался же я! — воскликнул Маурицио, пробуя стряхнуть пыль и мелкий сор с волос и одежды. — Но дальше будет еще хуже, так что я поеду в деревню прямо сейчас. Тебе что-нибудь нужно?

Арабелла колебалась не дольше секунды.

— Да, сахар и хороший кофе.

Это был знак того, что она не против его посещений.

— Прекрасно! — Маурицио не смог скрыть своей радости. — Что-то еще?

— Нет, спасибо. Больше ничего.

Он вскочил в фургон и уехал. Прошел час, прежде чем он вернулся. Маурицио привез еще продуктов, черепицу и мешки с сухим раствором.

— Для ворот, — пояснил он и стал выгружаться, как и раньше не дав ей поднять ничего тяжелого.

Арабелла подумала: уж не подозревает ли он о ее беременности? Но тут же возразила самой себе: с какой стати? Внешне это никак не заметно, а то, что ее подташнивает по утрам, известно только ей. К тому же Маурицио и тогда, в юности, был очень внимателен и заботлив по отношению к ней. Словно она была драгоценностью, с которой нужно сдувать пылинки. Арабелла выросла и стала вполне современной, независимой женщиной, которая не нуждалась ни в чьей опеке. Но она с трепетом вспоминала сейчас о том коротком времени, когда чувствовала себя самой счастливой и желанной девушки на свете...

— Эй! — крикнул Маурицио, — где ты витаешь?

Арабелла очнулась от грез.

— Ты что-то сказал?

— Да. Я сказал, что привез макароны, сыр, помидоры, и спросил, сможешь ли ты приготовить спагетти. Рядом с тобой находится мужчина, который трудился не покладая рук!

Маурицио был озадачен, когда она начала смеяться. Арабелла явно пробовала остановиться, но не могла. Так разителен был контраст между ее мечтами и реальной действительностью.

— Арабелла...

— Я сожалею... я пытаюсь... но... но...

— Что я сказал смешного? — недоуменно спросил он.

— Ничего... — Ей все еще не удавалось справиться с собой.

— Если ничего, то почему бы тебе не накормить меня прежде, чем я умру от голода?

— Уже иду.

Арабелла поспешила в дом, все еще смеясь. Наконец она успокоилась. Этот небольшой инцидент неожиданно привел ее в прекрасное расположение духа, и она с энтузиазмом принялась за готовку.

Ее умение готовить спагетти находилось не на высоте, когда она приехала в Италию. Но Арабелла упорно совершенствовалась и теперьправлялась с этим традиционным блюдом не хуже любой итальянки.

— Все будет готово через двадцать минут! — крикнула она в окно кухни.

— Прекрасно, я как раз приведу себя в порядок. А то пока таскал эти мешки и черепицу, испачкался снова, — донеслось в ответ.

Арабеллаглянула в окно и увидела, как Маурицио направился к насосу. Он снял рубашку и стал качать воду одной рукой, другой пытаясь умываться. Вода текла рывками, и у него ничего толком не получалось. Он только забрызгал все вокруг и самого себя.

Решив, что со спагетти ничего не произойдет, если она на минуточку отлучится, Арабелла поспешила ему помочь.

— Я буду качать, — сказала она, вручая Маурицио мыло.

Солнце ярко вспыхивало в каждой капле воды, льющейся из насоса и стекающей по его длинным, мощным рукам и мускулистой спине.

— Давай я вымою тебе голову, — предложила она и, не дожидаясь ответа, намочила его пыльные волосы и стала их намыливать.

— Эй, мыло попало мне в глаза! — пожаловался Маурицио.

— О, не будь ребенком!

— Ты — бессердечная женщина.

— Теперь нужно смыть, — сказала она, снова берясь за ручку насоса.

Когда с мытьем было покончено, Арабелла принесла полотенце, и Маурицио стал вытираться с довольным видом.

— Как хорошо! — воскликнул он и вдруг увидел пластиковый флакон, стоящий на скамейке рядом с ним. — А это что еще такое?

— Жидкое моющее средство с запахом лимона... На нем написано, что оно подходит для любых целей, — не слишком уверенно произнесла Арабелла.

— Ты вымыла мне волосы жидким моющим средством? — пораженно произнес Маурицио. — И теперь я буду благоухать лимоном?!

— Но единственный шампунь, который у меня есть, пахнет жасмином и фиалками, — пролепетала Арабелла в свое оправдание.

Маурицио подумал, подумал и решил, что ему еще повезло.

— Лимоном так лимоном, — махнул он рукой. — Ты права: могло быть и хуже.

Так, дружелюбно препираясь, они понемногу обрели безопасный стиль их новых отношений.

Покончив со спагетти, которые Маурицио искренне нахваливал, он обошел вокруг дома, проверяя, хорошо ли запираются замки, и был потрясен тем, что увидел.

— Передняя дверь плохо закрывается, а черный ход не закрывается вообще. Хорошо, что я прихватил все необходимое.

Устанавливая новые замки, Маурицио недовольно ворчал себе под нос:

— Как эта женщина жила здесь все это время?.. Никакой защиты! Кто угодно мог войти...

— Но я же никого не интересую, — не удержалась и возразила Арабелла, но тут же добавила: — Тем не менее теперь мне будет спокойнее.

Затем Маурицио снова поднялся на крышу, производя уже знакомый Арабелле ужасный шум. Когда, ближе к вечеру, он спустился, то произнес с удовлетворенным вздохом:

— Ну вот, больше тебе не придется спать под открытым небом. А завтра я отремонтирую потолок.

— Замечательно, — благодарно сказала Арабелла. — Спасибо, Маурицио.

Но он зевнул и, казалось, не услышал ее.

— Я чувствую, что разваливаюсь, — сказал он, расправляя плечи.

— Может, поужинаем? — предложила Арабелла, и они направились в кухню.

Стемнело, поэтому молодая женщина зажгла свечи. Это придало помещению романтический вид, но Арабелла двигалась как-то заторможенно, время от времени опуская голову и судорожно сглатывая. Наконец Маурицио не выдержал и заявил, что сам приготовит пиццу.

— Хорошо, — тут же согласилась Арабелла и спешно вышла из кухни.

Маурицио внимательно посмотрел ей вслед. Затем принялся нарезать выложенные на стол шампиньоны. Когда пицца была готова, он достал привезенную с собой бутылку кьянти и позвал молодую женщину. Она вернулась заметно оживленная, явно чувствуя себя лучше.

— Что с тобой было? — спросил Маурицио. — Ты устала?

— Нет, просто неожиданно поняла, что не могу видеть сырье грибы. А их запах вдруг показался мне тошнотворным... — не глядя на него, призналась Арабелла.

— А раньше ты замечала за собой такое? — продолжил расспрашивать Маурицио.

— Нет, никогда.

— Может, тебе не есть пиццу?

— Ну что ты, она выглядит так аппетитно, что у меня слюнки текут! — вполне искренне воскликнула Арабелла и села за стол, чтобы отвлечь внимание Маурицио от своего состояния.

От предложенного вина она отказалась, что не осталось незамеченным ее сотрапезником.

В последнее время ее часто подташнивало, иногда без видимой причины. А иногда неприятные ощущения вызывал запах или вид продуктов, которые до этого она не раз употребляла в пищу безо всякого для себя вреда. Итак, налицо классический токсикоз! Интересно было бы узнать, как долго ей мучиться и как скоро Маурицио обо всем догадается...

Признаться в том, что она беременна от него, Арабелла не решалась. Даже мысль об этом почему-то приводила ее в ужас. Но если умолчать, тогда снова придется бежать, рассуждала сама с собой молодой женщина. И искать место, где рожать ребенка. А времени на это оставалось не так уж много. С огромным животом не очень-то просто затеряться. А если Маурицио найдет ее снова и сообразит, что она пыталась скрыть от него проявление на свет столь желанного ему младенца, то страшно подумать, чем это будет грозить ей. Скорее всего, пользуясь своими связями и огромными деньгами, он отнимет у нее это крохотное существо, частичку ее и любимого ею человека, и даже не позволит видеть его...

— Ты — великий кулинар, — сказала Арабелла, отодвигая тарелку и прогоняя тревожные мысли.

— Раньше ты так не говорила. Напротив, имела обыкновение критиковать мою стряпню, — напомнил Маурицио.

— Скажу честно: мною двигала зависть. Ты готовил лучше, чем я, и это заставляло меня сердиться.

Маурицио с улыбкой взглянул на нее.

— Я думал, что никогда не услышу этих слов.

— Так ты знал? — воскликнула пораженная Арабелла.

— Конечно. Где тебе, избалованной богатой девчонке, было состязаться со мной! — с вызовом произнес Маурицио.

— Ах ты мистер Высокомерие!..

— Нет. Я всего лишь говорю правду. И между прочим, ты минуту назад сама признала это.

Арабелла не нашлась, что ответить. Маурицио помог ей вымыть посуду. А когда свечи готовы уже были додореть, сказал:

— На сегодня хватит. Я, пожалуй, пойду. Спокойной ночи, Арабелла.

Он качнул головой и вышел. Молодая женщина пошла за ним — посмотреть, как он будет садиться в фургон и уезжать. Но вместо этого Маурицио залез в кузов. Когда он не вылез обратно, она подошла узнать, что происходит, и увидел его стелющим постель при свете переносного фонаря.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Ложусь спать, — раздалось в ответ.

— Здесь?

— Где же еще?

— Разве тебе не по карману снять номер в ближайшей гостинице? — снова спросила Арабелла.

— Мне по карману купить эту гостиницу целиком, — ничуть не рисуясь, сказал Маурицио. — Но она на расстоянии нескольких миль отсюда. А я не оставляю тебя здесь одну. Тут небезопасно.

— Маурицио...

— Спокойной ночи. И, Арабелла...

— Да?

— Запри обе двери.

— Но я думала, что ты будешь охранять меня... — недоуменно протянула она.

— Запри... от меня.

— Ничего не понимаю, — покачала она головой. — Но ты же можешь забраться через чердачное окно, а затем через дыру в потолке.

— Арабелла, забудь об этом и сделай, как я сказал!

— Хорошо-хорошо... — Она повернулась и ушла бормоча: — Но, по-моему, это глупо...

Она проснулась рано утром, однако Маурицио был уже на ногах.

— Завтрак! — крикнула она, приоткрыв дверь.

Движения Маурицио были скованными, какими и должны быть у человека, проведшего холодную ночь на жестком полу. Он медленно пил кофе с сыром и хлебом, а Арабелла наблюдала за ним. Когда он поел и отправился работать, она вышла следом и указала на крышу, на которой только по цвету черепицы — красной и новой, а не черной, закопченной — можно было определить, где раньше находилась дыра.

— У тебя здорово получилось.

— Я же начинал свою карьеру как строитель, — ответил Маурицио. — Раньше я мог сделать этими руками все, что угодно, но уже давненько не брался за молоток и гвозди. — Он вдруг усмехнулся: — Уже много-много лет я не был таким грязным... и таким счастливым.

Он показал свои ухоженные руки, на которых за прошедшие два дня появились ссадины и ушибы.

— Расскажи, чем ты занимался... ну, после того как я... как мама увезла меня в Лондон, — робко попросила Арабелла.

Она не рассчитывала на откровенный ответ, но неожиданно Маурицио принялся рассказывать:

— Я уехал отсюда и стал брать заказы на ремонт зданий. Дело пошло, и я нанял нескольких человек в помощь. Потом увел один заказ из-под носа у самой крупной местной строительной фирмы. Им не понравилось... и я получил вот эту отметину. — Маурицио потер шрам на левой щеке.

— О боже! — ужаснулась Арабелла.

— Но я не сдался. И постепенно все привыкли думать, что со мной лучше не связываться. — Ее собеседник невесело усмехнулся. — С тех пор моя репутация жесткого предпринимателя неуклонно растет.

— Как ты смог из простого строителя стать тем, кто ты сейчас? — спросила Арабелла.

— Я решил построить себе дом, купил участок земли. Неожиданно цена на него возросла, и я его перепродал. Оказалась, что продавать землю и здания намного выгоднее, чем строить. Так я занялся и этим бизнесом. А как только начал делать деньги, то не мог уже остановиться. Хотя несложно зарабатывать больше денег, чем тебе необходимо, если посвящать этому всего себя и не думать ни о чем другом двадцать четыре часа в сутки.

— Ты не мог ни о чем не думать, — возразила Арабелла. — А как же твоя жена?

— Надин вышла за меня замуж из-за денег.

— Зачем же ты женился на ней?

Он задумался и наконец сказал откровенно:

— Не скажу, что она мне не нравилась. Но прежде всего она была символом моего положения в обществе. Ее семья старинного рода. До того, как у меня появились деньги, Надин и не посмотрела бы на меня. Это заставляло меня чувствовать удовлетворение. — Маурицио состроил презрительную гримасу. — Плохо, не так ли? Но я плохой человек, Арабелла. Я никогда не был хорошим. Это ты делала меня лучше.

— Нет! — яростно воскликнула она. — Ты говоришь чушь! Плохой человек не бросился бы не раздумывая на двух здоровенных мужчин, чтобы спасти незнакомую девушку!

— Но не так давно ты назвала меня бесчувственным типом, манипулирующим другими

людьми, — напомнил ей Маурицио и добавил: — И в чем-то ты была права...

— Это трудно объяснить, — медленно произнесла Арабелла, — но сейчас мне неловко за мои слова. Думаю, что в тот вечер мы оба были не правы. Знаешь, Маурицио, похоже, своим нынешним поведением ты вынуждаешь меня почувствовать, что я неверно судила о тебе...

— Нет. Ты не понимаешь всей силы денег и их влияния на человека!

— Какой силы? Какого влияния? Здесь нет правил и все зависит от человека.

— Хорошо, когда тебя защищают...

— Я не защищаю тебя! — воскликнула молодая женщина. — Я прежде всего стараюсь разобраться в себе, как ты не понимаешь!

— Я только сказал, что хорошо знаю себя...

— Чепуха! Никто не знает себя хорошо!

— В то время, в Каренне, все мои мысли были о том, как уберечь тебя... и нашего ребенка.

— У тебя больше не было детей? — спросила Арабелла.

Увлеченная разговором, она не заметила, как подошла к краю пропасти и чуть не упала в нее.

Она забыла о причине их ссоры три месяца назад. Опомнившись, резко замолчала.

— Нет, — сказал спокойно Маурицио. — Ты хочешь поговорить об этом?

— Нет! — поспешило воскликнуть она. — Нет, не хочу!

Арабелла уже входила в дом, когда услышала тихие слова за спиной:

— Прости, Абби. За все прости.

— Что?

Она резко повернулась, неуверенная, что не ослышалась. Но Маурицио уже лез на крышу.

— Самое время работать. Посмотрим, успеем ли мы покончить с этой крышей сегодня, — произнес он, скрываясь в чердачном окне.

К вечеру с потолком было покончено. Арабелла приготовила ужин и накрыла на стол. Она надеялась, что они поговорят еще, но Маурицио сказал «спокойной ночи» и уехал. Итак, он решил, что ее можно больше не охранять? У молодой женщины стало тоскливо на душе.

Ночью, как назло, пошел сильный дождь. Лето кончилось, и первая же атака осени производила впечатление. Арабелла беспокойно поглядывала на потолок. Но на нее не упало ни капли. Как строитель, Маурицио прекрасно знал свое дело...

Она погружалась в дремоту, когда услышала странное поскрипывание снаружи. Арабелла резко села на кровать и прислушалась. Но шум дождя заглушал все остальные звуки.

Тогда она встала, набросила халат и вышла из дома. Ветер сбил бы ее с ног, если бы она не уцепилась за дверной косяк. С трудом переведя дыхание, Арабелла обрела равновесие и попыталась рассмотреть что-нибудь сквозь частые дождевые струи. Но ничего подозрительного не увидела. Однако вскоре послышался тот же скрип, а за ним грохот.

— О боже! — испуганно воскликнула молодая женщина, увидев, что навес, под которым лежали мешки с раствором для ворот, рухнул. — Сейчас смесь промокнет и ее нельзя будет использовать!

Выход был только один. Затянув пояс халата потуже, Арабелла пошлепала прямо по лужам к обрушившемуся навесу, но в какой-то момент поскользнулась и чуть было не упала.

— Проклятье! — выругалась, но не только раскат грома стал ей ответом.

— Ну и куда тебя несет в такую погоду? — раздался над ее ухом раздраженный голос Маурицио.

— А как ты думаешь? — закричала она. — Танцую тарантеллу! Навес рухнул и твоя смесь сейчас намокнет! Что ты скажешь на это?

— Что это моя забота! — резко бросил он. — А ты иди в дом и переоденься!

— В одиночку ты не справишься быстро!

— Я сказал: иди в дом!

— Маурицио, я не люблю, когда со мной говорят в приказном тоне!

Он чертыхнулся и подвел черту в их споре, проорав:

— Пока мы спорим, мешки мокнут!

Это возымело свое действие. Маурицио кинулся к навесу, Арабелла — в дом.

Оказавшись в кухне, она зажгла свечи, затем достала два чистых полотенца и махровый халат. Переодевшись, принялась вытираять мокрые волосы.

Бросив при входе последний мешок со смесью, Маурицио раздраженно произнес:

— Почему ты не позвала меня?

— Во-первых, я не беспомощная маленькая девочка. А во-вторых, я думала, что ты уехал, — ответила Арабелла.

— Ты не беспомощная, но есть вещи, которыми не стоит заниматься женщинам, особенно... — Он не договорил и сердито добывал: — И вовсе я не уехал, а лишь переставил фургон на другое место. Могла бы быть и повнимательнее.

— О, перестань злиться. — Она кинула ему полотенце. — Лучше поскорее вытрысь, пока не простудился.

Он снял рубашку, и Арабелла невольно залюбовалась его скульптурно вылепленным торсом.

— И все-таки говорю на будущее: что бы ни случилось, прежде всего буди меня. Ну разве трудно было постучать в дверь фургона? — Он высунул из-под полотенца голову, взъерошенный, похожий на мальчишку.

— Странно, что ты не слышал грохота, с которым упал навес, — заметила Арабелла.

Но затем она вспомнила, что Маурицио всегда крепко спал, иногда положив голову ей на грудь.

— Не слышал. Просто случайность, что я проснулся. Иначе, думаю, ты перетащила бы в дом все мешки.

Арабелла помолчала, потом нехотя произнесла:

— Знаешь, пожалуй, ты прав. Спасибо, что вовремя остановил меня.

Маурицио посмотрел на нее с любопытством.

— Значит, ты больше не сердишься на меня?

— Это было бы слишком рискованно, — сказала она, стремясь обратить их разговор в шутку. — Ты починил крышу, но осталась еще ограда с воротами... А найти сейчас хорошего строителя ой как трудно!

Он усмехнулся.

— Мое единственное честное ремесло.

— Не будь так строг к себе, — возразила она.

Арабелла думала, что Маурицио захочет что-то на это ответить, но он взял полотенце и снова начал вытираять волосы. Затем они пили горячий чай с бисквитами и молчали. Маурицио выглядел утомленным и отстраненным, и молодая женщина задумалась, не жалеет ли он, что затянул все это...

— Что случилось с тобой? — внезапно спросил он.

— О чем ты? — не поняла Арабелла, очнувшись от своих мыслей.

— Что случилось с тобой, после того как ты покинула «Кuin Элизабет»?

— Разве твои сыщики не сказали тебе?

Маурицио покачал головой.

— Они проследили тебя до французского берега, потом ты словно испарилась. Предполагаю, ты так и планировала.

— Все верно. Я знала, что ты наймешь лучших из лучших профессионалов, и горжусь, что провела их. Хотя не знаю, как мне это удалось. Видимо, мне просто сопутствовала удача.

Он удивился.

— Вот как?

Арабелла улыбнулась.

— Ну, еще я очень тщательно продумывала путь следования, нигде не останавливалась подолгу и старалась не оставлять следов. Даже машины предпочитала не брать напрокат.

— Так просто?

— Так просто, — подтвердила Арабелла.

— Вот откуда у тебя тот невероятный мотороллер на заднем дворе!

— Правильно. Я купила его за наличные деньги.

— Старые хозяева, должно быть, были нескованно рады, что избавились от него прежде, чем он развалился.

Молодая женщина с улыбкой кивнула.

— А как же гостиницы, в которых ты останавливалась?

Арабелла пожала плечами.

— Ну, я называла вместо своей фамилии моей бабушки. Я похожа на итальянку, говорю без акцента, так что ни у кого это не вызывало подозрений...

— Я считал себя хитроумным, — усмехнулся Маурицио, — но ты превзошла меня. Может, мне стоит кое-чему поучиться у тебя?

— Спасибо, но ты мне льстишь...

Их улыбки возникли и исчезли почти одновременно.

— Я все время думала, а не остановиться ли мне где-нибудь, — продолжила Арабелла. — Но нигде не чувствовала себя как дома. Поэтому все ехала и ехала...

— Пока не прибыла сюда, — докончил он за нее.

Последовала долгая напряженная пауза. Наконец Маурицио сдержанно спросил:

— Ты очень хотела убежать от меня, да?

— Да, — подтвердила она.

Он ничего на это не ответил, и она взглянула на него. В тусклом свете свечей его лицо показалось ей олицетворением невыносимой печали. Впрочем, возможно, так оно и было на самом деле.

Маурицио не пытался отвернуться и скрыть свои чувства. Просто сидел перед ней, такой ранимый, беззащитный, каким она никогда его не видела и не предполагала увидеть.

— Маурицио...

Но она не смогла продолжить. Эмоции переполняли ее, и, закрыв глаза, Арабелла почувствовала, как слезы потекли по ее щекам. Она неожиданно ощутила всю горечь потерянных лет и возможностей, которые никогда больше не представляются, утраченной любви, которая, оставшись в прошлом, поселила в душе лишь пустоту и беспросветную тоску. Если и был намек на надежду, то еле заметный. У нее будет ребенок от Маурицио, но для них двоих, похоже, уже слишком поздно.

Ей показалось, что-то ласково коснулось ее волос и знакомый голос нежно прошептал ее имя, но глаз так и не открыла. Затем она услышала, как Маурицио подошел к плите и подбросил угля.

— Теперь тебе будет тепло до утра, — сказал он. — Ложись в кровать и успокойся.

Арабелла открыла глаза и увидела, что он уже стоял около двери.

— Куда ты идешь?

— Назад, в фургон. Я надену там сухую одежду, а полотенце верну тебе завтра.

— Нет, подожди!

Она не спросила себя, где он будет спать, но ей казалось чудовищным оставить его в холода, в то время как ей будет тепло и уютно.

— Ты не можешь вернуться в фургон, — возразила Арабелла.

— Конечно, могу. Мне там хорошо.

Молодая женщина вскочила, потянулась рукой, чтобы задержать его, но внезапно почувствовала сильную слабость и головокружение. Все поплыло у нее перед глазами.

Она не была уверена, подхватил ли ее Маурицио или она уцепилась за него, но они вдруг оказались в объятиях друг друга. И Арабелла испугалась: теперь он все узнает! Она замерла, ожидая его вопросов и чувствуя себя загнанной в угол, пойманной в ловушку.

Но Маурицио лишь заботливо произнес:

— Ты, видимо, перенервничала этой ночью и порядком устала. Чем я могу тебе помочь?

— Ничем. Мне уже гораздо лучше, — медленно произнесла Арабелла.

— Тогда пойдем в спальню.

Поддерживая ее, Маурицио помог молодой женщине дойти до кровати, уложил ее, а затем бережно накрыл одеялом.

— Тебе хорошо?

— Да. Спасибо, Маурицио.

— Не за что. Засыпай, завтра снова предстоит тяжелый день. Спокойной ночи.

Он тихо закрыл за собой дверь, а потом запер снаружи. В случае чего она могла выйти через черный ход.

Молодую женщину окружили темнота и тишина. Она вызвала в памяти выражение глаз Маурицио в тот миг, когда он подхватил ее, и попыталась догадаться о его мыслях и чувствах.

Но он ничем их не выдал. Маурицио словно отстранился, давая ей полную свободу действий, как она того и желала.

Арабелла думала, что знает его досконально. А теперь спрашивала себя, знает ли его вообще...

В течение последующих дней молодая женщина обнаружила, что его отстраненность не была показной. Маурицио вел себя так, будто они действительно были лишь друзьями, которых не связывала в прошлом настоящая любовь. Он спал в фургоне при любой погоде, не был назойлив и не говорил о своих чувствах.

Всем своим поведением Маурицио давал понять, что этот дом ему не нужен. Он словно собирался привести его в порядок и предложить ей пожить в нем сколько угодно.

Когда крыша была восстановлена, Арабелла принялась отчищать от сажи полы и стены в других комнатах...

Однажды Маурицио отсутствовал целый день, а вернувшись, показал ей портативный электрогенератор и пылесос.

— Я съездил в соседний городок, чтобы купить их, — сказал он. — Мне повезло: генератор был последний. Он не большой, зато мощный. От него вполне может работать пылесос. Теперь ты не будешь напоминать трубочиста.

Арабелла сдула непослушную прядь волос со лба, но она снова упала назад. Маурицио усмехнулся и поправил ее.

— А как насчет ужина?

— Я не знала, когда ты вернешься, и ничего не приготовила.

— Чудесно! Значит, ты не оставила мысль уморить меня с голоду!

— О, прекрати смешить меня! — воскликнула она. — Сейчас я сделаю бифштексы!

С тех пор Арабелле стало намного легче. По вечерам они уже не зажигали свечи, хотя по-прежнему топили плиту, чтобы нагреть комнаты и приготовить еду.

— Ты можешь спать здесь, — сказала она, когда вторая комната была приведена в порядок. — Все же тут лучше, чем в фургоне.

Маурицио подумал немного и согласился. На следующий день он привез железную кровать.

— Поддержанная, но с новым матрасом. Точно такая же была у моих родителей, — сообщил он с гордостью.

— Она очень узкая, — с сомнением сказала Арабелла.

— Люди, которые живут в маленьких домах, должны покупать компактную мебель, иначе им негде будет шагу ступить.

Но, видимо, за пятнадцать лет Маурицио достаточно привык к комфорту и в первую же ночь три раза падал с кровати, когда пытался повернуться. После этого он положил матрас на пол, а на кровать клал все, чему не мог пока найти место.

Юмор помогал им жить, протягивая хрупкий мостик между ними. Но тем не менее они понимали, что так не будет длиться вечно...

Как-то вечером они сидели в кухне, слушая транзистор, и смеялись над планами Маурицио восстановить «родовое поместье».

— Знаешь, когда чинил крышу, я нашел на чердаке детскую коляску, — сказал он словно бы невзначай. — И теперь ума не приложу, что с ней делать. Как думаешь, она может пригодиться?

Маурицио выжидательно посмотрел на молодую женщину. И она, застигнутая вопросом врасплох, растерянно пожала плечами.

— Мой отец хранил ее, — продолжил он. — На тот случай, если родится еще один ребенок. Но этого не произошло. Мама умерла, когда мне было десять.

— Да, я помню, ты рассказывал мне об этом. — Арабелла задумалась. — Должно быть, тебе было одиноко без нее.

— Отец пытался заменить мне ее, но у него это плохо получалось. — Маурицио печально улыбнулся. — Франческо Скальди, местный великан, все в округе боялись его... Но в душе он был мягким, сначала о нем заботилась мама, потом я...

— Ты очень любил его? — осторожно спросила Арабелла.

— Да. Мы были близки. Но, как я теперь понимаю, лишь потому, что он так и остался большим ребенком. Трудно поверить, но за огромной физической силой скрывалась душевная слабость...

Арабелла смотрела на Маурицио затаив дыхание от охватившего ее тревожного предчувствия. Что-то непонятное витало в воздухе.

— Продолжай, — прошептала она.

— Отец никак не желал избавиться от этой коляски. Однажды даже заявил, что моя жена будет довольна ею. Я не смог сказать ему, что коляска годится лишь для свалки. Надежда увидеть внука грела ему душу. Но как-то он возвращался поздно ночью от приятелей слегка навеселе и упал в каменный карьер. Отец умер на следующий день. Мне было шестнадцать...

Маурицио раньше неохотно рассказывал ей о своих родителях. И теперь Арабелле хотелось найти правильные слова, чтобы побудить его говорить дальше. Но прежде чем ей это удалось, он спросил:

— Я никогда не расспрашивал тебя о родах... Постоянно думал об этом, но не отваживался...

— Роды были преждевременными, — сказала Арабелла, решив, что от него, отца несчастной малышки, не имеет права скрывать правду.

— Тебе, наверное, трудно говорить об этом. Ты, должно быть, сильно страдала, да?

— Все произошло очень быстро. Она родилась маленькой, недоношенной... Это после родов мне стало совсем плохо. Я так хотела увидеть тебя и не понимала, почему ты не приходишь...

— Но теперь ты знаешь, что произошло на самом деле, — сказал Маурицио, понурившись.

— Да, знаю, — вздохнула Арабелла. — Жаль, что так поздно.

— А тогда Карлотта заявила ко мне в полицейский участок и сказала, что девочка родилась мертвой, ты винишь меня во всем случившемся и не хочешь больше видеть. Следовательно, мне надо раз и навсегда забыть о нашем «совместном будущем»...

— Моя мать сказала тебе, что наша девочка родилась мертвой? — Арабелла потрясенно уставилась на него.

— Да...

— Но нашу дочь поместили в кувез и она прожила еще несколько часов, — прошептала

молодая женщина. — Я видела ее, крошечную, подключенную к аппаратам, всю в проводах. Это выглядело ужасно. Врачи и медсестры боролись за ее жизнь, но все оказалось бесполезно.

— Ты держала ее на руках?

— Да, но только когда малышка умерла. А до этого она должна была находиться в кувезе. Я поцеловала дочку и сказала, что мама и пapa любят ее и всегда будут с нею... — Голос Арабеллы дрогнул, на глаза навернулись слезы.

— Ты все это помнишь?

— Да, тогда я еще находилась в здравом уме. Депрессия началась несколько часов спустя. Я звала тебя, а мать отвечала, что никому не известно, куда ты делся.

Маурицио в гневе сжал кулаки, но промолчал.

— Дочь умерла, ты меня бросил... — Арабелла говорила все это глухим, безжизненным голосом, заново переживая трагические события прошлого. — Неожиданно словно черное облако окутало меня. Я почувствовала себя обессиленной, задыхающейся, испуганной. Окружающий меня мир показался мне полным ужаса. Так продолжалось изо дня в день без надежды найти избавление, обрести покой...

Она провела рукой по глазам.

— Возможно, мое подавленное состояние спровоцировала смерть ребенка. Но если бы ты был рядом, этого скорее всего не случилось бы. Или же я поправилась бы быстрее.

— Все так и было бы, если бы твоя мать обманом не разлучила нас, — сказал Маурицио. — Она заставила нас страдать... и получила по заслугам.

Арабелла кивнула.

— Думаю, мать полагала, что с легкостью вернет меня. Но ситуация вышла из-под ее контроля, и ей пришлось лгать все больше и больше, чтобы обелить себя... Или, может, убедить, что поступила правильно.

Маурицио недоуменно взглянул на нее.

— Ты пытаешься оправдать ее?

— Вряд ли это возможно, — горько усмехнулась Арабелла. — Но я не думаю, что она изначально была плохой. Просто очень сильно любила меня и не желала ни с кем мной делиться. А ведь у каждого своя жизнь...

— Ты когда-нибудь говорила с ней об этом? — спросил Маурицио.

— Да, однажды попыталась. Мы ужасно поссорились, и в итоге я сказала, что это она повинна в смерти моего ребенка.

— И что твоя мать ответила?

— Ничего. Только побледнела как полотно. А месяц спустя у нее случился обширный инфаркт. Ей только-только исполнилось сорок, но врачи ничего не смогли сделать.

— Я не сожалею о ней, — с ожесточением произнес Маурицио. — Я никогда не прощу Карлотту!

— Знаю. Но мне жаль ее. Мать навредила не только нам, но и себе. Но пока и я не могу простить ее...

Арабелла замолчала, затем как-то робко и нерешительно посмотрела на Маурицио. Он перехватил ее взгляд и спросил:

— Что? Что еще?

— Я ждала, когда смогу сказать тебе это. Ждала удобного момента, — еле слышно произнесла Арабелла. — И сейчас, по-моему, он наступил...

Она замолчала, понимая, что обратного пути нет, но все же не решаясь продолжить.

Маурицио взял ее за руки.

— Доверься мне, Арабелла, — попросил он. — Независимо от того, что ты хочешь мне

сказать, сейчас самое время, я чувствую это.

— Да, — сказала Арабелла, собираясь с духом. — Ты должен это знать, Маурицио. Но прежде ответь: возвращался ли ты когда-либо в Каренну?

— Нет, — сказал он, ни секунды не медля.

— Я тоже... до недавнего времени.

Арабелла остановилась снова и спросила себя, разумно ли поступает. Она уже пережила эту боль, но стоит ли обрушивать неожиданное признание на человека, которому и так плохо от только что услышанного?

— Продолжай, — подбодрил ее Маурицио, видя ее колебания.

— Я всегда думала, что не осталось даже могилы нашей крошки... Во всяком случае, мать сказала, что, обеспокоенная состоянием моего здоровья, поручила кому-то из посторонних заняться похоронами... И... и найти место ее погребения просто не представляется возможным... — Арабелла перевела дыхание и выпалила: — Но это не так!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Маурицио.

— Она там, на кладбище в Каренне. Ее похоронили с соблюдением всех церковных обрядов.

— Но почему тебе ничего этого не сказали?

— Видимо, так распорядилась моя мать, — сказала Арабелла. — У нее не хватило духу обойтись со своей внучкой, как с бездомным котенком. Во время моего недавнего посещения Каренны я случайно разговорилась с тамошним священником. И что-то вдруг побудило меня попросить его показать мне книгу записей о похоронах тех лет. Священник вошел в мое положение и даже помог найти запись о погребении нашей дочери. Хотя это оказалось нелегко.

— И Карлотте все это было известно? — спросил Маурицио.

— Да, — кивнула Арабелла. — Но она хотела притвориться, будто нашей дочери никогда не существовало на свете. И еще она очень хотела, чтобы я забыла о ней. Даже попросила написать на могильном камне «Мария Патти». Так звали прабабушку нашей малышки.

— Что?!

— Да, — сказала Арабелла, — только знакомое имя и помогло мне найти могилу.

Маурицио вскочил и заметался по комнате словно разъяренный тигр, мотая головой, как животное от сильной боли. Арабелла никогда не видела такого безумного выражения на его лице.

Наконец он остановился и ударил кулаком в стену. Раздался оглушительный звук. Дому повезло, что он был построен на совесть. Но ничто не могло смягчить ни гнева, ни страданий Маурицио.

— Боже! — повторял он. — Боже! Боже!

Вне себя от жалости к нему, Арабелла бросилась к Маурицио и обняла изо всех сил. Но он не прекращал бить кулаком в стену, свободной рукой обхватив молодую женщину, которая не переставала повторять:

— Маурицио, ну пожалуйста, успокойся... Ну пожалуйста... — Но она не была уверена, что он слышит ее.

Наконец он обессиленно уронил руку, дрожа всем телом от душевной муки. Арабелла стояла, приникнув головой к его плечу, и плакала. Она могла вынести собственную боль, но его боль разрывала ее сердце на части.

Маурицио повернулся к ней и хрипло произнес:

— Обними меня или я сойду с ума! Обними покрепче, Арабелла. Мне еще никогда не было

так плохо!..

Он почти упал на нее. Исчерпал себя в своем неутешном горе, и во всем мире осталась лишь Арабелла, способная спасти его.

Она заключила Маурицио в объятия и решила, что не оставит его одного. Ибо он сейчас находился в том же самом состоянии, в каком она пребывала после смерти дочери.

Арабелла помогла ему добраться до стула, и он почти упал на него. Его остановившийся взгляд был обращен внутрь себя и полон ужаса, словно Маурицио увидел там только бесконечную пустоту.

Его правая рука оказалась разбита в кровь. Арабелла принесла миску с водой, бинт и антисептик. Затем мягко взяла его кисть, ощущив, как это легкое прикосновение заставило Маурицио вздрогнуть. Слезы навернулись ей на глаза от вида его страданий.

Арабелла опустилась на колени около него так, чтобы было удобнее промыть и перевязать кровоточащую рану. Маурицио безучастно наблюдал за ее действиями.

— Как она выглядит? — неожиданно спросил он.

— Что, любимый? — Слова вырвались сами собой.

— Ее могила...

— Небольшая, очень простой камень с именем и датами рождения и смерти.

— И никого из родных не было на ее похоронах, — пробормотал он, качая головой. — Бедная маленькая девочка.

— Я была рада, когда узнала, что она умерла крещеной и ее похоронили надлежащим образом. Думала, что и у тебя станет спокойнее на душе, когда я скажу тебе это, — произнесла Арабелла.

— Если бы я знал, то часто навещал бы нашу дочь...

Маурицио был итальянцем с присущим им отношением к умершим родственникам. Могилы детей посещали регулярно, с цветами и подарками ко дню рождения, потому что даже умерший ребенок как бы продолжал оставаться членом семьи. Для Маурицио совершенно немыслимо было думать, что его дочь лежит на кладбище и никто не приходил к ней в течение долгих лет.

Словно прочитав его мысли, Арабелла сказала:

— Возможно, настало время, чтобы родители посетили ее вместе.

Маурицио не мог говорить. Только кивнул.

— Но прежде нужно показать твою руку врачу.

— Пустяки, — раздраженно отмахнулся он.

— Я только промыла рану. А вдруг ты повредил сухожилие или сломал кость? — не сдавалась Арабелла.

— Ерунда, я никогда ничего не ломал!

— О да, в этом весь ты, — мягко сказала она. — А теперь тебе надо лечь.

Помедлив секунду, Маурицио кивнул и позволил ей отвести его к кровати. Рука сильно болела, и он смог раздеться только с помощью Арабеллы. Но когда она снова заговорила о враче, опять отмахнулся:

— Завтра все будет в порядке.

Но на следующий день рука сильно распухла и причиняла нестерпимую боль. Однако Маурицио упрямо заявил, что не собирается тратить время на врачей. Для него явно не имело значения ничего, кроме поездки в Каренну.

— Мы не можем ехать в фургоне, — заметила Арабелла. — Где твоя машина?

— В деревне. В гараже у мужчины, который дал мне свой фургон.

— Учти, за руль сяду я, — сказала молодая женщина, однако она явно забыла, с кем имеет

дело.

— Ни в коем случае!

Но Маурицио оставил эту затею после первой же мили, и Арабелла повела дребезжащее транспортное средство по направлению к деревне. Таким образом, Маурицио оказался в ее власти. И несмотря на все его указания, молодая женщина затормозила у местной больницы.

— А теперь вылезай! — скомандовала она.

— Арабелла, я не хочу...

На этот раз она вышла из себя.

— А кто спрашивает, чего ты хочешь? Маурицио, все очень просто. Я единственный человек, который может вести машину в настоящее время. А я никуда не пойду, пока твою руку не осмотрит хирург!

— Это — шантаж!

— Да. И что?

— Ты перестраховываешься!

— Прекрасно, пусть доктор скажет мне об этом.

Но хирург не сказал ничего подобного. Потребовалось совсем немного времени, чтобы установить, что у Маурицио сломана кость.

— Хорошо, что вы приехали вовремя, синьор, — сказал врач, накладывая на руку гипс. — Иначе кость могла срастись неправильно. Возьмите болеутоляющие, две таблетки помогут вам заснуть ночью. Надеюсь, вы не планируете заниматься тяжелой работой сегодня?

— Нет, — быстро сказала Арабелла. — Мы думали о поездке, но теперь отложим ее до завтра.

Маурицио молча кивнул. Он выглядел измученным, и, похоже, это было связано с поврежденной рукой. Силы словно оставили его. Он даже согласился подождать в приемной хирурга, пока Арабелла возвращала фургон и забирала его автомобиль.

Они вернулись домой уже в сумерках. Арабелла подготовила ужин, но Маурицио отказался есть, сославшись на отсутствие аппетита.

— Тогда иди спать, — мягко сказала она. — Будет лучше, если ты ляжешь на кровати, а я на матрасе.

Но он так энергично замотал головой, что Арабелла не стала спорить. Она отвела его в комнату и уложила, как мать больного ребенка. Маурицио благодарно коснулся ее руки.

— Спасибо, за все.

Арабелла сжала его здоровую руку, поцеловала и поспешила уйти.

Они выехали рано утром. Дорогой автомобиль плавно катил по ровной дороге, пожирая милю за мией на пути в Каренну...

Для этой поездки они сняли джинсы и свитера, в которых холили дома, и сменили их: он — на классический, хорошо сшитый костюм, она — на узкую юбку и твидовый пиджак. Словом, оба снова стали выглядеть хорошо обеспеченными, стильно одетыми людьми, которых можно встретить в роскошных гостиных особняков по всему свету. Вот только Маурицио сильно изменился. Он словно постарел за один вечер лет на десять.

Сядь за руль, Арабелла ободряюще коснулась его плеча, и он улыбнулся ей, но затем снова ушел в себя. Она могла только догадываться о силе его переживаний...

Они въехали в Каренну в полдень. Городок вырос, но мало изменился с тех пор, как они были здесь в последний раз вместе.

Через несколько минут они остановились около небольшой церкви, где когда-то собирались обвенчаться. Припарковав машину, Арабелла поглядела на Маурицио

вопросительно.

Он молча кивнул, и они вышли из автомобиля...

Нужная им могила находилась в конце длинной аллеи, у самой стены кладбища. Маленькая плита с надписью «Мария Патти» и двумя датами.

Маурицио встал на колени, наклонился вперед, всматриваясь в слова и буквы, потом положил свою большую, сильную ладонь на холодный серый камень. Арабелла опустилась около него.

— Она, должно быть, была совсем крошечной, — сдавленно произнес Маурицио.

— Да. Она могла бы уместиться на твоей согнутой руке.

Маурицио закрыл глаза. Арабелла почувствовала, что он дрожит, и ее сердце чуть не разорвалось от жалости. Она ждала, когда он повернется к ней или заговорит.

Минута шла за минутой. Но Маурицио не двигался и не открывал глаз. Тогда она тихо встала и ушла, чтобы не мешать отцу побыть наедине с дочерью...

Небольшая церковь была пуста. Арабелла толкнула приоткрытую дверь и вошла. В тишине ее шаги звучали очень громко и отчетливо. Она пожалела, что отца Серджио нет на месте. Ей был глубоко симпатичен этот старый, умудренный жизненным опытом, все понимающий человек с добрыми глазами.

Когда Арабелла зажигала свечу перед изображением мадонны с младенцем, к ней подошел Маурицио.

— Спасибо, что оставила меня с ней, — прошептал он.

Они медленно вышли на улицу и невольно зажмурились. Было уже нежарко, и солнце светило неярко, но после церковного полумрака все равно ослепляло. Маурицио первым увидел, как кто-то, идя навстречу, приветливо машет им рукой.

— О, это отец Серджио, — радостно улыбнувшись, сказала Арабелла.

Священник подошел ближе и поприветствовал их.

— Сожалею, что меня не было, когда вы приехали, — произнес он. — Приходится заниматься финансами, а я, к несчастью, в них всегда плохо разбирался. — Он улыбнулся молодой женщине. — Рад снова видеть вас. Хорошо, что вы не забываете дочку.

— А это ее отец, синьор Маурицио Скальди, — представила Арабелла своего спутника.

— Приятно познакомиться, — сказал священник. — Я так и чувствовал, что когда-нибудь вы приедете.

Маурицио кивнул.

— Знаете, — заметил он, — у меня такое ощущение, словно я общался с ней. Как думаете, такое возможно? Она знает, что я здесь?

— Конечно, — ответил отец Серджио. — Невинный младенец, попав на небеса, становится ангелом и взирает на нас сверху. Для него уже нет тайн в нашем грешном мире, и он читает в наших сердцах как в открытой книге.

— Спасибо вам за эти слова, святой отец, — сказал Маурицио.

У него неожиданно стало легче на душе, и он посмотрел вокруг себя просветленным взглядом.

— А что это вы говорили о каких-то финансовых проблемах? — вдруг вспомнил он.

— О, в нашем городе существует больница, которая была построена более ста пятидесяти лет назад, — принялся объяснять отец Серджио. — В прошлом году городские власти собрались ее расширить, закупить новое оборудование, но на все это, как выяснилось чуть позже, выделенных денег не хватает. Тогда мы решили силами прихода собрать часть средств — на модернизацию родильного отделения и палаты для новорожденных, которым требуется специальный медицинский уход.

И видимо, тоже не рассчитали своих возможностей, — понимающе улыбнулся Маурицио.

— Увы, да, — со вздохом ответил священник, разводя руками.

— И сколько же вам нужно?

Отец Серджио назвал довольно крупную сумму.

— Я обратился за ссудой в банк. Но им требуются гарантии. Вот я и думаю, как поступить в подобной ситуации, к кому обратиться за помощью или хотя бы за советом.

— Считайте, что уже нашли, — твердо произнес Маурицио.

— Но я не совсем понимаю вас, синьор Скальди, — растерянно произнес священник. — Вы хотите сказать, что выступите гарантом…

— Нет, все гораздо проще, — перебил его Маурицио. — Я дам вам денег, причем без процентов и обязательств их вернуть.

Отец Серджио посмотрел на него с сомнением. Но Маурицио уже вынул из кармана мобильный и набрал номер Сильваны. Объяснив ей ситуацию, он спросил, сколько времени займет перечисление требуемой суммы. Выслушав ответ, довольно кивнул и обратился к священнику:

— Святой отец, вы можете называть счет, по которому следует перечислить деньги?

Отец Серджио кивнул и поспешил продиктовать нужные реквизиты.

Маурицио четко и медленно повторил их Сильване и, поблагодарив, отключил телефон.

— Но почему… почему вы это делаете? — с волнением в голосе спросил потрясенный священник.

— В память о моей дочери, — ответил Маурицио.

— Огромное вам спасибо. Как это щедро с вашей стороны…

Маурицио покачал головой, прерывая благодарность священника.

— Не стоит. Сообщите мне, если вам что-то понадобится еще, — сказал он, вручая отцу Серджио визитную карточку. — Здесь адрес моего офиса в Риме. По этому номеру вас соединят с моим помощником, и она найдет меня в любое время.

Затем мужчины тепло попрощались. И Маурицио обратил внимание на Арабеллу, с задумчивым видом стоящую чуть поодаль.

— Ты уже готова ехать обратно? — спросил он ее.

Молодая женщина кивнула…

Она молча сидела в машине, и никто бы не сказал, что в ее душе идет жестокая борьба. С одной стороны, Арабелла хотела поблагодарить Маурицио за благородный поступок. Но, с другой — она сомневалась, что стоит это делать. То, что Маурицио сделал, было совершено в память их дочери, но совершено им в одиночку, способом, который исключал ее участие.

Только теперь Арабелла поняла, сколько надежд связывала с этой поездкой, как рассчитывала, что та позволит ей понять, что происходит в сердце Маурицио. А в итоге сомнений лишь прибавилось. Почему? — спрашивала она себя. Почему так получилось?..

Дом по сравнению глухой тишиной и непроглядной темнотой ночи показался им на редкость теплым и приветливым. Они поспешили войти и занялись домашними хлопотами, словно в них можно было найти спасение.

Маурицио не разговаривал за едой, только поблагодарил Арабеллу. Когда она взглянула на его лицо, то оно показалось ей не просто лишенным эмоций, а словно бы высеченным из бесстрастного камня. А ведь раньше он всегда смотрел на нее так, словно искал повод заговорить.

Неужели отныне мне суждено жить без Маурицио? — горестно размышляла она, сидя в своей комнате. Он выбрал свой путь, который отличается от моего? Если так, то, значит, Маурицио решил, что больше не нуждается во мне. Он оплачет прошлое, и с этого момента

наши дороги вновь разойдутся, теперь уже навсегда.

Хорошо, что моя любовь к нему умерла и больше уже ничто не причинит мне такой боли, какую я ощутила однажды, сказала себе Арабелла и попробовала в это поверить... как вдруг услышала сдавленный стон.

Сначала она не смогла сообразить, в чем дело, и замерла, прислушиваясь. Через секунду стон повторился, потом снова и снова. Без сомнения, он исходил из кухни. Арабелла вскочила и побежала туда.

Маурицио сидел там, где она оставила его, руки лежали на столе. На них он опустил голову и стонал как смертельно раненный зверь.

Арабелла в ужасе уставилась на него. Создавалось впечатление, что он полностью утратил контроль над собой.

— Маурицио...

Он выпрямился, здоровой рукой провел по лицу, но стонать не прекратил.

Это было невыносимо видеть. Арабелла решила было, что он бесчувственный, потому что Маурицио никогда не говорил и ничем не выражал свои эмоции. Но то, чему она стала свидетелем сейчас, опровергало ее прежние умозаключения. Трудно было представить человека, который страдал бы сильнее, чем Маурицио Скальди.

— Дорогой... — прошептала она, склоняясь к нему.

Он тут же обнял Арабеллу и спрятал свое лицо на ее груди. Он цеплялся за нее, словно ничто иное в мире не могло заставить его ощутить себя в безопасности.

Арабелла ужаснулась, когда, рассказав ему о подробностях смерти дочери, увидела, как Маурицио в порыве отчаяния пытается пробить кулаком стену. Но сейчас все было во сто крат страшнее. Сейчас Маурицио разрушал самого себя страданием, доведенным до абсолюта.

— Маурицио, Маурицио...

Ей хотелось сказать ему миллион ласковых, утешительных слов, но она только шептала его имя снова и снова и сжимала его в объятиях, чувствуя, как содрогаются его плечи от рыданий, которые он сдерживал пятнадцать неимоверно долгих лет...

Наконец Маурицио стал успокаиваться. Дрожь все еще била его, но уже тише и тише.

— Не знаю, что случилось со мной, — хрипло произнес он, словно извиняясь. — Сначала яправлялся с собой, а потом словно попал в ад.

— Так было и со мной. Нет никакого средства против этого. Ты будешь страдать, но постепенно боль утихнет.

— Утихнет? — спросил он с надеждой.

— В конце концов да, — ответила Арабелла. — Но тебе придется набраться терпения.

— Я не могу оставаться один, — признался он.

— Я здесь. Ты не один.

Маурицио поднял на нее измученные глаза.

— Я был один, когда ты уехала.

Арабелла заключила его лицо в ладони и поцеловала.

— Тогда я больше никуда не уеду.

Сначала он никак не отреагировал на ее слова. Затем покачал головой.

— Ты так не думаешь.

— Нет, — возразила она, — именно так я думаю, чувствую и говорю. Я не могу оставить тебя, Маурицио, потому что люблю тебя, всегда любила и буду любить. Мы принадлежим друг другу.

Очень медленно он чуть отстранился от нее и бережно положил левую руку на ее живот. Затем вопросительно посмотрел на молодую женщину.

— Да, — сказала Арабелла. — Это правда.

Тогда Маурицио прижался лбом к ее животу и облегченно вздохнул. Он больше не дрожал, словно наконец обрел мир и покой в своей душе.

Когда Арабелла взяла его за руку, он последовал за ней в спальню, не протестуя.

Как только первый луч солнца проник через окно, Маурицио мягко произнес:

— Я думал, ты никогда не соберешься сказать мне, что беременна.

— Как давно ты догадался?

— Почти сразу. Ты была такой же, как тогда, — ласково ответил он.

— Ты помнишь это?

— Я помню все, что связано с тобой, с первого момента нашей встречи...

Они провели всю эту ночь в объятиях друг друга — и даже сломанная рука Маурицио им нисколько не помешала, — иногда разговаривая, но главным образом в молчании, находя радость во взаимной близости. Минуты превращались в часы, Арабелла чувствовала, как ее сердце трепещет, возрождаясь к новой жизни, где будут только радость и счастье. Она знала, что то же самое происходит и с Маурицио.

— Не найдя счастья в браке с Надин, я подумал, что ребенок послужит мне утешением. Но Бог не дал нам его. И я благодарю Его за это сейчас, — сказал он. — Потому, что почти сразу же после развода я вспомнил о тебе. Но за столько лет многое изменилось, все слишком запуталось. Да и я стал совсем другим человеком...

— Да, — тихо произнесла Арабелла, — я поняла это, едва увидев тебя.

— Когда мы были молоды, казалось так просто сказать: я люблю тебя. Ничего, кроме любви, тогда не имело значения, — продолжил Маурицио. — Но когда мы встретились снова, появилось очень много других вещей, которые выглядели важными. Положение в обществе, уязвленная гордость, желание отомстить... Ведь я еще не знал всей правды о случившемся пятнадцать лет назад.

— Я, к сожалению, тоже, — вздохнула Арабелла. — Иначе не стала бы так мучить тебя.

— Сильvana как-то сказала, что я верю только тому, чему хочу верить. И она была права...

Маурицио испытывал вполне объяснимую потребность выговориться, чтобы между ними не осталось недосказанности, хотя прекрасная молодая женщина, положившая голову на его плечо, вызывала сильное желание отбросить слова и заняться чем-то гораздо более приятным. Но он знал, что чем быстрее они покончат с прошлым, тем скорее для них настанет сияющее завтра. И поэтому продолжал говорить:

— И я бросил все силы на поиски тебя, чтобы, получив то, что желаю — ребенка от тебя, — смог бы продолжить привычное существование. О твоих чувствах, скажу честно, я не задумывался, полагая, что не должен щадить женщину, предавшую нашу любовь... Но когда я увидел тебя, то понял правду, которую упрямо отказывался признать все эти долгие годы.

— И какой же была эта правда? — спросила Арабелла, затаив дыхание.

— Что я не прекращал любить тебя все это время, что жизнь без тебя была для меня пустыней. Что свое сердце я заковал в стальную броню, чтобы ничто не могло заставить его биться быстрее или же ранить его...

— Бедный мой, — прошептала Арабелла, целуя его. — Если бы я знала!..

Маурицио не мог преодолеть соблазна и ответил ей тем же. Но, собрав все силы, заставил себя ограничиться поцелуем и продолжил свою исповедь:

— Мне казалось, что я все просчитал, все тщательно спланировал. Но когда увидел тебя в доме Бриджеса, то ужасно занервничал. Ты вошла с Роном в гостиную, такая красивая, такая далекая, такая холодная, что я не знал, как себя вести, что сказать тебе. Ты улыбнулась мне, протянула руку, но,казалось, не узнала меня... И тогда я решил поступить с тобой, как с другими людьми, от которых мне что-то нужно... Но опять ошибся. Ты с презрением отвергла

мой дорогой подарок, показав, что, несмотря на видимость, осталась прежней, моей Абби...

— Но тем не менее ты не сдался, не отступил, решил настоять на своем, — сказала Арабелла, улыбаясь. — Как это сделал бы мой Маурицио...

— Да, твой. Я всегда был твоим. Но когда ты оставила меня там, в «Куин Элизабет», а потом лучшие детективы не смогли найти тебя, я потерял всякую надежду...

— И когда же ты понял, что еще не все потеряно? — спросила Арабелла.

— Когда словно помимо воли оказался здесь, в месте, где мы были когда-то так счастливы!.. Впрочем, поначалу я растерялся, увидев тебя, и даже не смел надеяться, что у меня есть шанс.

Маурицио приподнялся на локте, вглядываясь в ее лицо, освещенное розоватым светом раннего утра.

— А все-таки у меня есть шанс? — спросил он.

— Да, если ты захочешь, — улыбнулась в ответ Арабелла. — Если мы захотим...

— Мне не нужен никто в мире, кроме тебя! — счастливо воскликнул Маурицио.

— А ребенок? — тут же обеспокоенно напомнила ему Арабелла.

— С ребенком ты мне только дороже. Но он как премия к тому, что уже есть и что мне бесконечно дорого...

И она поверила ему, поверила всем сердцем. Словно поняв это, Маурицио успокоенно вздохнул и закрыл глаза, не разжимая объятий.

Он уснул, хотя солнце уже заняло свое место на небосклоне и начинало подниматься все выше. Напряжение предыдущих дней полностью лишило его сил. Жизнь вдали от любимой женщины подспудно изматывала его, хотя Маурицио этого и не осознавал, а теперь все наконец-то было так, как и должно быть.

Арабелла с любовью смотрела на него. Отныне они оба освободились от оков прошлого и могли безбоязненно смотреть вперед. Молодая женщина неосознанно перевела взгляд на окно и увидела, что на солнце набежала туча и пошел дождь.

Она слышала поначалу лишь слабое и редкое постукивание капель по крыше. Но постепенно их дробный ритм все убыстрялся. И вскоре показалось, будто разверзлись хляби небесные. Но это ничуть не испортило настроения молодой женщины...

Дождь продолжался несколько дней, и в течение этого времени они не покидали спальни. Иногда разговаривали, но чаще просто лежали в объятиях друг друга, не испытывая потребности в словах.

Они занимались любовью то трепетно и нежно, то страстно и неистово. Но гораздо больше физического удовольствия им доставляло удовлетворение то возвышенное чувство, которое зовется истинной любовью. Именно ее они обрели вновь.

Маурицио сжал Арабеллу в объятиях, шепча:

— Абби... моя Абби...

— Никто, кроме тебя, не зовет меня так, — счастливо улыбалась она в ответ. — Как чудесно слышать это...

А дождь все стучал и стучал по крыше, и Арабелле казалось, что потоки воды, падающие с небес на их домик, уносят с собой боль и горечь прошедших лет. Когда снова распогодилось, они наконец-то вышли наружу и увидели чисто вымытый, обновленный мир вокруг...

— Пора готовить завтрак, — заявила Арабелла.

Скоро они скажут друг другу совсем другие слова, но сейчас ей хотелось думать только о маленьких прозаических вещах и продлить это сказочно очаровательное время как можно дольше.

— Действительно, пора, — согласился Маурицио и направился в кухню, чтобы помочь Арабелле. Но из-за гипса на руке у него это плохо получалось.

— Но ничего, скоро придет время, когда эту штуковину снимут и я снова почувствую себя полноценным мужчиной, — заявил он. — Если бы не твой шантаж, я бы орудовал обеими руками.

— Иногда шантаж просто необходим, — засмеялась Арабелла. — В противном случае у меня сейчас был бы мужчина с кривым пальцем...

Следующим утром она медленно открыла глаза и увидела, что в доме натоплено, а Маурицио рядом нет. Одевшись и приготовив завтрак, она вышла и обнаружила его возле груды камней, которые некогда были опорой для ворот. Маурицио зябко ежился, потому что на улице заметно похолодало.

Улыбаясь, Арабелла пошла к нему и обняла за плечи, чтобы согреть.

— Чудесно, — зажмурился он, а когда она потеряла бдительность, сунул холодные пальцы здоровой руки ей за воротник свитера.

Арабелла взвизгнула.

— Извини, — улыбнулся Маурицио. — Но это показалось мне таким соблазнительным!

— Пока ты тут стоишь и созерцаешь то, что так и не сделал, — шутливо нахмутившись, произнесла она, — кофе на столестынет.

— Горячий кофе — это то, что сейчас нужно! — воскликнул Маурицио и тут же заботливо спросил: — Как ты себя чувствуешь? Снова тошило?

— Да, немного. Но все уже прошло.

— Но тебя что-то тревожит, да?

— То же, что и тебя, — сказала она и посмотрела ему в глаза. — Мне не по себе последние несколько дней. Скоро придет зима и станет намного холоднее... нам придется уехать отсюда.

— Да, — с сожалением согласился Маурицио. — Но так будет лучше для тебя и для нашего ребенка.

— Что ты предложишь?

— Ничего, — быстро сказал он. — Решать тебе...

Так, разговаривая, они вернулись в теплую кухню и сели за стол.

— О, это что-то новенькое, — улыбнулась Арабелла, наливая ему кофе и кладя сахару столько, сколько он любит.

— Конечно, у меня возникла одна идея, — признался Маурицио. — Но если она тебе не понравится...

— Не томи меня! — поторопила его Арабелла. — В моем положении вредно нервничать.

Ее губы дрогнули в лукавой усмешке.

— Я только попросил экономку в Риме приготовить дом на случай моего возвращения.

— Очень разумно. Ты же не знаешь, что мне взбредет в голову! — игриво заявила Арабелла.

— Конечно, ты можешь выгнать меня и остаться здесь. Или возвратиться в Англию, — в тон ей ответил Маурицио.

— А если я предложу тебе поехать со мной?

— С тобой — куда угодно! — уже вполне серьезно ответил он.

— Но у меня нет дома в Англии, — со вздохом сказала Арабелла. — И тебе это хорошо известно. А жить в гостинице с ребенком, согласись, довольно странно.

— Тогда остается единственный выход... Правда, мой дом никогда не выглядел уютным семейным гнездышком. Но ты могла бы сделать его таким...

— Давай лучше сделаем это вместе, — предложила она.

Они начали готовиться к отъезду сразу после завтрака. На это не потребовалось много времени. Маурицио затушил огонь в плите, Арабелла собрала остатки продуктов и раскидала их птицам. Затем он помог ей надеть теплую куртку и оглянулся вокруг — посмотреть, не забыли ли они чего.

— Минутку. Я хочу...

Арабелла не договорила, но он и так понял, что она имеет в виду.

Они не спеша прошлись по дому. Вот спальня, где они лежали обнявшись. Вот кухня, где они готовили еду, ели, говорили и спорили. Маурицио держал Арабеллу за руку и иногда ласково сжимал ее, давая понять, что испытываемые ими чувства одинаковы.

— Мы были счастливы здесь, — прошептала молодая женщина.

— Да, оба раза.

— Мы вернемся, не так ли?

— Когда захотим.

— Тогда нам пора отправляться.

С немногими вещами, уложенными в автомобиль, они добрались до деревни. Затем Маурицио решительно свернул на дорогу, ведущую в Каренну.

— Ты не возражаешь? — спросил он.

— Нет, конечно нет, — тихо ответила Арабелла. — Ты читаешь мои мысли.

Они нашли отца Серджио в притворе церкви, занятого разговором с двумя мужчинами, весьма деловыми и серьезными, судя по их виду. Священник оживленно поприветствовал новоприбывших и представил своих собеседников. Те оказались сотрудниками фирмы, отвечающей за реконструкцию родильного отделения местной больницы.

— А ведь все благодаря вам, — не преминул сказать отец Серджио, обращаясь к Маурицио. Затем, поняв, что привело сюда эту пару, тактичный священник оставил их одних.

Через некоторое время Маурицио и Арабелла вышли из церкви и направились к тому месту, где находилась дорогая им могила...

Когда Маурицио упомянул о своем доме в Риме, у Арабеллы сложилось впечатление о чем-то грандиозным. Но увиденное превзошло ее самые смелые фантазии.

Огромный особняк с невероятным количеством комнат потрясал воображение. И молодая женщина поняла, что дом был куплен с единственной целью: стать символом положения его владельца в обществе.

Арабелла весьма опасалась, что обнаружит здесь следы присутствия Надин. Как-никак, та прожила тут целых шесть лет. Но ничего подобного не произошло. Во-первых, потому, что она увезла отсюда все, что смогла. А во-вторых, как объяснил Маурицио, атмосферу в доме создает женщина. А Надин так и не стала той, кого принято называть хранительницей домашнего очага.

— Мы не любили друг друга по-настоящему и не испытали никакого сожаления, расставшись, — подытожил он.

Арабелла чувствовала, что это правда. Дом, где жила любовь, всегда сохранит ее следы, а здесь их не было. Они вместе с Маурицио могли сделать из холодного помпезного особняка пристанище мира и согласия независимо от того, что он нравился Надин.

Маурицио выбрал самую солнечную комнату для детской и распорядился покрасить стены в желтый цвет.

— А все остальное подберем, когда будем знать точно, кто родится: мальчик или девочка — сказал он.

— Ты уже подумал об именах? — спросила Арабелла.

— Знаешь, в мечтах я всегда видел себя отцом очаровательной девочки, такой же красивой, как ее мать, и с таким же именем, — признался Маурицио. — А вот о том, как назову сына,

если тот родится, даже не задумывался... А давай имя мальчику дашь ты? — предложил он.

Арабелла кивнула, улыбаясь ему нежно, и спросила:

— Как звали твоего отца?

— Франческо.

— Звучит красиво, — сказала она. — А Франческо Скальди — еще лучше!

Он взглядом выразил ей свою благодарность, но возразил:

— Не делай этого лишь для меня, Абби.

Арабелла взяла его за руку и покачала головой.

— Все, что я делаю, я делаю не для себя. Для нас!

Они поженились тихо в крошечной местной церкви. Маурицио держал ее за руку, словно боялся отпустить хоть на мгновение. Он был очень взволнован, и его состояние сказало Арабелле лучше любых слов, что значит это день для него...

Когда начались роды, Маурицио не пожелал оставить ее и всячески стремился поддержать жену.

Но наконец счастливый миг настал: он держал на руках их дочь.

— У тебя теперь есть наследница, — улыбаясь ему, сказала Арабелла.

Маурицио кивнул.

— Да, это ребенок, которого я страстно желал. — Он нежно коснулся губами лобика малышки. — Теперь у меня есть все.

Маурицио поцеловал жену и сказал тем же самым проникновенным тоном, какой она помнила все эти годы:

— Много лет назад, накануне того дня, когда мы должны были пожениться, я обещал тебе, что мое сердце, моя любовь и вся моя жизнь принадлежат тебе и так будет всегда. Теперь говорю это снова. Я буду оберегать тебя от страданий, что бы ни выпало на нашу долю. И когда жизнь закончится, ничего не изменится. Ты понимаешь? Ничего. Я буду с тобой всегда, и весь мой мир будет твоим...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.